

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет

На правах рукописи

Лю Сяо

刘晓

**Метафоры с компонентами «природа» и «любовь»
как отражение национального менталитета: сопоставительный аспект
(на основе английской и китайской художественной литературы)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент А.А. Изотова

Москва – 2015

СОДЕЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. История исследования метафоры	9
1.1. Метафора в поэтике и когнитологии	9
1.2. Устойчивая метафора в английской лингвокультуре	18
1.3. Устойчивая метафора и метаметафора	38
Глава 2. Английские метафоры с компонентом «Природа»	44
2.1. Метафорика стихий в «Беовульфe»	44
2.1.1. Волнующаяся вода и человеческие эмоции	45
2.1.2. Натиск воды и война	46
2.1.3. Темная вода и смерть	47
2.1.4. Вода и огонь	48
2.2. Учение о пяти первоэлементах и метафора	50
2.2.1. Метафоры с компонентом «Золото» / «Металл»	55
2.2.2. Метафоры с компонентом «Дерево»	60
2.2.3. Метафоры с компонентом «Вода»	69
2.2.4. Метафоры с компонентом «Огонь»	78
2.2.5. Метафоры с компонентом «Земля»	84
2.2.6. Метафоры с компонентом «Дом» (подгруппа метафор с компонентом «Земля»)	88
2.2.7. Метафоры с компонентом «Конкретный объект»	90
2.2.8. Метафоры с компонентом «Объект живой природы»	92
2.2.9. Метафоры с компонентом «Человек»	94
Выводы ко второй главе	95
Глава 3. Английские метафоры с компонентом «Любовь»	98
3.1. Любовь – соединение	98
3.1.1. Любовь – смешивание	99
3.1.2. Любовь – связывание/привязка	100

3.2. Любовь – время	101
3.2.1. Любовь – вечность	101
3.2.2. Любовь – остановленное мгновение	101
3. 3. Любовь – опасность	102
3.3.1 Любовь как зло	102
3.3.2 Любовь как ловушка	103
3.3.3 Любовь как паутина/ткань	104
3.3.4 Любовь как кинжал	104
3.3.5 Любовь как яд	105
3.4. Любовь как защита	105
3.4.1. Любовь – крыша дома	105
3.4.2. Любовь – щит	106
3.4.3. Любовь – укрытие	106
3.4.4. Любовь – целитель	107
3.4.5. Любовь – освобождение	107
3.5. Любовь как свет	107
3.5.1. Любовь – маяк	108
3.5.2 Любовь – звезда	109
3.5.3. Любовь – пламя	109
3.5.4. Любовь – солнечный свет	111
3.6. Любовь как природный катаклизм	111
3.6.1. Любовь – гроза	111
3.6.2. Любовь – водоворот	111
3.6.3. Любовь – вулкан	112
3.7. Любовь как избавление	112
3.8. Любовь как растение	113
3.8.1 Любовь – росток	113
3.8.2. Любовь – роза	113
3.8.3. Любовь – посеянное зерно	114

3.9. Любовь как вода	115
3.9.1. Любовь – океан	115
3.9.2. Любовь – река	115
3.9.3. Любовь – водопад	116
3.9.4. Любовь – морской прилив	116
3.9.5. Любовь – дождь	117
3.10. Любовь как сила	117
3.10.1. Любовь – колонна	118
3.10.2. Любовь – сила духа	118
3.10.3. Любовь – магнетизм	118
3.10.4. Любовь – магия	119
3.11. Любовь как путешествие	119
3.12. Любовь как воздух, как крылья для птицы, как вода для реки...	120
Выводы к третьей главе	129
Заключение	131
Источник фактического материала	135
Библиография	146

ВВЕДЕНИЕ

Исследования метафоры как способа познания национального характера занимают значительное место в современной лингвистике и продолжают оставаться перспективными.

В качестве **материала** исследования были выбраны художественные тексты, составляющие лингвокультурный контекст современного британского общества.

Объектом исследования стала британская лингвокультура.

Предметом настоящего исследования являются концептуальные метафоры с элементами «природа» и «любовь» в британском художественном тексте.

Новизна работы обусловлена тем, что в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы впервые изучены метафоры в китайском тексте.

Актуальность работы подтверждается её кросс-культурным характером. Избранный в диссертации подход к объекту исследования основывается на признании креативно-познавательных потенций метафоры, который позволяет выявить познавательные возможности языковой метафоры в связи с различными условиями общения. Среди факторов, оказывающих влияние на процесс метафоризации, рассматриваются не только языковая компетенция и объективное знание мира говорящим, но также индивидуальный опыт говорящего и опыт языкового коллектива, запечатленный в семантике слов и их коннотациях. Это непосредственно связано и с одной из актуальных проблем современной лингвистики – построением антропометричной картины мира и способов ее фиксации в языковых знаках.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение функционирования концептуальных метафор с

элементами «природа» и «любовь» в английской лингвокультуре и фразеологии.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы могут использоваться в практике преподавания английского языка в соответствующих разделах учебных курсов, на занятиях, посвященных вопросам интерпретации художественного текста, а также в переводческой практике.

Основной **целью** работы было детальное и разностороннее исследование английских художественных текстов, содержащих концептуальные метафоры с элементами «природа» и «любовь».

Для этого необходимо было решить ряд **задач**:

- проанализировать современное состояние исследований в области концептуальной метафоры;
- систематизировать основные типы английских концептуальных метафор с элементами «природа» и «любовь»;
- выявить и описать, каким образом употребление английских концептуальных метафор с элементами «природа» и «любовь» влияет на читательское восприятие;
- применить категорию пяти первоэлементов к художественным текстам.

В соответствии с характером поставленных задач в ходе исследования использовались **методы** контекстуального анализа, компонентного анализа и экстралингвистической интерпретации фактов языка, метод контрастивного анализа метафор, функционирующих в рамках двух лингвокультур.

Положения, выносимые на защиту:

1. В британской лингвокультуре, как и в китайской, женщина часто ассоциируется с цветком, при этом, однако, для носителя британской лингвокультуры речь в таких случаях идет о красоте, для носителя же

китайской лингвокультуры на первый план выходит деликатность и мягкость.

2. Для британской лингвокультуры характерно соотнесение человека с неким растением в целом, китайские же метафоры включают в себя прежде всего отдельные элементы растения – ветви, листья, ствол, корни и т.д.

3. Для британской лингвокультуры, как и для лингвокультуры китайской, достаточно обычно метафорическое восприятие времени как потока, однако в то время как носитель британской лингвокультуры видит себя стоящим лицом против течения, он борется с нападающим на него временем, представитель китайской лингвокультуры видит себя стоящим лицом по течению времени, он не борется с потоком времени, а старается максимально гармонизировать себя в нем.

4. В британской лингвокультуре доминируют метафоры с компонентом «огонь», что отличает её от китайской лингвокультуры, где на первый план выступают метафоры с компонентом «вода».

5. Британские метафоры с компонентом «любовь» могут быть сгруппированы следующим образом: (1) любовь как единение, (2) любовь как вечность и как мгновение этой вечности, (3) любовь как опасность, (4) любовь как защита, (5) любовь как свет, (6) любовь как цельность, (7) любовь как природный катаклизм, (8) любовь как избавление, (9) любовь как растение, (10) любовь как вода, (11) любовь как сила, (12) любовь как путешествие, (13) любовь как воздух, (14) любовь как то, без чего невозможно само существование. При этом для британской лингвокультуры характерны прежде всего метафоры «любовь как сила», тогда как для китайской – отсутствующие в данном списке метафоры «любовь как подарок».

6. Под влиянием глобализации китайская лингвокультура трансформируется во многом под влиянием лингвокультуры британской,

так что метафоры с компонентом «любовь» могут включать в себя такие компоненты, которые ранее были просто немыслимы, например, если раньше в китайской лингвокультуре любовь могла метафоризироваться в виде изящных падающих снежинок, то теперь им на смену вполне может прийти бушующих ураган с ударами молний и раскатами грома.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на кафедре английского языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова, на конференциях «Ломоносов» в 2013, 2014 и 2015 годах, а также нашли отражение в следующих проиндексированных в РИНЦ публикациях по теме диссертации, включая три публикации в журналах из списка ВАК РФ:
Лю Сяо. Метафорика воды в «Беовульфе» // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 8. – С. 253-257. <http://elibrary.ru/item.asp?id=22015089>

Лю Сяо. Метафора и корпус // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2.
<http://elibrary.ru/item.asp?id=23101822>

Лю Сяо. Метафорика стихий в «Беовульфе» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1-2 (43). – С. 133-135.
<http://elibrary.ru/item.asp?id=22662439>

Лю Сяо. Английские метафоры с компонентом «природа» в свете концепции У-Син = *Liu Xiao (PRC)* English metaphors with the component “Nature” in the light of Wǔ Xíng // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 51. – М.: МАКС Пресс, 2015. – С. 15-40.
<http://elibrary.ru/item.asp?id=23826606>

Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка источников фактического материала, а также Библиографии.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРЫ

Определение сущности метафоры вызывало дискуссии на протяжении всей истории языкознания, а также истории философии, психологии, литературоведения. Интерес к метафоре не прекращается и по сей день: достаточно отметить, что поиск «метафора» на ресурсе e-library.ru/ дает более 6 тысяч ссылок на посвященные данной проблематике статьи, монографии, диссертации и т.д.

1.1. МЕТАФОРА В ПОЭТИКЕ И КОГНИТОЛОГИИ

Сам термин восходит к греческому *μετα-φορά*, ἡ ‘переносное значение слова’ [Вейсманъ 1899: 806] и впервые появляется в «Поэтике» Аристотеля, ср.: «Метафора – перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель 1998: 1097]. Говоря о достоинстве поэтической речи («слог поэта должен быть ясным и не низким»), Аристотель считает, что «...метафоры, украшения и другие виды слов <...> сделают слог благородным и возвышенным, а общеупотребительные выражения придадут ему ясность» [Аристотель 1998: 1108-1109]. Весьма важным и, пожалуй, наиболее употребительным тропом метафора становится в риторике, поскольку имеет безграничный спектр «сопоставлений и образов предметов», так что «область метафоризации безгранична» [Волков 2001: 220].

Важно отметить при этом, что в последней четверти минувшего столетия «центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии (риторики, стилистики, литературной критики), в которой превалировали анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта» [Арутюнова 1990: 5-6]. В наше время метафоры можно встретить в текстах, относящихся к самым разным отраслям научного

знания, при этом речь отнюдь не идет только о таких традиционно гуманитарных дисциплинах, как литературоведение и литературная критика, риторика, теория изящных искусств, философия, логика, психология, психоанализ, герменевтика, семиотика и подобные им.

Во многом именно интерес к метафоре породил целое направление в современном научном поиске – когнитивные исследования, в основу которых положено «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [Петров 1988: 41].

В отличие от прочих рассматриваемых в литературоведческих исследованиях поэтических тропов и фигур, метафора чрезвычайно универсальна. По мнению Р. Хоффмана, метафора «может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике» [Hoffman 1985: 327]. В целом соглашаясь с высказанным, добавим, однако, что в качестве естественных ограничителей может выступать несовместимость метафор с особенностями инструктивными, прескриптивными и комиссивными жанрами, результате чего, в частности, метафорам не место в технических или медицинских инструкциях, в правилах поведения, в служебных инструкциях, в судебных и прочих юридических документах, в присягах, ультиматумах, договорах и экспертных заключениях, в патентах, в анкетах и т. п. Там же, где требования к «букве» не столь строги, где центр внимания переносится от рационального к эмоциональному, метафора вполне уместна. В эмоциональном воздействии на адресата может быть

заинтересован не только литератор, но и адвокат в зале суда. Поэтому эмоциональное играет огромную роль в нашем практическом мышлении, которое определяет и наше поведение, и нашу повседневную речь, а это создает предпосылки для активного функционирования метафор. Благодаря метафорам мы можем сопоставлять несопоставимое, именно с метафорического переноса возникают новые значения и их оттенки, новые термины и новые понятия. Так, по выражению Н.Д. Арутюновой, «создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом» [Арутюнова 1990: 10].

В отличие от философов-рационалистов, которые требовали от говорящего логической четкости и строгости и которые видели в склонности людей к метафорическому выражению проявление человеческого несовершенства (ср. [Гоббс 1936: 62]), философы романтического склада, рассматривали метафору как единственный способ выражения не только мысли, но и самого мышления. Так, по мнению Ф. Ницше, «мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» [Ницше 2015]. И так, в то время как рационализм отвергал метафору как неадекватную форму выражения истины, философский иррационализм метафору абсолютизирует. Более того, варианты и разновидности такого подхода к роли метафоры в познании встречаются во всех философских концепциях, связанных с принципами антропоцентричности, интуитивизма, мифо-поэтического мышления и национальных картин мира.

Как убежден Х. Ортега-и-Гассет, «метафора – необходимое орудие мышления, форма научной мысли» [Ортега-и-Гассет 1990: 68]. Философ описывает процесс появления нового понятия просто, однако более чем убедительно: «Когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, то

есть когда он создает новое понятие, он должен его назвать. Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, ученый выбирает, такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора». [Отрега-и-Гассет 1990: 69]. Однако метафора нужна нам не только для того, чтобы обозначить некий результат деятельности нашего мышления, но и для мышления как такового. Как восприятие, так и мышление лучше усваивают то, что изменяется. Китайская письменность, в отличие от буквенного письма, непосредственно обозначает понятия, поэтому по-китайски писать или читать значить думать. Когда после нескольких тысячелетий монархического строя понадобилось обозначить новое для существующего тогда китайского языка понятия «республика», было принято решение обозначить его сочетанием иероглифов «общий», «согласие», «государство». Тем самым понятие «республика» в китайском языке представляет собой представление о государстве, управляемом в соответствии с согласием всех граждан. Как считает Х. Ортега-и-Гассет, «метафора представляет собой нечто вроде такого рода сочетаний идеограмм, позволяющих нам обособить труднодоступные для мысли абстрактные объекты и придать им самостоятельность» [Отрега-и-Гассет 1990: 75]. Наше познание мира идет от простого к более сложному, от предельно конкретного к менее конкретному, а затем и к абстрактному, так что «все огромное здание Вселенной, преисполненное жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры» [Отрега-и-Гассет 1990: 77].

Главой «Сила метафоры» заключает свою посвященную символическим формам в человеческой культуре книгу «Язык и миф» Э Кассирер, см. [Cassirer 1925]. По мнению философа, как бы ни

различались язык и миф содержательно, и тому, и другому свойственна одна и та же концептуальная форма, которую можно кратко обозначить как метафорическое мышление. В отличие от логического мышления, в и в языковом, и в мифологическом мышлении специфические отличия могут нивелироваться: «Каждая часть эквивалентна целому, каждый экземпляр – виду или роду как таковому. Каждая часть не только репрезентирует целое, а индивид или вид – род, но они ими и являются; они представляют не только их опосредованное отражение, но и непосредственно вбирают в себя силу целого, его значение и действенность» [Кассирер 1990: 38]. Занимаясь проблемами дологического мышления, как оно отложилось в мифологии, в религии, в искусстве и, наконец, в языке, Кассирер постулирует целостность человеческого сознания, которое объединяет самые разные виды ментальной деятельности. В метафоре, понимаемой Кассирером довольно широко, философ видел рефлексы мифологических представлений. Уникальным свойством человека, которое противопоставляет его животным, Кассирер считал способность к символической репрезентации содержательных категорий. В отличие от Ницше, Кассирер противопоставлял мифо-поэтическое (оно же метафорическое) мышление мышлению дискурсивно-логическому. Дискурсивно-логическое мышление экстенсивно (при формировании понятия мы идем от частного случая к всё более широким категориям). По выражению Н.Д. Арутюновой, «в итоге вотум недоверия метафоре и всему человеческому познанию, вынесенный Ницше, обернулся надеждой на ее эвристические возможности, суггестивность. Из тезиса о внедренности метафоры в мышление была выведена новая оценка ее познавательной функции. Было обращено внимание на моделирующую роль метафоры: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [Арутюнова 1990: 14].

Наконец, Дж. Лакофф и М. Джонсон убедительно обосновывают роль когнитивной метафоры в самом процессе человеческого познания, ср.: «В основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знания – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и социумом» [Лакофф, Джонсон 2008: 9]. В соответствии с этой концепцией, явление метафоризации основано на таком взаимодействии когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain), при котором определенные области цели структурируются (или переструктурируются) по образцу, взятому из источника. Иначе говоря, происходит метафорическое (= когнитивное) картирование (= проекция) уже виртуальной действительности. Область источника оказывается своего рода обобщением опыта практической жизни человека в виде относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводимых в процессе названной практической жизни. В качестве «концептуальных метафор» Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [Лакофф, Джонсон 2008: 11]. Таким образом, анализируя концептуальные метафоры, представленные в художественном тексте, мы можем делать выводы об особенностях национального менталитета.

Со времён Аристотеля метафорой именуется переносное наименование по сходству. В XX веке наметилось более широкое понимание этого термина: слово в непрямом смысле (Арутюнова ЛЭС 1990). Мы, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном определяем метафору как выражен и е (слово), употреблённое в расширительном значении.

Создатель теории фреймов М. Минский пользуется аналогиями, в основе которых лежит ключевая метафора, обеспечивающая

концептуализацию одного фрагмента действительности по аналогии с той системой понятий, которая уже сложилась. По его убеждению, «анalogии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы "в свете" другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [Минский 1988: 191-192].

Метафора выражает, по мнению австро-чешского писателя и философа Роберта Музила (фамилию которого по-русски обычно приводят в её германизированной огласовке «Музиль»), и правду и неправду, неразрывно связанные друг с другом связаны через чувство: «Если взять метафору такой, какова она есть, и придать ей по образцу реальности доступную чувствам форму, получится сон и искусство, но между ними и реальной, полной жизнью стоит стеклянная стена. Если подойти к метафоре рационалистически и отделить несовпадающее от точно совпадающего, получатся правда и знание, но чувство окажется уничтоженным... Отделив в метафоре все, что, вероятно, могло бы быть правдой, от просто словесной пены, правды обычно приобретают немножко, а всю ценность метафоры сводят на нет» [Музиль 1984: 653].

В этой двойственности метафоры – еще одна причина её привлекательности для художественного творчества. Метафора способна превращать заведомо ложное утверждение в утверждение правдивое. При этом, по мнению Н.Д. Арутюновой, «ложь и правда метафоры устанавливаются относительно разных миров: ложь – относительно обезличенной, превращенной в общее достояние действительности, организованной таксономической иерархией; правда – относительно мира индивидов (индивидуальных обликов и индивидных сущностей), воспринимаемого индивидуальным человеческим сознанием», потому что «в метафоре противопоставлены объективная, отстраненная от человека действительность и мир человека, разрушающего иерархию классов,

способного не только улавливать, но и создавать сходство между предметами», так что «метафора в ее наиболее очевидной форме – это транспозиция идентифицирующей (дескриптивной и семантически диффузной) лексики, предназначенной для указания на предмет речи, в сферу предикатов, предназначенных для указания на его признаки и свойства» [Арутюнова 1990: 18].

Исследовательница видит в метафоре следующие черты, роднящие её с поэтическим дискурсом: «1) слияние в ней образа и смысла, 2) контраст с тривиальной таксономией объектов, 3) категориальный сдвиг, 4) актуализация «случайных связей», 5) несводимость к буквальной перефразе, 6) синтетичность, диффузность значения, 7) допущение разных интерпретаций, 8) отсутствие или необязательность мотивации, 9) апелляция к воображению, а не знанию, 10) выбор кратчайшего пути к сущности объекта» [Арутюнова 1990: 19].

Образность метафоры, её связь с поэтическим воображением позволяют говорить о метафоре в современной живописи, театре и кино. Однако метафора в живописи глубоко отлична от метафоры художественной. Поэтому, в частности, ни в одной из 96 шалаговских офортов к «Мертвым душам» Гоголя ни одной гоголевской метафоры мы не найдем, ср., например, офорт «Бал у губергатора», взятый с электронного ресурса <http://www.marc-chagall.ru/deadsouls.php> (обращение 14.07.2015):

По убеждению НД. Арутюновой, «перенос метафоры на почву изобразительных искусств ведет к существенному видоизменению этого понятия», потому что «изобразительная метафора», в отличие от «метафоры словесной», «не порождает ни новых смыслов, ни новых смысловых нюансов, <...> не выходит за пределы своего контекста и не стабилизируется в языке живописи или кино, у нее нет перспектив для жизни вне того произведения искусства, в которое она входит», да и «сам механизм создания изобразительной метафоры глубоко отличен от механизма словесной метафоры, непременным условием действия которого является принадлежность к разным категориям двух ее субъектов (денотатов) – основного (того, который характеризуется метафорой) и вспомогательного (того, который имплицирован ее прямым значением)». [Арутюнова 1990: 22].

Событием в отечественной когнитивистике стало и появление таких ценнейших справочных материалов, как «Краткий словарь когнитивных

терминов» под редакцией Е.С. Кубряковой (1996), «Очерки по когнитивной лингвистике» З.Д. Поповой и И.А. Стернина (2001), «Словарь русских политических метафор» А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова (1994).

Исследования метафоры в когнитивном аспекте успешно ведутся на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В этой связи отметим написанные и защищенные под руководством О.В. Александровой диссертации М.А. Бурмистровой (2005) и Ю.И. Клименовой (2010), защищенные под руководством Н.Б. Гвишиани диссертации Т.А. Подколзиной (1994) и О.Ю. Буйновой (1998), защищенные под руководством В.Я. Задорновой диссертации И.В. Световидовой (2000) и С.А.С. Шахбаза (2010), защищенную под руководством Л.Л. Барановой диссертацию Н.О. Празян (2011). Особого упоминания заслуживают исследования Н.Б. Гвишиани о плодотворности совмещения когнитивных исследований с исследованиями корпусными.

Весьма ценными для нас были наблюдения, сделанные в посвященной фигурам сравнения в функциональном освещении монографии [Гаспарян 2013], успешно продолжающей традицию «филологии многоязычия», плодотворно развиваемую англистами МГУ имени М.В.Ломоносова, ср. [Задорнова 1984], [Борисова 1989], [Кукурян 1990]. Как убедительно показано в исследовании, «сопоставительное изучение помогает выявить те языковые элементы, роль которых незаменима в создании эстетического эффекта» [Гаспарян 2013: 286].

1.2. УСТОЙЧИВАЯ МЕТАФОРА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Известно, что в современной английской лингвокультуре разрушение структурной и семантической целостности фразеологических единиц представляет собой явление, неразрывно связанное с культурно-исторической традицией. Традиция игры языком, столь

характерная для стиля У. Шекспира или Дж. Свифта, ощутимо активизируется в конце XIX века и до сих пор играет заметную роль в английской речевой практике.

Как отмечается в специальных исследованиях, «для культурного носителя английского языка считается дурным тоном воспроизведение фразеологической единицы в ее словарном, "не обыгранном" виде. В художественной литературе противопоставление словарной формы фразеологической единицы и ее обыгрывания все более отчетливо приобретает семиотический характер в рамках речевого портрета персонажа — чем выше уровень его образования и/или социального положения, тем реже он употребляет фразеологические единицы в их не обыгранной, словарной форме» [Изотова 2013: 3].

На последующих страницах будут рассмотрены те онтологические свойства английских фразеологических единиц, которые обуславливают возможность их обыгрывания дискурсе, а также разграничение феномена деформации фразеологической единицы и её варьирования.

К особенностям фразеологической единицы традиционно относят следующие её свойства: речь идет о лексикализованном, широко употребительном и постоянно воспроизводимом сочетании слов, которому свойственны синтаксическая и семантическая стабильность, идиоматичность, а также определяющие её функциональный дискурсивный потенциал экспрессивно-оценочные коннотации. при этом не следует забывать, что лексикализация, общеупотребительность, воспроизводимость и стабильность присущи не только фразеологическим единицам, но и разнообразным устойчивым сочетаниям неидиоматического характера, и лишь три последние особенности характерны исключительно для фразеологических единиц. Что касается идиоматичности (под этим термином понимается, как правило, невыводимость значения целого из значений составляющих компонентов),

то это основное семантическое свойство фразеологических единиц представлено у различных фразеологических единиц неодинаково, см. [Gläser 1988].

Идиоматичность фразеологических единиц особенно отчетливо проявляется при сопоставлении последних с их «двойниками» – словосочетаниями или предложениями с той же самой синтаксической структурой, однако с буквальным значением. Например, мы можем сравнить идиому *to roll out the red carpet* = ‘оказать радушный прием’ и её синтаксический «двойник» с буквальным значением ‘расстелить ковер красного цвета’.

Идиоматичность можно рассматривать как следствие метафорического (в широком смысле – см. выше) смещения, когда конкретное действие (например, ‘расстиланье ковра’) может служить для обозначения действия более широкого (в данном случае ‘хлопоты по оказанию максимально радушного приема’), конкретное может обозначать целое (когда *bread and butter* обозначают уже не просто разновидность бутерброда, но ‘средства к существованию’ вообще), инструмент или орудие может обозначать действие, ассоциативно близкое с тем действием, для выполнения которого служит данное орудие (в идиоме *to run the gauntlet* ‘подвергаться острой критике’ критика метафорически отождествляется со «шпицрутенами» – орудием жестокого телесного наказания в европейских армиях Нового времени).

Идиоматичность фразеологической единицы нередко является результатом длительного исторического процесса, который приводит зачастую к полной невыводимости значения целого из значений составляющих элементов, так что реконструировать общий образный ход мысли бывает затруднительно или же просто невозможно. Так, чтобы восстановить внутреннюю форму фразеологической единицы *as plain as a pikestaff* = ‘легкий для понимания, совершенно ясный’, надо знать, что

pikestaff первоначально писалось как *packstaff* = ‘посох, на которой путешественник укреплял свою сумку, располагаясь на отдых, и которая становилась гладкой (plain = smooth) от длительного употребления’.

Актуальное значение фразеологической единицы представляет собой, таким образом, своеобразную переработку значений составляющих данную фразеологическую единицу компонентов. При этом в дополнение к идиоматическому значению данная единица обладает экспрессивными и стилистическими коннотациями. Например, фразеологическая единица *a wet blanket* = ‘тот, чья вялость, отсутствие энтузиазма или подавленное настроение расхолаживающе действует на остальных’ обладает отрицательной экспрессивной коннотацией, в то время как стилистическая коннотация определяется принадлежностью данного выражения к сниженному разговорному стилю языка.

Идиоматичность как основополагающее языковое свойство фразеологической единицы явилось основой разнообразных классификаций по степени ее реализации в той или иной единице, ср. [Fernando, Flavell 1981], [Makkai 1972], [Кунин 1986] и др. Эти критерии представляют отдельные свойства идиоматичности как в собственно синтаксическом, так и в семантическом аспектах.

Некоторые исследователи предлагают классификацию фразеологических единиц, основанную на степени мотивации, то есть на степени семантической ясности, прозрачности этих единиц. В соответствии с этим принципом сочетания *to cut wood; to break eggs; a pink shirt*, значение которых выводимо из значений составных частей, противопоставлены единицам типа *to pull someone's leg; to pass the buck; off the top of one's head*, которые рассматриваются как «семантически полностью закрытые фразы» или идиомы в собственном смысле этого слова, поскольку их значение не выводимо из значений составляющих компонентов. Степень прозрачности и, соответственно, степень

идиоматичности устанавливается с помощью специальных тестов, предлагаемых информантам, индивидуальное восприятие которых предполагает некоторый субъективный элемент и поэтому не может служить достаточно надежной базой для выделения таксономий в области идиоматической фразеологии. Тем не менее результаты подобных исследований представляются чрезвычайно интересными, так как они отражают характерное восприятие рассматриваемых единиц носителями языка и отделяют те случаи, в которых образная основа осознается, от полностью демонтированных закрытых фраз.

Так, в предложенной в [Fernando, Flavell 1981] классификации идиом выделяются следующие типы единиц:

1. Это свободные сочетания слов (коллокации) с буквальным значением, значение которые легко выводится из значений их составных элементов. Речь идёт о случаях типа *to cut wood; to break eggs; a pink shirt*.

2. Сочетания с полупрозрачной структурой со значением, возникшим в результате метафорического переосмысления, и имеющие структурно тождественных «двойников» с буквальным значением, ср.: *to skate on thin ice; to add fuel to the fire*.

3. Сочетания с полужакрытой структурой, значение которых не выводится однозначно их из внутренней структуры, ср. *to burn one's boats*.

4. Полностью семантически закрытые сочетания, как *to pass the buck; off the of one's head*.

Только в последнем случае речь идет об идиомах в собственном смысле этого слова, так как их значение не выводимо из значений составляющих компонентов.

Предложенная «шкала идиоматичности» представляет собой, однако, довольно расплывчатую систему в отношении категорий, так как она обращена к языковой интуиции, которую авторы проверяют посредством вопросников, раздаваемых различным целевым группам информантов.

Кроме того, пользуясь данной шкалой, метафоры довольно трудно отграничить от идиом (как в классах 3 и 4).

Б. Фрезер также строит свою шкалу [Fräser 1970: 22-42] по степени увеличения идиоматичности, начиная от свободных сочетаний слов и заканчивая совершенно застывшими идиомами, семантика которых на современной стадии развития языка никак не мотивирована. Предлагаемая шкала идиоматичности включает семантические и синтаксические критерии и строится в направлении «снизу вверх» (L = 'лексема').

L₆ – не являющиеся идиомами свободные сочетания лексических единиц, например *to close a door; to do homage*.

L₅ – полуустойчивые сочетания, допускающие некоторые трансформации своей структуры (глагол > отглагольное существительное со значением действия; активная конструкция > пассивная конструкция), например *to keep one's word; to let the cat out of the bag*.

L₄ – сочетания, допускающие образование пассивных конструкций и вклинивание обстоятельств места, например *to hit the nail on the head; to take interest in*

L₃ – сочетания, допускающие перестановку компонентов, например *to bring down the house; to put on weight; to teach new tricks to an old dog*.

L₂ – сочетания, допускающие вклинивание, например *to give ground to; to give the benefit of doubt to*.

L₁ – сочетания, допускающие добавление новых компонентов, например *to burn the candle at both ends; to give birth to*

L₀ – совершенно застывшие единицы, не допускающие ни синтагматических, ни парадигматических изменений, например *to bite off one's tongue; to sit on pins and needles*.

Авторы Оксфордского словаря современного английского языка А.П. Кауи и Р. Маккин предлагают классификацию, основанную как на

семантических свойствах идиом (в соответствии с британской традицией этот термин используется ими как родовое понятие, охватывающее все виды устойчивых словосочетаний), так и на их синтаксическом поведении, см. [Cowie, Mackin 1983]

Эта классификация построена также в соответствии со степенью идиоматичности анализируемых единиц, но в направлении не «снизу вверх», как у Б. Фрезера, а «сверху вниз», т.е. по линии не увеличения, а уменьшения идиоматичности:

1. **Собственно идиомы**, представляющие собой «окаменевшие» или «застывшие» сочетания слов и находящиеся тем самым, я на конечной ступени процесса идиоматизации устойчивого сочетания слов, например *to blow the gaff*.

2. **Метафорические или образные идиомы**, не допускающие какого-либо варьирования и граничащие по существу с собственно идиомами, например *to beat one's breast; to burn one's boats*.

В обычном языковом употреблении у этих языковых единиц нет омонимов с буквальным значением.

3. **Неполные сочетания слов, или полуидиомы**, в составе которых сочетаются компоненты с буквальным и переносным значением, например *a blind alley; to jog one's // sb's memory*.

4. **Открытые коллокации**, представляющие собой «свободные» синтаксические структуры и, тем самым вообще не являющиеся устойчивыми сочетаниями. Каждый компонент открытой коллокации используется в своем буквальном значении.

По мнению авторов данной классификации, идиомы отнюдь не являются замкнутой, изолированной категорией, они связаны с неидиоматическими единицами по шкале континуума.

Фразеологическая единица как полилексемное структурно раздельнооформленное, семантически цельное образование включает в

себе диалектическое противоречие между семантической глобальностью целого и структурной раздельнооформленностью компонентов, см. [Изотова 2013: 12]. В отличие от свободных сочетаний слов компоненты фразеологической единицы фиксированы и занимают строго определенное место в составе фразы. Последнее обстоятельство, впрочем, не исключает варьирования – такого видоизменения структуры фразеологической единицы, которое не приводит к разрушению ее семантической и структурной стабильности, например, в случае образования пассивных конструкций, ср.: *to let the cat out of the bag // the cat is let out of the bag; to pull someone's leg // someone's leg is pulled*.

Следует подчеркнуть, что варьирование – это равноправное использование вариантов – устойчивых сочетаний, регулярно воспроизводимых в речи и фиксируемых словарями. Варианты обладают одинаковой значимостью и употребляются наравне друг с другом. Иногда варианты могут быть связаны с территориальным признаком – примером может служить американский и британский вариант, ср. британский вариант *the skeleton in the cupboard* и американский вариант *the skeleton in the closet*.

Семантическая и синтаксическая стабильность фразеологической единицы и ее компонентов лежит в основе изучения и систематизации приемов деформации фразеологических единиц, возникающей вследствие необратимого нарушения этой стабильности. Методологической основой таких исследований является генеративная грамматика и понятие трансформации. Фразеологические единицы так или иначе представляют собой «недостаточные» единицы в плане трансформации [Кунин 1986]. Ограничения синтаксического поведения фразеологических единиц могут быть выявлены с помощью ряда тестов на возможность **добавления**, **усечения**, **подстановки** или **перестановки** компонентов, составляющих устойчивое сочетание, см. [Gläser 1988].

Добавление или *вклинивание* представляет собой включение в состав фразеологической единицы дополнительных лексических составляющих, например, показателя степени сравнения прилагательного, что приводит к нарушению семантической стабильности фразеологической единицы и может превращать ее в свободное сочетание слов (*have cold feet // *have very cold feet; wet blanket // *a very wet blanket*).

То же самое происходит и при *усечении*, то есть при изъятии из состава фразеологической единицы одного из ее компонентов (*Hook, line and sinker // *sinker and hook*).

Аналогичная ситуация наблюдается и при *подстановке* — замене одного из компонентов фразеологической единицы произвольно выбранным словом (*to spill the beans // *to spill the peas*).

При этом сам факт наличия лексикализованных вариантов никоим образом данное положение не опровергает, ведь речь идет о замене того или иного компонента не произвольным, а вполне **конкретным, закрепленным языковой традицией словом** (*a holy / sacred cow; as thick as a cable / hailstones / blackberries; chilled / frozen to the bone / marrow*).

Устойчивость фразеологических единиц подтверждается тем обстоятельством, что перестановка их компонентов без разрушения данных единиц невозможна (*hook, line and sinker // *sinker, line and hook; man and boy = "с детства" // *boy and man*).

На функционирование фразеологических единиц накладываются ограничения парадигматического характера. Подобные свойства определяются по следующим предложенным в [Gläser 1988] критериям:

- **невозможность трансформации предикативной конструкции в атрибутивную**, ср. *a sleeping partner*¹ // * *a partner is sleeping*;

¹ *a sleeping partner* = ‘компаньон, не вмешивающийся в административные или хозяйственные дела и участвующий только капиталом’.

- **невозможность изменения входящей в состав фразеологической единицы прилагательного по степеням сравнения**, ср. *a wet blanket // *a wetter blanket*;

- **невозможность субстантивации конструкции**, ср. *to play a waiting game // *a playing of a waiting game*; *to kick the bucket // *his kicking (of) the bucket was quite unexpected*;

- **невозможность трансформации активной конструкции в пассивную**, ср.: *to kick the bucket // *the bucket is kicked*; *to spill the beans // *the/some beans were spilled at a party*.

Преднамеренные отступления от ограничений парадигматического характера приводят к структурной и семантической перестройке фразеологической единицы, ср. *He was **the wettest blanket** at our party*.

Подобные тесты представляются очень важными, так как они выявляют характер тех ограничений, которые выделяют рассматриваемую единицу в качестве элемента эмической системы языка и определяют характер ее функционирования в речи.

В современной лингвистической литературе высказывается мнение, что синтаксическое поведение фразеологической единицы тесно связано со степенью ее идиоматичности. Чем выше последняя, тем более жесткими оказываются ограничения, накладываемые на характер ее реализации в речи. Однако совершенно очевидно и то, что семантическая и синтаксическая стабильность идиоматических фразеологических единиц является той базой, на которой осуществляются различные речевые преобразования данных единиц языка, см. [Изотова 2013: 15].

В рамках фразеологической школы А.В. Кунина сформировалась система приемов деформации фразеологических единиц, базирующаяся на основе классификации нарушения синтаксической и семантической стабильности фразеологических единиц, которые определяются представленными выше тестами и обозначается термином

«окказиональное преобразование» или «окказиональное изменение» фразеологических единиц.

При этом различные приемы, рассматриваемые в рамках этого направления, подразделяются на **простые (элементарные)** и **осложненные (сложные)**.

Собственно простые приемы окказиональных преобразований фразеологических единиц в речи представляют собой разнообразные структурные и связанные с ними семантические изменения, вызываемые разрушением структурной и лексико-семантической стабильности состава единицы данного типа, а именно: замена одного или нескольких компонентов фразеологической единицы, вклинивание нового элемента, фразеологическая зевгма, контаминация и т.д.

Что касается **замены компонента в составе фразеологической единицы** (см., например, [Кунин 1977], [Волосевич 1987], [Вяльцева 1976]) и **вклинивания** (см. *простое, осложненное и конвергентное* вклинивание в [Тарвердян 1985]), то основным направлением исследования в этой части «окказиональных преобразований» является выявление системных отношений между исходной фразеологической единицей и заменяющимися или заменяющими компонентами. В результате замены компонентов семантика фразеологической единицы подвергается преобразованиям различной степени сложности в зависимости от того, как заменяющие компоненты семантически и стилистически соотносятся с исходной фразеологической единицей, а также насколько характер заменяющих или вклинивающихся компонентов обусловлен контекстом и его коммуникативной направленностью. Так, в приведенном далее примере из текста О. Уайльда компонент *belt* фразеологической единицы *to hit below the belt* ‘ударить ниже пояса’ заменен словом *intellect*. Фразеологическая единица сохраняет свою структуру, однако изменяет значение, ср.:

... *I can stand brute force, but brute reason is quite unbearable. There is something unfair about its use. It is hitting below the intellect.* (Wilde O. The Picture of Dorian Gray).

В следующем же примере из текста Вудхауза окказиональный элемент *personal* введен в состав фразеологизма *to keep an/one's eye on/upon* ‘пристально наблюдать за кем-либо или за чем-либо’, что создает яркий юмористический эффект.

Sunshine beamed pleasantly upon Lord Tilbury, founder and proprietor of that vast factory of popular literature as he sat reading the batch of weekly papers. Among the secrets of this great man's success was the fact that he kept a personal eye on all the firm's products. (Wodehouse P.G. Heavy Weather)

Прием, обозначаемый в [Киссел 1975] термином **фразеологическая зевзма**, состоит в том, что компонент фразеологической единицы вычленяется из ее состава и используется как общий в слитном употреблении соответствующей фразеологической единицы и свободного «переменного сочетания», ср.

The Beefeater. You have my lord Pombroke's trick, sir. The Man. Like enough: he is my near friend. But what call you his trick?

The Beefeater. Making sonnets by moonlight and to the same lady too.

The Man. No!

The Beefeater. Last night he stand here on your errand and in your shoes. (Shakespeare W. The Dark Lady of Sonnets)

В приведенном выше примере глагол *stand* выступает в качестве общего компонента и фразеологической единицы *to stand in smb's shoes* ‘быть в чьей-либо шкуре’ и переменного словосочетания *to stand on smb's errand* ‘быть по чьему-либо делу’.

Анализируемая в [Павлова 1975] **контаминация** основана на слитном употреблении двух различных фразеологических единиц с обязательным опущением одного или нескольких компонентов, ср.:

He (Pickwick) then once again dropped of to sleep with a confused consciousness. Mr. Smangle was still engaged in relating a long story, the chief point of which appeared to be, that on some occasion particularly stated and set forth, he had "done" a bill and a gentleman at the same time. (Dickens Ch. The Pickwick Papers)

В данном примере слитно употреблены фразеологические единицы *do a bill* ‘подделать вексель’ и *do a gentleman* ‘одурачить’.

Из сказанного выше следует, что хотя число приемов преобразований фразеологических единиц, выделяемых в рамках этого направления, значительно превышает количество основных трансформаций, свидетельствующих о синтагматической и парадигматической специфике фразеологических единиц, в их основе, по сути дела, лежат именно эти трансформационные ограничения.

В рамках фразеологической школы А.В. Кунина основные приемы окказиональных преобразований противопоставляются тому, что фразеологи этого направления называют «осложненными» приемами, такими, как **двойная актуализация, цепочки двойной актуализации, конвергенция, цепочки конвергенции**.

Термин «двойная актуализация» используется для обозначения такого употребления фразеологической единицы, когда она преднамеренно помещается в контекст, допускающий ее двоякую интерпретацию – как собственно фразеологическую единицу и как свободное сочетание слов. При этом никакого нарушения материального состава данной единицы не происходит.

В исследовании Е.М. Дубинского было установлено несколько типов двойной актуализации, возникающих в результате специфического

взаимодействия исходных фразеологических единиц и их компонентов – с одной стороны, и слов языка – с другой, см. [Дубинский 1985]. О двойной актуализации фразеологических единиц см. также [Луганская 1978], [Халатников 1982], [Погарская 1985].

Совершенно естественно, что такое использование фразеологических единиц возможно только для тех из них, которые обладают параллельными омонимичными им свободными построениями. Приведем пример замены компонента фразеологической единицы, приводящей к двойной актуализации:

*... No one saw me, no one knew my face. That blank became an essential part of my fame. No one remembered — and I was glad — how I had wanted to set the world on fire. I had been working on that **combustion** for years, and now that it was nicely **alight**, I didn't go near to **warm** myself.* (Theroux N. Picture Palace)

В приведенном примере фразеологическая единица *to set the world on fire* ‘иметь огромный успех’ воспроизводится в ее узуальной, словарной форме, и развитие образа, лежащего в ее основе, достигается употреблением в следующем непосредственно за данной фразеологической единицей предложении слов *combustion, alight, warm*, тематически близких одному из компонентов данной фразеологической единицы. Что касается терминов *цепочки двойной актуализации, конвергенция, цепочки конвергенции*, то они употребляются для обозначения тех случаев окказионального преобразования фразеологических единиц, когда они включают различные элементарные преобразования, которые предполагают как значительные изменения в составе самой фразеологической единицы, так и особое построение того текста, который включает соответствующую единицу. Таким образом, в данном случае анализируется не только сама фразеологическая единица, но и более протяженный контекст, и, следовательно, здесь данное

направление исследования смыкается со стилистическим, которое ставит своей основной целью изучение стилистических эффектов, возникающих в результате особого «преобразованного» воспроизведения той или иной фразеологической единицы в тексте.

Цепочки двойной актуализации состоят из одного или более окказиональных приемов (обычно это замена, добавление, эллипсис, вклинивание, изменение структуры), которые обязательно сопровождаются обыгрыванием фразеологической единицы, что ведет к ее буквализации. Ср.:

Jamie: Oh, all right. I'm a fool to argue. You can't change the leopard's spots.

Tyrone: No, you can't. You have taught me that lesson only too well. I have lost all hope you will ever change yours. (O'Neil E. Long Day's Journey Into Night, Act 1)

В словарях мы находим следующую форму фразеологической единицы, обыгранной в данном контексте: *a leopard never changes it's spots // a leopard cannot change its spots* ‘горбатого могила исправит’. В приведенном отрывке фразеологическая единица подверглась обыгрыванию. Ее компоненты сохранены, однако их расположение иное, чем в словарной форме фразеологической единицы. В результате значение идиомы меняется и может быть сформулировано следующим образом: ‘следует примириться с чьими-то недостатками, так как бороться с ними бесполезно’. Метафора, лежащая в основе данной фразеологической единицы, поддерживается с помощью нескольких взаимосвязанных реплик.

При конвергенции стилистический эффект возникает благодаря взаимодействию двух или более окказиональных преобразований фразеологических единиц, которые принимают одинаковое участие в создании стилистического эффекта. Ср.:

Mrs. Tarleton: I like a bit of mongrel myself, whether it's a man or a dog: they're the best for everyday. But we all have our tastes: what one woman's meat is another woman's poison. (Shaw B. Misalliance, Act 1)

В данном случае происходит замена двух одинаковых компонентов *man* на *woman* в хорошо известной пословице *one man's meat is another man's poison* ‘что полезно одному, вредно другому’. В приведенном отрывке автор использует два приема замены. Пользуясь приемом элиминации, мы поочередно опускаем каждый прием, то есть употребляем вместо новых компонентов их узувальные прототипы. В результате этого мы приходим к выводу, что в данном случае нельзя выделить ведущий прием, и что оба этих приема создают единый юмористический стилистический эффект.

Цепочки конвергенции представляют собой два и более окказиональных преобразования фразеологических единиц, которым подвергаются два разных фразеологизма в реплике одного персонажа или один фразеологизм в репликах двух персонажей. Ср.:

Axel: I am boring you, this is my hobby horse, my iron hobby horse. You must not encourage me. (Coward N. Quadrille, Act 2)

В данном контексте преобразуются две фразеологические единицы: *every man has his hobby horse* ‘у каждого есть свой конек’ и *an iron horse* букв. ‘железный конь’. Автор заменяет неопределенно-личную конструкцию фразеологической единицы на личную, затем вклинивает в состав фразеологической единицы *an iron horse* компонент *hobby*. Кроме того, второе окказиональное преобразование фразеологической единицы сопровождается повтором компонента.

Каждый из названных типов сложных приемов деформации фразеологических единиц может быть также охарактеризован в свою очередь по степени компликативности. В зависимости от сложности структурно-семантических изменений фразеологической единицы можно

выделить три степени компликативности – *минимальную, среднюю и повышенную*. Впрочем, подобное деление несколько условно, так как речевая изменчивость, в которой находит свое выражение динамика, сущность и форма языкового развития в применении к фразеологическому фонду обуславливает, с одной стороны нечеткость границ между языковыми и речевыми явлениями, наличие многих переходных случаев, промежуточных между узуальным и окказиональным оборотоупотреблением, а с другой стороны размытость и нечеткость лексических границ самих фразеологических единиц, см. [Павлова 1975: 12].

Предпринимаются попытки выявить и определить ту стилистическую функцию, которую призвана выполнять соответствующая форма "окказионального преобразования". Так, по мнению Ю.Я. Киссела, деформация фразеологических единиц способна выполнять три основные стилистические функции: *экспрессивации, гиперболизации, лаконизации*, см. [Киссел 1975].

В отношении отдельных приемов деформации интерес представляет классификация [Шаронова 1987], предлагающая пять стилистических функций фразеологической инверсии:

- экспрессивно-эмотивная функция;
- описательно-психологическая функция;
- детализирующая функция;
- оценочная функция;
- функция выделения логического предиката .

Таким образом, хотя мы располагаем значительными сведениями относительно того, как, каким образом происходит преобразование фразеологических единиц в речи в том или ином контексте, вопрос о том, какие единицы наиболее последовательно подвергаются деформации, разнообразным изменениям и преобразованием в речи, остается открытым.

В какой степени деформация свидетельствует о категориальной специфике фразеологической единицы, насколько деформация является проявлением функционально-системных отношений в составе идиоматической фразеологии современного английского языка.

Исходя из определения термина «деформация», который мы находим в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, это явление предстает как свойственное определенной категории идиоматических фразеологических единиц, а именно фразеологического сращения, которое, по терминологии В.В. Виноградова, представляет собой полностью демотивированное соединение слов, характеризующееся наибольшей степенью семантической спаянности компонентов [Виноградов 1977: 119-161].

Деформация, таким образом, состоит в том, что разрушается семантическая монолитность данного образования, а составляющие фразеологическую единицу слова из «потенциальных», в терминологии [Смирницкий 1956], превращаются в слова самостоятельные. При этом между ними устанавливаются своеобразные семантические отношения. С одной стороны, компоненты фразеологической единицы могут употребляться со значением, обусловленным общей семантикой исходной фразеологической единицы, см. [Чинёнова 1986: 14-15]. Например:

... So I've got to have that job. I tried being assistant editor of "Tiny Lots". No good. *The boot* I became secretary to old Emsworth. Again no good. *Once more the boot.*" (Wodehouse P.G. Heavy Weather)

В данном случае компонент *boot* фразеологической единицы *to give the boot* 'уволить кого-либо' употребляется в значении, производном от общего идиоматического значения исходной фразеологической единицы.

С другой же стороны, при деформации оказывается возможным оживление исходного значения компонентов фразеологической единицы, ср.:

"I cannot conceive of any possible position Galahad could be in which would permit him to dictate to me. What I would like to know first is why he wants to dictate. What is this girl to him that he should apparently have constituted himself a sort of guardian angel to her?"

*"To explain that, I must ask you **to throw your mind back**".*

"Better not start me throwing things". (Wodehouse P.G. Heavy Weather)

Как следует из приведенного отрывка, в данном контексте компоненты фразеологической единицы *to throw one's mind back* 'вспомнить прошлое' вновь наполняются утраченным ими конкретно-лексическим значением. При этом сама фразеологическая единица, употребленная в своей узуальной словарной форме, сопоставлена с обычным сочетанием слов *to throw things* 'бросать что-либо'.

Изучение всех совокупностей различных деформаций фразеологических единиц, извлеченных из обширных массивов современной английской речи, как художественной литературы, так и произведений речи, лежащих за ее пределами, свидетельствует о том, что независимо от функционального стиля (исключение составляет лишь стиль рекламы как особый вид речи) регулярной деформации подвергается определенный корпус фразеологических единиц, а именно идиоматические фразеологические единицы, основанные на метафорическом или метонимическом смещении значений составляющих компонентов, то есть те единицы, которые в настоящей работе обозначаются термином «устойчивые метафоры».

«Устойчивые метафоры» представляют собой достаточно протяженные глагольные и именные словосочетания с двумя или более семантическими ведущими компонентами, ср.: *to kill two birds with one stone; between the devil and the deep blue sea; like looking//searching for a needle in a haystack; to make a mountain out of a molehill; to put all one's eggs*

in//into one basket; to have a finger in the //every pie; to call a spade a spade; to skate on thin ice; bread and butter.

«Устойчивые метафоры» могут обладать и предикативной структурой, ср.: *every cloud has a silver lining; a bird in the hand is worth two in the bush, a new broom sweeps clean; don't count your chickens before they are hatched; the fat is in the fire; a rolling stone gathers no moss; an early bird catches the worm.*

То обстоятельство, что в произведениях речи разных жанров и стилей самые разные авторы обращаются к деформации одних и тех же устойчивых метафор, отчетливо свидетельствует об осознанной представителями данного языкового коллектива возможности, а иногда и необходимости преобразования соответствующих единиц как одного и условий их воспроизведения в речи.

Это положение находится в полном соответствии с мыслью В.В. Виноградова о том, что в области фразеологии наблюдается единство центростремительных и центробежных сил. С одной стороны, для целого ряда фразеологических единиц существует тенденция все более и более отчетливо выступать как эквивалент отдельного монологического слова. Что касается устойчивых метафор, то единицы этого типа оказываются втянутыми в рецессивные процессы: деформация устойчивых метафор является уже не только результатом творчества отдельного говорящего, но и тех процессов, которые происходят в этой области, а именно того обстоятельства, что составляющие компоненты устойчивых метафор все более отчетливо осознаются не как «потенциальные», а как самостоятельные слова со значениями, определяемыми не их исходной семантикой, но общим значением устойчивой метафоры.

Таким образом, есть все основания говорить о том, что устойчивые метафоры проявляют в современной английской речи особую функциональную специфику в том смысле, что именно данные единицы

наиболее легко и естественно подвергаются деформации. Деформация же, в свою очередь, может выступать как критерий выделения устойчивых метафор как особой категории фразеологических единиц в общем составе фразеологической идиоматики языка, см. [Изотова 2013: 28].

1.3. УСТОЙЧИВАЯ МЕТАФОРА И МЕТАМЕТАФОРА

Как следует из определения деформации, это явление представляет собой особую фигуру речи, **метаметафору**, основанную на вторичном метафорическом смещении значения устойчивой метафоры, см., например, [Тер-Минасова 1981], [Тер-Минасова 1986], [Чинёнова 1986].

Данное обстоятельство объясняет столь пристальное внимание исследователей к деформации как особому стилистическому средству. На этой основе создано и успешно развивается научное направление «фразеологическая стилистика», в рамках которого изучаются стилистические аспекты явления деформации в творчестве как отдельных писателей, так и литературных жанров. Помимо уже отмечавшихся выше работ А.В. Кунина отметим также [Киссел 1975], [Хардина 1978], [Халатникова 1982], [Погарская 1985], [Стыцина 1975].

Как убедительно показывают названные исследования, «метаметафора» всегда индивидуальна, однако в ее основе отчетливо выделяются два главных процесса, которые приводят к разрушению структурно-семантической стабильности материального состава устойчивой метафоры, в результате чего и возникают разнообразные индивидуальные метаметафоры.

Таким образом, метаметафора создается в результате отдельного воспроизведения компонентов устойчивой метафоры, т.е. слов «потенциальных» как самостоятельных лексических единиц со значением, тождественным глобальному идиоматическому значению исходной единицы.

С другой стороны, может произойти оживление внутренней формы устойчивой метафоры за счет сопоставления ее с омонимичным ей свободным сочетанием слов, а также словами, тематически близкими словам, послужившим основой исходной единице.

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, этот вид деформации устойчивых метафор широко используется в английской художественной литературе вообще и в произведениях для детей в частности. Особенности детского восприятия данных единиц именно как сочетаний слов в их основных, первоначально усвоенных ребенком значениях создают возможность для словесной игры, подробнее см. [Тер-Минасова 1981].

Следует, однако, отметить, что в речи эти два процесса могут развиваться одновременно, создавая сложные метафорические ходы, ср.:

... Kay's thankless affection for Inge was the only pill in the overstuffed family medicine-chest that he still found bitter ... (Wilson A. Anglo-Saxon Attitudes)

В данном отрывке упоминание о «переполненной семейной аптечке» оживляет внутреннюю форму устойчивой метафоры *a bitter pill (to swallow)* ‘горькая пилюля’, наполняя компонент *pill* его номинативным содержанием.

Однако все более отчетливо ощущается необходимость рассмотрения данного явления в динамике его развития как части культурно-исторической национальной традиции.

Существование двух способов речевого воспроизведения устойчивой метафоры, а именно употребление соответствующей единицы в ее словарном или деформированном виде, делает необходимым рассмотрение этой оппозиции на основе филологической герменевтики – науки о понимании и толковании текста, см. [Тер-Минасова 1986]. Очень важным представляется аксиологический момент, оценка способа воспроизведения устойчивой метафоры, которому отдает предпочтение автор речи, как

проявление его уровня образования, речевой культуры, социального положения и т.д.

Широкое распространение деформации устойчивых метафор в английской художественной литературе тесно связано с национальными культурно-историческими особенностями развития английского языка. Традиция словесной игры вообще, а также использование метафорических единиц языка для создания новых образов восходит к творчеству таких великих английских писателей, как Уильям Шекспир, Джонатан Свифт, Лоренс Стерн и др.

Поэтому неудивительно, что многие устойчивые метафоры, имеющие литературное происхождение, особенно те из них, которые восходят к пьесам У. Шекспира, нередко подвергаются деформации в последующие периоды развития языка, в частности, обыгрываются в произведениях известных современных английских писателей.

A bald and squat old Babbit at the next table with a young woman certainly not his wife, looked around, quickly and guiltily. The evil that men do lives sometimes with them. (Harling R. The Paper Palace)

It was not only a great book. It would cause a rustle in the dovecotes, for in it he had pillowed everyone who had ever insulted or injured him. (Hansford-Johnson P. The Unspeakable Skipton)

"I am outrage", says Gertrude, "to hear you have all been sinning away there in Crewe, and exceedingly at that, not only in thought, and deed but also in a word. I have been toiling and spinning while, if that sensational text is to be believed, you have been considering the lilies and sinning exceedingly ..." (Spark M. The Abbess of Crewe)

I think it may be not unjustly said that Mrs. Barton Trafford fairly ran over with the milk of human kindness but all the same I have an inkling that if ever the milk of human kindness was charged with vitriol, here was a case in point. (Maugham S. Cakes and Ale)

Обратившись к русской популярной поисковой системе «Яндекс» (<https://yandex.ru/>), чтобы проверить употребительность данных четырех шекспировских метафор (*flutter the doves* ‘переполошить мирных людей’; *gild the lily* ‘украшать то, что в украшении не нуждается’; *the milk of human kindness* ‘бальзам прекраснодушия’; *the evil that men do lives after them* ‘зло живет дольше своего создателя’), мы обнаружили, что запрос *flutter the doves* дал 71 тысячу контекстов, запрос *gild the lily* – 715 тысяч, запрос *the milk of human kindness* – 3 миллиона и запрос *the evil that men do lives after them* – 9 миллионов контекстов!

Огромное количество устойчивых метафор создал Дж.Свифт, однако большинство из них не сохранилось до наших дней. По свидетельству Х.В. Стыциной, исследующей употребление фразеологических единиц в творчестве Дж.Свифта, из некогда многочисленных «свифтизмов» в современном английском языке сохранилось только девять: *all the world and his wife* ‘огромное количество самых разных людей’; *a sight for sore eyes* ‘просто загляденье’; *quarrel with one's bread and butter* ‘идти против собственных интересов’; *all in the day's work* ‘в порядке вещей’; *someone is walking over my grave* ‘меня пробрала дрожь’; *the land of nod* ‘страна грёз’; *rain cats and dogs* ‘дождь как из ведра’; *a rose between two nettles* ‘красотка’; *be no chicken* ‘не первой молодости’.

Проведенная нами проверка их употребительности по «Яндексу» впечатляет не меньше, чем в случае с шекспировскими метафорами, ср.:

<i>all the world and his wife</i>	18 миллионов контекстов
<i>a sight for sore eyes</i>	2 миллионов контекстов
<i>quarrel with one's bread and butter</i>	437 тысяч контекстов
<i>all in the day's work</i>	384 миллиона контекстов
<i>someone is walking over my grave</i>	3 миллиона контекстов
<i>the land of nod</i>	4 миллиона контекстов
<i>rain cats and dogs</i>	4 миллиона контекстов

a rose between two nettles

701 тысяча контекстов

be no chicken

18 миллионов контекстов

То обстоятельство, что представленные выше авторы относятся к разным историческим периодам развития английской литературы, а также являются представителями разных жанров, показывает, что деформация устойчивых метафор в английской речи не ограничивается историческими или жанровыми рамками, и свидетельствует о преемственности данной национальной традиции.

Особенно значительную роль деформация устойчивых метафор играет в творчестве писателей XIX века, таких, как Джон Голсуорси и других. Интересным в этом плане оказалось изучение «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси, в которой обнаруживается огромное разнообразие случаев деформации как в составе речи автора, так и в речи персонажей. Именно на основе тщательного изучения этого произведения, являющегося, как известно, хроникой жизни нескольких поколений семьи Форсайтов, оказалось возможным проследить изменение отношения образованных носителей английского языка к устойчивым метафорам вообще и усиление тенденции обыгрывать узуальные метафоры, которые все более и более определенно воспринимались образованными англичанами того времени как банальное клише, употребление которых несовместимо со статусом человека, обладающего высоким уровнем речевой культуры, см.[Луконина 1986].

Как отмечает И.В. Гюббенет, «... повторить нечто, что является общенародным достоянием, для англичанина социальной верхушки того периода – просто вульгарно» [Основные направления... 1981: 144].

Изменение отношения образованных англичан к устойчивым метафорам определило их функциональное своеобразие: для целого ряда устойчивых метафор деформация выступает как наиболее ожидаемый способ их воспроизведения в современной английской речи.

Изучение английской литературы XX века подтверждает то факт, что деформация является не просто стилистическим приемом, более или менее удачно используемым отдельным автором, но все более определенно приобретает черты онтологического свойства устойчивых метафор как определенной категории идиоматических фразеологических единиц. Это явление все более отчетливо связывается и с определенными социолингвистическими факторами, такими, как уровень образования, социальное положение и т.д., которые определяют выбор того или иного члена оппозиции: словарная форма устойчивой метафоры — ее деформированная форма.

Из сказанного следует, что изучение деформации в художественной речи как части филологической герменевтики требует тщательного разграничения речи автора и речи персонажей, поскольку последняя, являясь типизированным речевым портретом определенной личности, отражает его характерные особенности как представителя той или иной возрастной группы, социальной среды, уровня образования, профессии и т.д.

Анализ произведений таких писателей, как Энгус Уилсон, Джон Уэйн, Кингзли Эмис, Айрис Мэрдок и др., творчество которых охватывает период с 30-х годов по настоящее время, позволяет сделать вывод о том, что воспроизведение устойчивых метафор у этих авторов обуславливается данной культурно-исторической традицией и связано с указанными выше моментами, см., например, [Изотова 2013: 60-71].

ГЛАВА 2. АНГЛИЙСКИЕ МЕТАФОРЫ С КОМПОНЕНТОМ «ПРИРОДА»

2.1. МЕТАФОРИКА СТИХИЙ В «БЕОВУЛЬФЕ»

В большинстве посвященных «Беовульфу» исследований рассматриваются, как правило, собственно литературоведческие аспекты. Именно поэтому мы можем встретиться с вполне справедливыми утверждениями, что [понимаемые в духе Аристотеля. – Л.С.] метафоры в «Беовульфе» отсутствуют, см. [Смирницкая 1975: 633].

Если же мы, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, обратимся к более широкому пониманию метафоры, принятому в когнитивистике, то ситуация будет иная.

Среди работ, анализирующих содержащиеся в «Беовульфе» метафоры, наиболее цитируемой является работа [Lee 1972], в соответствии с которой «Беовульф» показывает нам два типа мироздания, символами одного из которых является золотой зал, пиршество, щедрость, верность и любовь, тогда как символами другого – мрак и скрывающиеся в этом мраке кровожадные монстры. Беовульф предстает как второй Адам, вышедший на бой за тех, кто попал в лапы к монстрам. Следует отметить и [Magennis 1985], в котором сияющая золотом чаша символизирует героическое поведение. Символизм образов чаши и напитка восходит к библейской и патристической традициям. Чаша может символизировать как божественную награду, так и испытание. Связь метафор «Беовульфа» с религиозными и библейскими мотивами отмечается и другими авторами.

На последующих страницах мы попытаемся проанализировать текст англосаксонской эпической поэмы «Беовульф», изданный в 2005 году в рамках проекта Gutenberg EBook. Речь идет о переводе на современный английский язык со стилизацией под старину. При этом, впрочем, содержащиеся в оригинальном тексте метафоры были сохранены, что

делает использование данного текста поэмы для анализа метафоры «Беовульфа» возможным. Русский текст «Беовульфа» мы приводим по классическому переводу В. Тихомирова, опубликованному в серии «Библиотека всемирной литературы» [Беовульф... 1975].

Воспользовавшись разработанной в [Stern 2000] классификацией соотношений понятия, образа и сущности применительно к материалу «Беовульфа», мы попытаемся дополнить эту классификацию, приняв во внимание некоторые дополнительные параметры.

Мы склонны полагать, что в метафорике «Беовульфа» бесспорно лидирующую роль занимают метафоры, связанные со стихиями, которые представляется возможным сгруппировать следующим образом:

2.1.1. Волнующаяся вода и человеческие эмоции

В Британии 3-4 веков нашей эры – во времена Беовульфа – море манило и завораживало. Сейчас избежать гнева морской стихии рыбакам помогает прогноз погоды, при тогдашних же технологиях оставалось только поклоняться богине моря и умолять её о благосклонности.

Потоки неистовых волн – это выражение гнева богини моря, а слова и фразы, описывающие эмоции человека, переплетаются с выражениями, показывающими неспокойное море. Основываясь на концепции Лакоффа и Джонсона, метафорический перенос между двумя областями может быть описан двояко. «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ» может быть источником, а «МОРЕ» – целью переноса. Море превращается в живое человеческое существо, способное ощущать гнев и боль. Например, водоворот ярится, водные потоки кровоточат. В то самое же время метафорический перенос может происходить и в обратном направлении, когда источником становится «МОРЕ», целью переноса – «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ», и тогда бурлит человеческий гнев. Подобная двунаправленность метафорического переноса обычна в поэме, ср.:

(1) The angry eddy was everywhere mingled

Борется с бурей, вихрям улечься [Беовульф... 1975: 203]

(2) And seething with gore, welling with sword-blood;

Он страшного дракона убил своим мечом, В крови его омылся и весь ороговел. [Беовульф... 1975: 370]

(3) The water 'neath welkin weltered with gore

А ниже — волны, кипящие кровью. [Беовульф... 1975: 96]

В первом предложении значения гнева и водоворота переплетаются, мы можем воспринимать водоворот как разгневавшееся человеческое существо, это также помогает ассоциировать драматическое движение водоворота с выражением гнева. Метафорическая связь оживляет это предложение и позволяет нам воспринимать эту сцену с различных сторон. Тот же принцип применим и ко второму и третьему предложениям, только последние отказываются ещё более динамичными, метафорический образ основан на неистовом движении океана.

2.1.2. Натиск воды и война

Большое количество быстро текущей воды используется как метафорический образ войны. Метафора основана здесь на сходстве между ними; разрушительная сила, отрицательное воздействие, возможная смертность. Современникам Беовульфа природа казалась таинственной и опасной, природные бедствия, как и война, могут нанести огромный ущерб. Жителям побережья угрожало наводнение, а морякам – шторм. Поэтому и то, и другое метафорически соотносится в метафорике «Беовульфа» с войной:

(1) Fated and flying, to the flood of the nickers.

не властен он больше летать ночами, червь огнекрылый, гад, стерегший свои богатства. [Беовульф... 1975: 163]

(2) War-storms requited, that none e'ercondemne

Их застигла в море страшная буря. [Беовульф... 1975: 262]

(3) The battle-waves burning: from his bosom departed
и кровь потоком на грудь излилась! [Беовульф... 1975: 156]

(4) Sorrow should suffer, sink in the battle:
Забить печаль и горе тебе давно пора [Беовульф... 1975: 501]

В описании шторма в изображаемой сцене мы можем услышать и ржание лошадей, и лязг оружия, и ярость битвы, и боль утраты.

2.1.3. Темная вода и смерть

Как уже упоминалось ранее, скандинавы являются опытными моряками, однако и они могут испытывать страх перед морской бездной. Темные воды океана метафорически связаны со смертью и пожирающими людей чудовищами, ср.

(1) By day and by night, until death with its billows Dashed on his
spirit.

Так в одиночестве и днем и ночью, живой, он оплакивал племя сгинувшее, покуда в сердце его не хлынула смерть потоком. [Беовульф... 1975: 136]

(2) From a distance shall drive o'er the darkness of waters.”

Бойцы остановились, и тут из темноты Сверкнули им навстречу блестящие щиты. [Беовульф... 1975: 540]

(3) The wave-current swallowed the doughty-in-battle.

Погиб бесстрашный Зигфрид, пример всем удальцам.

[Беовульф... 1975:476]

(4) The sea-wolf bare then, when bottomward came she,

век бурь и волков до гибели мира [Беовульф... 1975: 188]

(5) Flood-beasts no few with fierce-biting tusks did

морские чудища, клыками лязгая, грызли железо.

[Беовульф... 1975:100]

В первом предложении смерть приобретает конкретную формы воды, его свирепым валом, что может разрушить дух человека. Во втором контексте другая характеристика смерти ассоциируется с морем, темная сторона, смерть всегда носит темный цвет, и это подразумевает боязнь смерти. Четвертое и пятое предложения оба сравнивают море с пожирающим людей чудовищем.

2.1.4. Вода и огонь

Как хорошо известно, человек научился пользоваться огнём не сразу, тогда как вода существовала с всегда. Вода – это не только источник жизни, она также гарантирует выживание цивилизации. Поэтому логично было бы предположить, что вода более привычна, чем огонь, и может быть источником огня в какой-либо метафоре. Принято полагать, что вода и огонь совершенно противоположны, и ничего общего не имеют друг с другом. В действительности, движение волн можно сравнить с описанием танцующего огня, крупное наводнение может быть наглядной демонстрацией большого костра. Приведем несколько примеров:

(1) A fire-flood may see;

вскоре увидел в скалах жерло, откуда потоком жарким огонь
изливался, путь преграждая в недра кургана

[Беовульф... 1975: 149]

(2) Men that were hated, with hot-gleaming fire-waves;

Ненавистна ты всем! Ты виновна в смерти героев! Злой
судьбы волнами гонимая, [Беовульф... 1975: 292]

(3) With blaze-billows burned the board to its edges:

На горе он увидел яркий свет, как будто горел огонь, и
заревы стояло до самого неба. [Беовульф... 1975: 284]

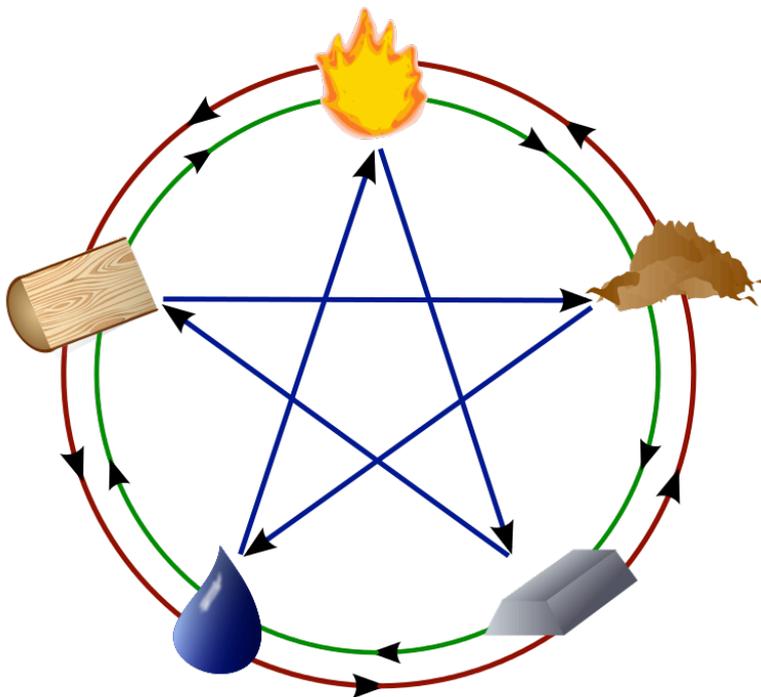
В приведенных выше примерах наводнение, волны и вал используются для описания формы, движения и масштаба огня. Использование воды в качестве области источника также иллюстрирует,

что скандинавы хорошо знакомы с водой. Это знакомство делает возможным образование метафоры, связанной одновременно и с водой, и с огнём. При этом доминирование метафоры воды в «Беовульфе» вполне закономерно, если мы учтем что само существование скандинавов раннего Средневековья всецело зависело от моря.

2.2. УЧЕНИЕ О ПЯТИ ПЕРВОЭЛЕМЕНТАХ И МЕТАФОРА

На последующих страницах мы попытаемся применить при анализе метафоры древнекитайское учение о пяти первоэлементах У-син (*wǔ xíng*, 五行) – одну из основных категорий китайской философии, определяющую основные параметры мироздания.

В соответствии с этим учением, весь мир представляет собой комбинацию пяти первоэлементов – Дерева, Огня, Земли, Металла и Воды, которым присущи два основных циклических взаимодействия: *взаимопорождение* (Дерево порождает Огонь, Огонь порождает Землю, Земля порождает Металл, Металл порождает Воду, Вода порождает Дерево) и *взаимопреодоление* (Дерево побеждает Землю, Земля побеждает Воду, Вода побеждает Огонь, Огонь побеждает Металл, Металл побеждает Дерево), см. следующую схему²:

² <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:CircleOfElements3Cycles.svg#mediaviewer/File:CircleOfElements3Cycles.svg>

В традиционной китайской культуре данные пять первоэлементов, их развитие иллюстрируют взаимосвязь вещей. В совокупности с учением об Инь и ян (*yīn yáng*; 阴阳) они позволяют описать почти все виды естественных явлений и наложили глубокий отпечаток на всю традиционную китайскую культуру до её соприкосновения с культурой западной. Одно из наиболее ранних упоминаний концепции о первоэлементах – в книге «Речи Царств» («Го Юй»)³, см.:

«На восьмом году правления Чжоусского Ювана историограф Бо, отвечая на вопросы чжэнского Хуань-гуна, говорил: "А ведь гармония фактически рождает все вещи (соединяя в себе субстанции с разными свойствами) <...> Так, древние мудрецы смешивали Землю с Металлом, Деревом, Водой и Огнем, создавая благодаря этому все вещи"» [Дун Чжуншу 1990: 125, 127].

Возникнув в эпоху династии Шан⁴ и развившись в эпоху династии Чжоу⁵, теория пяти первоэлементов приобрела законченный характер и однозначно господствовала до самого конца династии Цинь⁶. Естественно, что столь долгое доминирование не могло не привести к тому, что теория

³ **Го юй** («Речи царств»; *Gúo yǔ*, 国语) – памятник ораторского искусства Древнего Китая, включающий около 300 речей правителей и сановников китайских царств и княжеств в основном на политические темы, связанные с событиями X-V веков до нашей эры и основанные на учении Конфуция (*Kǒngzǐ*, 孔子).

⁴ **Государство Шан** (商朝), альтернативные названия **государство Инь** (殷代) или **государство Шан-Инь** государственное образование, существовавшее с 1600 по 1027 год до нашей эры в землях к северу от выхода реки Хуанхэ на Великую китайскую равнину. Государство Шан предшествовало государству Чжоу.

⁵ **Династия Чжоу** (*Zhōu Cháo*, 周朝) – китайская династия и период в истории Китая, существовавшая с 1045 по 221 год до нашей эры. Династия Чжоу свергла династию Шан и прекратилась после победы династии Цинь.

⁶ **Династия Цинь** (*Qín Cháo*, 秦朝) – династия, правившая всем Китаем между династиями Чжоу и Хань в период **Империи Цинь**, т.е. с 221 года до 206 год до нашей эры.

пяти первоэлементов органично вошло в само мировоззрение китайского народа.

Нам представляется весьма продуктивным применение теории пяти первоэлементов и к анализу метафоры. Основываясь на принципе подобия формы и функции, наши предки учились видеть подобие и мнимое подобие самых разных явлений окружающего мира. Теория пяти первоэлементов – это своего рода обладающая пятью измерениями система координат, с помощью которой мы можем фиксировать положение практически любого явления. Мы полагаем, что эта система отражает способ человеческого познания, соответствующий также формированию и категоризации метафоры. Тем самым анализ и категоризация метафоры становится при обращении к теории пяти первоэлементов более прозрачным и более убедительным.

Анализируя материал, мы можем встретиться с тем, что один и тот же первоэлемент может выступать в составе разных явлений в разных аспектах. Иначе говоря, пять первоэлементов можно рассматривать как группу абстрактных символов, каждый из которых представляет собой комбинацию определенных атрибутов. Пять первоэлементов взаимосвязаны, они могут как ограничивать, так и усиливать один другого. В данном случае понятие символа очень близко понятию схемы в лингвистике, что подчеркивает продуктивность использования теории пяти первоэлементов в лингвистическом исследовании.

Первоэлемент Золото представлен во всех вещах или явлениях, связанных с функцией очищения, понижения и ограничения, первоэлемент Дерево связан в ростом и развитием, первоэлемент Вода – с предметами и явлениями, отличающимися прохладой, влажностью и снижением, первоэлемент Огонь – с теплотой, жаром, подъемом, восхождением, первоэлемент Земля – с рождением, ношением и приобретением. Названные пять первоэлементов рассматриваются традиционной

китайской философией как наиболее существенные в мире и эта категоризация глубоко укоренилась в опыте существования.

Пять первоэлементов усиливают и в то же время ограничивают друг друга, поддерживая тем самым биологический баланс в процессе динамического развития всего в мире. Комбинацией этих пяти первоэлементов является и человек, здоровье которого напрямую зависит от правильной циркуляции этих первоэлементов в его теле. Недостаток или переизбыток того или другого первоэлемента приводит к физическим или ментальным расстройствам.

Мы попытались применить теорию пяти первоэлементов при классификации метафор, которые мы склонны разделить на две большие группы. К первой группе мы относим метафоры, в которых задействован один первоэлемент, ко второй – комбинация двух и более первоэлементов. Данные группы могут иметь, в свою очередь, внутреннюю структуру, обусловленную дальнейшими факторами.

Предлагаемая таблица иллюстрирует соотнесенность с названными пятью первоэлементами тех или иных классов объектов, цветов, эмоций, звуков и т.д.

стихии	дерево 木	огонь 火	земля 土	металл 金	вода 水
чувства	гнев 怒	радость 喜	задумчивость 思	тоска 悲	страх 恐
органы чувств	глаз 目	кончик языка 舌	рот 口	нос 鼻	ухо 耳
ощущения	зрение 色	осязание 触	вкус 味	слух 香	обоняние 声

цвета	бирюзовый 青	красный 赤	желтый 黄	белый 白	чёрный 黑
вкусы	кислый 酸	горький 苦	сладкий 甘	острый 辛	солёный 鹹
звуки	вздых 呼	смех 笑	пение 歌	плач 哭	стон 呻
направления	восток 东	юг 南	центр 中	запад 西	север 北
времена года	весна 春	лето 夏	межсезонье 季夏	осень 秋	зима 冬

Китайское письмо иероглифично, сами иероглифы восходят к картинкам. Анализируя структуру иероглифов, мы можем определить, какие первоэлементы задействованы в каждом из них. Это один из наиболее важных принципов, которых придерживаются родители, давая имена своим детям. Правильно подобранные имена призваны сбалансировать пять первоэлементов у ребенка, компенсируя отсутствие того или иного из них. Гармония пяти первоэлементов гарантирует здоровую и счастливую будущую жизнь ребенка.

На последующих страницах мы попытались классифицировать метафоры, представленные в тексте романа Вирджинии Вульф «Волны», разделив их на пять основных групп в соответствии с концепцией У-син. В процессе категоризации мы использовали принцип сферы, принцип отражения и принцип магнетизма, которые будут описаны по мере анализа примеров, а также на завершающих страницах нашей работы. Предварительно отметим, что принцип сферы соотносим с «теорией

фамильного (семейного) сходства» Л. фон Витгенштейна, явившейся одной из основ прототипического подхода к языку и так называемой «прототипической семантики» [Лакофф 1981], а принцип магнетизма исходит из ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера [Faconnier, Turner 2003]. Мы попытались упростить теорию, сделав её доступной максимально большому числу читающих.

2.2.1. Метафоры с компонентом «Золото» / «Металл»

Золото/металл – человеческий ум

Рассмотрим следующие примеры:

1. I need someone whose mind falls like *a chopper on a block*;
2. When I have passed through this drawing-room *flickering with tongues that cut me like knives*, making me stammer, making me lie, I find faces rid of features, robed in beauty.
3. His words *fall cold* on my head like *paving stones*;

Первоэлемент Золото используется тогда, когда речь идет о предметах или явлениях, имеющих отношение к металлу, оружию, к огню и к обеззараживанию. В приведенных предложениях человеческий ум сравнивается с оружием, «ум» с «тесаком». Метафора вскрывает смысловую связь между внезапной догадкой и кинжалом.

Для того, что рассмотреть внутреннюю сущность чего-либо, надо удалить то, что лежит на поверхности и мешает заглянуть внутрь. Для того, чтобы добраться до мяса животного, надо содрать с него шкуру. Оба действия имеют нечто общее: чем острее нож, тем быстрее ты получишь мясо; чем острее ум, тем быстрее ты докопаешься до истины. Следовательно, связь между человеческим умом и ножом установлена.

Второе предложение отличает та же структура, что и первое. Под «языками» подразумеваются произносимые данными языками слова, предложения. Способность говорить неразрывно связана со способностью

человека связно мыслить, мыслить остроумно, а остроумие и «острые языки» – вещи взаимосвязанные. При этом в приведенном примере острота слова не только вскрывает правду, но и ранит, приносит боль.

В третьем предложении вскрывается связь между языком и камнем, причем камнем холодным. Камни опасны, когда используются в качестве оружия. Бесстрастность ранящих чужие чувства слов соотнесена с холодностью камня. То обстоятельство, что и мышление, и язык ассоциативно связаны с оружием, подтверждает положение о взаимообусловленности человеческого мышления и языка.

Золото/металл – природа

Рассмотрим следующие примеры:

1. The sun *sharpened* the walls of the house.
2. The *yellow warmth in my side turned to stone* when I saw Jinny kiss Louis.
3. Irked her brows with water-globed jewels that sent *lances of opal-tinted light* falling and flashing in the uncertain air like the *flanks of a dolphin leaping, or the flash of a falling blade*.

При том, что метафоры категоризуются нами в соответствии с названными выше пяти элементами, сами они могут основываться на отношениях между этими элементами. Приведенные выше примеры показывают отношения между золотом и другими первоэлементами. В первом и третьем примере свет связан с кинжалом, что основывается на внешнем сходстве.

Золото/металл – эмоция

1. Then Mrs Constable raised the sponge above her head, squeezed it, and out shot, right, left, *all down the spine, arrows of sensation*.

2. And so, as long as we draw breath, for the rest of time, if we knock against a chair, a table, or a woman, *we are pierced with arrows of sensation*--if we walk in a garden, if we drink this wine.

3. *I have a little dagger of contempt and severity hidden up my sleeve.*

4. *All her soul rusted with that grievance sticking in it*, her dismissal from school during the War—poor embittered unfortunate creature!

В первом и во втором примерах эмоция сравнивается со стрелой, разящей издали. Эмоция возникает внезапно, стремительно, она поражает, а ведь это свойства стрелы. Основой для метафоры становится уподобление. Стрела со всей очевидностью является разновидностью оружия, которое может быть отнесено к группе метафор «золото». Что же касается способности эмоции «пронзать», то наиболее характерным в данном плане является второй пример, в котором глагол *Pierce* подчеркивает резкость эмоции. В третьем предложении презрение отождествляется с кинжалом, структура же подобна структуре первого и второго примера. Как и оружие, презрением мы можем или ранить кого-либо, или же защищать самого себя. В любом случае речь идет не чем-то опасном.

Употребленная в последнем примере форма *rusted* имплицитно скрывает метафору. Железо покрывается ржавчиной, и такой же ржавчиной для души становится обида, сферы железа и души пересекаются. Железо – нечто вполне конкретное, оно находится в центре своей сферы, однако свойства железа могут быть усилены и распространены и на душу. В результате мы получаем метафору *rusted soul*, душу с атрибутами железа.

Мы выступаем с гипотезой, что каждое понятие образует некую сферу в человеческом сознании, причем у разных понятий данные сферы неодинакового размера. Пять самых больших сфер соответствуют пяти первоэлементам У-син. Данные сферы отнюдь не изолированы одна от

другой, они пересекаются и взаимодействуют. Например, понятие презрения, соответствующее малой сфере, имеет область пересечения с большой сферой понятия золота. Тот же участок малой сферы, который пересекается с участком сферы большой, становится более выразительным и ясным.

Метафорическое соотношение золота и человеческих чувств в китайском языке обычно выражается посредством определенных символов с фиксированными метафорическими значениями. Следующие примеры демонстрируют вышесказанное.

1a. ^{huà wèi shuō wán} 话未说完, ^{bǎ gè jiǎ zhèng qì de miàn rú jīn zhǐ} 把个贾政气的面如金纸 (a golden-foil face), ^{dà hē kuài} 大喝“快

^{ná bǎo yù lái} 拿宝玉来! (33 ^{zhāng} 章, 158 ^{yè} 页)

Hua wei shuo wan, ba ge jia zheng qi de mian ru jin zhi, da he “kuai na Baoyu lai!” (33 zhang, 158 ye/Chapter 33, p.158)

1b. Before he had finished Jia Zheng was livid with fury. "Fetch Baoyu! Quick!" he roared. (Chapter 33, p. 314)

1c. Не успел Цзя Хуань договорить, как лицо Цзя Чжэна позеленело от гнева. — Приведите Баоюя! — в ярости закричал он и побежал к себе в кабинет. (Глава тридцать третья, т.1, стр. 280)

2a. ^{lǐ wán xiào dào} 李纨笑道: “^{zhēn zhēn nǐ shì gè shuǐ jīng xīn gān}真真你是个水晶心肝 (crystal heart and liver)

^{bō lí rén} 玻璃人. (45 ^{zhāng} 章, 217 ^{yè} 页)

Li Wan xiao dao: “zhen zhen ni shi ge shui jing xin gan bo li ren.” (45 zhang, 217 ye/ Chapter 45, p.217)

2b. ‘There’s true perspicacity for you!’ cried Li Wan. (Chapter 45, p423)

2c. – Правду, – ответили все в один голос, а Ли Вань сказала:

– У тебя что на уме, то и на языке. (Глава сорок пятая, т.2, стр.31)

3a. ^{xíngfū rén zòngshì tiěxīn tóngdǎn} 邢夫人纵是铁心铜胆 (iron heart and brass bladder) ^{dérén fùnǚ} 的人, 妇女

^{jiā zhōng bù miǎn shēng xiē xián xī zhī xīn jīn rì yīn cǐ zhuó shí è jué fēng jiě} 家终不免生些嫌隙之心, 近日因此着实恶绝凤姐. (71章, 366页)

Xing fu ren zong shi tie xin tong dan de ren, fu nv jia zhong bu mian sheng xie xian xi zhi xin, jin ri yin ci zhuo shi e wu feng jie. (71 zhang, 366 ye/Chapter 71, p.366)

3b. So even if Lady Xing had been strong-minded, as a woman she could not help bearing a grudge, and recently she had come to detest Xifeng. (Chapter 71, p.750)

3с. К тому же служанки, недовольные Фэнцзе, всячески настраивали против нее госпожу Син, и та в конце концов возненавидела невестку. (Глава семьдесят первая, т.2, стр.277)

В исходном тексте на китайском «позолота» применяется для описания серьезных и гневных выражений лица отца Баюй, «позолоченное лицо» в данном контексте символизирует ярость человека, в буквальном смысле лицо исказила гримаса злости. В переводе на английский данная метафора опущена, переводчик сконцентрировался на передаче основного значения, пожертвовав метафорой, чтобы избежать ложного представления. Соответственно английский эквивалент — это «побагровевший от злости». Во втором предложении и «хрустальное сердце и печень» – метафорический способ сказать о человеке, который крайне проницателен и умен. Прозрачность хрусталя означает «чистоту сердца». В данном случае метафора также опущена при переводе, для передачи смысла метафоры в оригинальном тексте используется простое слово «проницательность». В третьем примере «железное сердце и медный мочевого пузыря» является устойчивым выражением в китайском языке и подчеркивает глубокий ум. Твердость железа и меди отождествляется с мудростью. Английский перевод не сохранил данное метафорическое выражение, заменив его выражением «глубокий ум».

В результате культурных различий метафорическое выражение невозможно полностью сохранить при переводе, что с другой стороны выявляет различия английской и китайской языковой культуры. Определенные символы однокоренных слов слова «золото» имеют фиксированные метафорические значения, что позволяет понять различия в восприятии читателем обеих культур. Например, в англоязычной культуре «золото» обычно воспринимается как драгоценный металл или важное орудие, символы «золота» в китайской языковой культуре обычно связаны с более специфическими свойствами и имеют различные метафорические применения в языке.

2.2.2. Метафоры с компонентом «Дерево»

Дерево – время

I do not know--*your days and hours pass like the boughs of forest trees*
and the smooth green of forest rides to a hound running on the scent.

Сходство между протекающим временем и растущим деревом в последовательности изменений. Течение времени образно представляют растущие ветви деревьев, которые мы воспринимаем и зрением, и осязанием. Одна из наиболее важных функций метафоры – обращение к конкретному понятию для прояснения понятия абстрактного. Впрочем, есть метафоры, проясняющие одно абстрактное понятие через другое и даже метафоры, проясняющие конкретное понятия через абстрактное.

Дерево (одежда) – природа

1. It was no longer half seen and guessed at, from hints and gleams, as if a girl couched on her *green-sea mattress*

2. I desired always to *stretch the night and fill it fuller and fuller with dreams.*

3. On the hills the slow *shadows now broadened, now shrank*, as they passed over.

4. The sea was indistinguishable from the sky, except that *the sea was slightly creased as if a cloth had wrinkles in it*.

5. As they neared the shore each bar rose, heaped itself, broke and swept a **thin veil of white** water across the sand.

6. Meanwhile the *concussion of the waves breaking fell with muffled thuds, like logs falling, on the shore*.

Метафоры, связанные с образами природы могут рассматриваться как метафоры, основанные на взаимосвязи между пяти первоэлементами. В приведенных выше примерах первоэлемент «дерево» рассматривается как «источник» (source domain) метафоры, как центральная по отношению к другим первоэлементам сфера. Упомянутый в первом предложении тюфяк (mattress), как и другие подобные ему изделия текстильной промышленности, мы относим к первоэлементу «дерево», потому что первоначальным материалом для таких изделий были растения. Море соотносится с мягким на ощупь тюфяком, на передний план выступает ощущение мягкости. Впрочем, поскольку тюфяк – продукт современной промышленности, его концепт не может занимать центрального положения в группе «дерево» и ограничивается положением маргинальным.

Во втором предложении метафора базируется на глаголе stretch ‘1. растягивать(ся). 2. напрягать(ся)’. Ночь сопоставляется с сумкой из эластичного материала, который мы можем растянуть, чтобы эта сумка вместила больше снов. Эту метафору мы также склонны отнести к группе «дерево», как и все метафоры, связанные так или иначе с тканым (или нетканым) материалом. Ночь ассоциируется с чем-то неясным и размытым, данная метафора проясняет концепт и приближает его к нам.

В третьем примере используется та же схема. Глаголы *to broaden* ‘растягиваться (о ткани)’ и *to shrink* ‘сидеться (о ткани)’ регулярно используются для описания свойств простой ткани, которые могут

растянуться в результате носки или сесть после стирки. Метафора связывает нематериальную черную тень с материальной черной тканью. И образ-источник, и образ цель одного цвета, однако конкретное порождает абстрактное, развивая наши мыслительные способности.

В четвертом примере море предстает перед нами как полотно, а волны – как складки на этом полотне. Мы как будто видим моментальный снимок, сделанный в тот момент, когда движущаяся по поверхности моря волна застывает, накатываясь на другую волну. Зрительный образ синей ткани со складками на поверхности делает образ застывших в стремительном движении океанских волн более конкретным. Осязательный образ материи, в комбинации с чувством холода океанской волны, отпечатывается в нашем восприятии. Живость и богатство чувственного образа способствуют закреплению его в нашем сознании. Именно в этом проявляется «правило экономии» нашего мышления. Освоив один образ, мы осваиваем следующий с меньшими усилиями.

Пятый пример в некотором роде соотносим с четвертым – поверхность воды соотносится с тонкой вуалью, лёгкой и прозрачной. Метафоры вновь стимулирует образы, уже содержащиеся в нашем сознании.

В шестом примере метафора основана на сходстве шума волн, тяжело накатывающихся на берег, и приглушенных ударов падающих на песок тяжелых брёвен. Повторение одного и того же метафорического образа помогает закрепить его в сознании, равно как закрепляет и сопутствующую данному образу информацию. Получается, что в данном случае задача метафоры не создать новое впечатление, а закрепить впечатление старое.

Дерево – природа

1. *The being grows rings, like a tree. Like a tree, leaves fall.*

2. *'The scene beneath me withered. It was like the eclipse when the sun went out and left the earth, flourishing in full summer foliage, withered, brittle, false.*

Оба примера связывают существование / мир с растением – деревом или цветком. Бесконечности нет, всё когда-нибудь начинается и когда-нибудь заканчивается. Будучи процессом, это всё может быть соотнесено с растением. Метафора, связывающая существование и дерево, имеет ту же структуру, что и метафора, связывающая закат и цветок.

Дерево – человеческие эмоции и деятельность

1. And there is *ripple and laughter like the dance of olive trees*

2. *How intricately love crosses love; love makes knots; love brutally tears them apart.* I have been knotted; I have been torn apart.

3. She had a passion for gloves; but her own daughter, her Elizabeth, *cared not a straw* for either of them.

4. To hear *twigs cracking and feel hooves planted down in the depths of that leaf-encumbered forest, the soul;*

Метафора в первом примере жива и выразительна – оливковые деревья «танцуют», и этому танцу уподобляется человеческое поведение. Мы имеем дело, по сути, с тройной метафоризацией, когда одна метафора (*ripple [of talk]*) метафорически соотносится с другой метафорой (*dance of olive trees*). Выразительности метафоры способствует и то, что оливковое дерево находится в центре сферы «дерево».

Во втором примере любовь метафорически соотносится с нитью, поэтому она может переплетаться, путаться, завязывать узелки. Получается, что любовь может быть так же легко оборваться, как рвутся нитка. Узелок же может рассматриваться как супружество, а развязывание узелка – как развод.

В третьем примере соломинка обозначает нечто ничтожно малое, которым нельзя не пренебречь. то, что в данном случае речь идет не просто о метафоре, но о так называемой «устойчивой метафоре» (подробнее см. 3 главу настоящей работы), не нарушает логики метафорического переноса, который, как мы полагаем, продолжает восприниматься носителями английского языка.

В четвертом предложении соотносятся человеческая душа и обильные листвой лесные заросли. Областью пересечения обозначенных концептуальных сфер являются загадочность и глубина, которые и становятся основным объектом восприятия в данном контексте.

Дерево – человек

1. I wish to *be harnessed to a cart*, a vegetable-cart that rattles over the cobbles.

2. Your voices sound like trees creaking in a forest.

3. I tremble, I quiver, like *the leaf in the hedge*, as I sit dangling my feet, on the edge of the bed, with a new day to break open.

4. even my thin legs ripple like *a stalk in the wind*.

В первом предложении упоминается повозка зеленщика (vegetable-cart) – весьма специфический вид транспорта, изготовленный из дерева. Изготовить повозку стоит немало человеческого труда, поэтому она не находится в центре сферы «дерево», однако сама принадлежность её к данной сфере сама по себе сомнений не вызывает. Хотя высказывание и нелепо на первый взгляд, оно обладает неким смыслом. Говорящий не хочет больше напряженно думать, он желает стать бессловесным и бездумным животным, тянущим повозку зеленщика по булыжникам. Конечно же, возможны и иные интерпретации. Рассматриваемый метафорический перенос способен восприниматься неодинаково разными людьми, так что каждый способен сам сформулировать его смысл.

Как нам представляется, в метафорах такого рода объект находится тем дальше от центра сферы «дерево», чем больше человеческого труда в его изготовление вложено.

В втором примере метафора связывает человеческие голоса и скрип деревьев в лесу. Отметим неясность и многозначность данной метафоры: мы не можем сказать, комплимент ли данное высказывание или оскорбление, и лишь самый широкий контекст может помочь ответить на этот вопрос.

В третьем и четвертом примере использовано одно и то же сопоставление: человек дрожащий от холода или страха, соотносится с дрожащим на ветру листом в живой изгороди / тростинкой на ветру. Следует отметить при этом, что последний из примеров имеет более сложную структуру, так как содержит еще одно образное сопоставление – упоминаемая худоба ног (*thin legs*) подчеркивается употреблением лексемы тростинка (*a stalk*). Что же касается глагола *girple* ‘покрывать рябью’, то он способен активизировать метафоры, связанные с водой и воздухом.

Дерево – человеческие чувства

*I am wrapped round with **phrases, like damp straw**; I glow, phosphorescent.*

Язык и мышление нераздельны. Фразы уподобляются мокрой траве, и общее между ними – трудность избавиться от них. Обидные слова будут помниться долго, и они так же неприятны, как липнувшая к нему мокрая трава.

*My imagination is the body's. Its visions are not **fine-spun and white with purity like Louis**'.*

В данном примере наше воображение соотносится с вязаным изделием, наш мозг оказывается чем-то вроде вязального станка, а наши

мысли – трикотажем. Коль скоро представления не отличаются «хитросплетением» (*fine-spun*) и белизной, то и воображение далеко от идеального (мы исходим из предпосылки, что белизна – идеальное качество для белья).

'My roots go down through veins of lead and silver, through damp, marshy places that exhale odours, to a knot made of oak roots bound together in the centre.

Человеческое существо соотносится с растением, корни которого уходят глубоко в землю. Корни растения – это мысли и чувства, которые могут простираться далеко вдаль и вглубь неизведанного.

All my senses stand erect.

Чувства абстрактны и нематериальны, так что в приведенном примере не может быть речи о буквальном значении, но лишь о значении метафорическом – все мои чувства на взводе, готовы к действию. Живое, не завянувшее растение стоит прямо, так что и все мои чувства живы. Иначе говоря, подвергнув данное высказывание когнитивному анализу, его значение можно сформулировать следующим образом: 'Все мои чувства нормально функционируют, как нормально функционирует вытянувшее ввысь растение'.

Приведенные выше примеры из английской литературы показывают метафорическое соотношение «дерева» и человека, чувств и действий, основное внимание отводится человеку как личности, и обычно образ «дерева» применяется в качестве метафоры в целом. В китайском языке метафоры, включающие «дерево» как часть, также встречаются достаточно часто, они во многом похожи на метафоры в английской языковой культуре, в особенности, когда дерево символизирует жизнь. Особенности в основном связаны с тем, что в китайском языке части дерева более широко используются для метафор, например, корни, ветви, семена, листья и т.д. Следующие примеры демонстрируют вышесказанное:

4a. ^{féng zǐ yīng dào} 冯紫英道: “^{rén shì de róng kū}人世的荣枯 (bloom and wither), ^{shì tú de dé shī zhōng shǔ}仕途的得失, 终属

^{nán dìng}难定。” (92 ^{zhāng}章, 4 ^{yè}页)

Feng Ziying dao: “ren shi de ku rong, shi tu de de shi, zhong shu nan ding.” (92 zhang, 4 ye/ Chapter 92, p.4)

4b. “Prosperity and ruin,” observed Feng, “are as unpredictable as success or failure in one’s official career. (Chapter 92, p. 1006)

4c. — Трудно предвидеть взлеты и падения, повышения и понижения по службе, — заметил Фэн Цзыин. (Глава девяносто вторая, т.3, стр.96)

Прилагательные «荣 (цветущий)» и «枯 (иссохший)» обычно применяются исключительно к деревьям и прочим растениям, тем не менее, в приведенном выше предложении они метафорически используются для описания успеха или неудачи в жизни, концептуальная метафора – «жизнь есть дерево», что также является основным понятием в англоязычной языковой культуре.

5a. ^{xíng fū rén xiǎng le yí xiǎng}邢夫人想了一想: ^{xué jiā gēn jī}薛家根基 (roots) ^{bú cuò}不错, ^{qiè xiān jīn dà fù}且现今大富。(57 ^{zhāng}章, 289 ^{yè}页)

Xing fu ren xiang le yi xiang: xue jia gen ji bu cuo, qie xian jin da fu. (57 zhang, 289 ye/Chapter 57, p.289)

5b. Since the Xues came of fairly good stock and were now very wealthy. (Chapter 57, p. 579)

5c. Госпожа Син поразмыслила, прикинула, что семья Сюэ состоятельная, жених человек достойный, к тому же сватает сама матушка Цзя, а потому охотно согласилась. (Глава пятьдесят седмая, т.2, стр.157)

6a. ^{biàn jiào guò zhào yí niáng lái mǎ dào}便叫过赵姨娘来骂道: “^{yǎng chū zhè yàng hēi xīn bù zhī dào lǐ xià liú zhǒng zǐ}养出这样黑心不知道理下流种子 (seed) ^{lái}来, ^{yě bù guǎn guǎn}也不管管! (25 ^{zhāng}章, 116 ^{yè}页)

Bian jiao guo Zhao yi niang lai ma dao: “yang chu zhe yang hei xin bu zhi dao li xia liu zhong zi lai, ye bu guan guan!” (24 zhang, 116 ye/Chapter 25, p.116)

6b. "Why don't you teach that spiteful brat of yours to behave himself?" she fumed. " (Chapter 25, p. 246)

6с. Она велела позвать наложницу Чжао и принялась ей выговаривать: — Вырастила паршивое отродье, а воспитать не сумела! Прощаешь вас, так вы еще больше распускаетесь! (Глава двадцать пятая, т.1, стр.211)

7a. yòuxǐǎngqǐxíngxiùyānyǐzélèfūxùyīshì 又想起邢岫烟已择了夫婿一事, suīshuōshìnánǚdàshì 虽说是男女大事, bùkěbùxíng 不可不行,

dàn wèi miǎn yòu shǎo le yí gè hǎo nǚ ér 但未免又少了一个好女儿. bú guò liǎng nián 不过两年, biàn yě yào lǜ yè chéng yīn zǐ mǎn zhī 便也要“绿叶成荫子满枝

(branches covered with leaves and fruits)" le 了. (58 章, 294 页)

You xiang qi Xing Youyan yi ze le fu xu yi shi, sui shuo shi nan nv da shi, bu ke bu xing, dan wei mian you shao le yi ge hao nv er. Bu guo liang nian, bian ye yao “lv ye cheng yin zi man zhi” le. (58 zhang, 294 ye/ Chapter 58, p.294)

7b. He thought of Xiuyan and her recent engagement. Though marriage was something everyone must go through with, this would mean one good girl the less; in just a couple of years she would be burdened with children as this tree was with fruit; (Chapter 58, p. 589)

7с. Вдруг он вспомнил, что Сюянь помолвлена, и ему стало грустно. Конечно, девушка должна выйти замуж, мужчина – жениться. Но увы! Теперь в саду еще одной замечательной девушкой станет меньше. А через год или два она станет похожа на этот абрикос, у которого «темно-зеленые листья густо все ветви покрыли». (Глава пятьдесят восьмая, т.2, стр.164)

8a. kànlái liǎng gè rén yuánběn shì yí gè xīn 看来两个人原本是一个心, dàn dōu duō shēng le zhī yè 但都多生了枝叶 (more

branches), fǎnnòngchéngliǎng gè xīn le 反弄成两个心了. (29 章, 142 页)

Kan lai liang ge ren yuan ben shi yi ge xin, dan dou duo sheng le zhi ye, fan nong cheng liang ge xin le. (29 zhang, 142 ye/ Chapter 29, p.142)

8b. In fact, to start with their two hearts were one, but each of them was so hyper-sensitive that their longing to be close ended in estrangement. (Chapter 29, p. 289)

8с. Пойми, мы должны сблизиться. Не надо меня избегать! (Глава двадцать девятая, т.1, стр.257)

В приведенных выше предложениях изображены метафоры, основанные на частях дерева, таких как корни, семена, листья и плоды, а также ветви. Концептуальная метафора – «семья есть дерево», корни – основа, семена означают новое поколение, листья и плоды символизируют процветание семьи. Последнее предложение метафорически изображает отношения двух людей в виде дерева, отдельные/многочисленные ветви которого метафорически означают разобщенность. К сожалению, большая часть метафор не сохраняется в переводах на английский язык. Тем не менее, приведенные примеры демонстрируют, в отличие от концептуальной метафоры «человек есть дерево», концептуальные метафоры «семья есть дерево» и «отношения есть дерево» в китайской языковой культуре более распространены, и в рамках данной концептуальной метафоры формируются конкретные метафоры на основании различных частей дерева.

2.2.3. Метафоры с компонентом «Вода»

Вода – природа

*The earth absorbs colour like a **sponge slowly drinking water.***

Представленная в данном примере метафора основывается на внешнем сходстве земного шара и овальной кубки, однако это внешнее сходство поддерживает сходство функциональное – земле приписывается

способность впитывать цвета, аналогичное способности губки впитывать воду.

*Everything became softly amorphous, as if the china of the plate **flowed** and the steel of the knife were **liquid**.*

Структура метафоры, представленной в данном примере, очевидна, хотя и необычна – она связывает фарфор тарелки и сталь клинка с водой. Архетипическим свойством воды является расплывчатость и изменчивость, и вот неожиданно «плывут» обычно предельно прочные и жесткие клинок и фарфор.

Как мы видим, создание метафоры совсем не предполагает полного и даже частичного наложения концептуальных сфер, достаточно их частичного пересечения, речь может идти о наложении одной сферы и «отрицания» сферы другой.

*'Oh, to crumple this telegram in my fingers--to **let the light of the world flood back**--to say this has not happened!*

Метафора основана на глаголе *to flood* 'хлынуть потоком'. Феномен *light of the world* проясняется через образ движущейся воды. И свет, и наводнение стремительны и неукротимы. Автор нашел метафору, максимально соответствующую его намерению выявить свойства объекта.

We are all swept on by the torrent of things grown so familiar that they cast no shade.

В данном примере метафора также связывает некоторые предметы и воду, однако связывает их иным способом. Автор обращает внимание на специфическое свойство – способность не отбрасывать тени. Иначе говоря, хотя концептуальные сферы могут пересекаться самым разнообразным способом, в каждый конкретный раз актуализуется то их пересечение, которое в данный момент интересно автору.

*She had burst open the French windows and **plunged at Bourton into the open air**.*

*How fresh, how calm, stiller than this of course, the **air was in the early morning; like the flap of a wave;***

В обоих приведенных примерах воздух соотносится с водой. Весьма выразительными оказываются глагол *to plunge* ‘нырять’ и сочетание *flap of a wave* ‘биение волны’. В нашей наивной картине мире вода более материальна, более вещественна, чем воздух, хотя между данными концептами есть много общего: и воздух, и вода не имеют определенной формы, они способны проникать сквозь трещины, преодолевать барьеры и т.д.

*But that somehow in the streets of London, **on the ebb and flow of things.***

В данном примере движение прохожих и машин на улицах Лондона уподобляется морским приливам и отливам, речь опять идет о центральной части концептуальной сферы «вода».

Вода – природа

1. *The flowers swim like **fish** made of light upon the dark, green waters.*
2. *The chorus, like **a torrent jumping rocks**, brutally assaulting old trees, **pours with splendid abandonment** headlong over precipices.*
3. *Night has **wheeled** a little further over the chimney-pots.*
4. *Now the **cool tide of darkness** breaks its waters over me.*
5. *We must oppose the waste and deformity of the world, **its crowds eddying round and round disgorged and trampling.***

Представленные в приведенных выше примерах метафоры имеют усложненную структуру. «Цветок» принадлежит к концептуальной сфере «дерево», «свет» – концептуальной сфере «огонь», а «рыба» – концептуальной сфере «вода». В результате мы имеем дело с комбинацией трех первоэлементов, что производит на читателя сильное и весьма своеобразное, но при этом гармонизирующее впечатление.

Вода – мышление

1. *I covered the whole street, Oxford Street, Piccadilly Circus, with the blaze and ripple of my mind, with vine leaves and raised leaves.*

2. *My philosophy, always accumulating, **welling up** moment by moment, runs like quicksilver a dozen ways at once.*

В первом примере совершенно явственно речь идет о метафоре, основанной на пересечении концептов «вода» и «мышление». Область взаимного наложения данных концептов – гибкость и подвижность.

Во втором предложении человеческое мышление (*my philosophy*) также прямо соотносится с движением воды, ср. употребление причастия глагола *to well up* ‘хлынуть, брызнуть, забить ключом’.

Вода – эмоции

*And I felt my **indifference melt**.*

*Love is not a **whirlpool** to her.*

As if this beauty, this scent, this color, and Miss Pym liking her, trusting her, were a wave which she let flow over her and surmount that hatred, that monster, surmount it all;

В приведенных выше и подобных примерах концептуальная метафора связывает человеческую эмоцию и водную стихию в каком-либо из её проявлениях – водоворот, волна, тающий лёд и т.д. Особо отметим множественность представлений воды – от полного покоя (лёд) до его полной противоположности (водоворот).

Вода – разум

While the fringe of my intelligence floating unattached caught those distant sensations, which after a time the mind draws in and works upon;

В приведенном примере концепт человеческого разума и концепт воды связывается метафорой, использующей глагол *to float* ‘плыть’. Общее концептуальное пространство связано с понятиями ‘способность

изменяться’, ‘включать в себя всё что угодно’, ‘приспосабливаться к новым условиям’ и т.д.

В китайском языке также существуют многочисленные метафоры, изображающие взаимосвязь пяти элементов, и «водные» метафоры, изображающие человека. Относительно метафор, изображающих человека, следует упомянуть об одной особенности, которая состоит в том, что в китайском языке существует старая поговорка о том, что женщины сделаны из воды, так что они чисты, сентиментальны и их легко довести до слез, которая вероятно связана с тем фактом, что вода — источник жизни, как и женщины дают жизнь. Ниже приводится несколько примеров метафорической взаимосвязи воды и женщин.

9a. ^{bǎo yù dāi le bàn shǎng} 宝玉呆了半晌, ^{hū rán dà xiào dào} 忽然大笑道: ^{rèn píng ruò shuǐ sān qiān} “任凭弱水三千, ^{wǒ zhǐ qǔ yī piáo} 我只取一瓢

^{yǐn} 饮。(91 ^{zhāng}章, 434 ^{yè}页)

Baoyu dai le ban xiang, hu ran da xiao dao: “ren ping ruo shui san qian, wo zhi qu yi piao yin.” (91 zhang, 434 ye/ Chapter 91, p.434)

9b. Baoyu thought for a while, then burst out laughing. “However much water there is in the stream, **one gourdful will suffice me,**”. (Chapter 91, p. 995)

9c. Баюй долго думал и вдруг расхохотался:

— Пусть будет хоть три тысячи озер со стоячей водой, мне достаточно одного ковша, чтобы напиться. (Глава девяносто первая, т.3, стр.88)

10a. ^{sú yǔ shuō de} 俗语说的, ^{jià chū qù de nǚ hái ér pō chū qù de shuǐ} “嫁出去的女孩儿泼出去的水”, ^{jiào wǒ néng zěn me yàng} 叫我能怎么样

^{nè} 呢。” (81 ^{zhāng}章, 420 ^{yè}页)

Su yu shuo de, “jia chu qu de nv har po chu qu de shui”, jiao wo neng zen me yang ne.” (81 zhang, 420 ye/Chapter 81, p. 420)

10b. As the saying goes, ‘**A married daughter —spilt water.**’ So what can I do about it?” (Chapter 81, p. 875)

10c. — Ничего не поделаешь, — проговорила госпожа Ван. — Недаром говорится в пословице: «Выданная замуж дочь — все равно что выплеснутая из ковша вода». Чем я могу помочь? (Глава восемьдесят первая, т.3, стр.1)

11a. 他说：“^{t ā shuō} 女儿是水作的^{n ũ ér shì shuǐ zuò de gǔ ròu} 骨肉，^{nán rén shì ní zuò de gǔ ròu} 男人是泥作的^{w ō jiàn le} 骨肉。我见了
^{n ũ ér} 女儿，^{w ō biàn qīng shuǎng} 我便清爽，^{jiàn le nán zǐ} 见了男子，^{biàn jiào zhuō chóu bī rén} 便觉浊臭逼人。”^{zhāng y è} (2章, 9页)

Ta shuo: “nv er shi shui zuo de gu rou, nan ren shi ni zuo de gu rou, wo jian le nv er, wo bian qing shuang, jian le nan zi, bian jue zhuo chou bi ren.”(2 zhang, 9 ye/ Chapter 2, p.9)

11b. And he says the strangest things for a child. ‘**Girls are made of water, men of mud,**’ he declares. ‘I feel clean and refreshed when I’m with girls but find men dirty and stinking.’ (Chapter 2, p. 15)

11c. «Женщины, — говорит он, — созданы из воды, мужчины — из грязи. При виде женщин я испытываю блаженство и радость, а при виде мужчин — тошноту, такое они распространяют зловоние». Право, забавно! Наверняка вырастет отчаянным повесой! (Глава вторая, т.1, стр.21)

Приведенные выше предложения представляют собой примеры одной концептуальной метафоры в китайской языковой культуре — «женщина — это вода», «калебас, наполненный водой», «сосуд воды» и «женщины сделаны из воды», все метафоры основаны на данной концепции. Данная концептуальная метафора — одна из особенностей китайской языковой культуры, т.к. хотя в английском языке встречаются метафоры, изображающие воду и людей, человеческие чувства, ум и действия, устойчивые метафорические соотношения воды и женщин отсутствуют.

Вода – время

Tuesday Monday: Wednesday, Tuesday. Each spreads the same ripple.

В приведенном примере концептуальная связь времени и воды очевидна. Дни недели, подобно бросаемым в воду камням, оставляют совершенно одинаковые расходящиеся по поверхности круги. Зона пересечения концептуальной сферы «время» и концептуальной сферы «вода» включает свойство неудержимости, поток времени так же неостановим, как водный поток.

1. *'And time,' said Bernard, 'lets fall its drop.*

2. *Time tapers to a point. As a drop falls from a glass heavy with some sediment, time falls.*

3. *What has permanence? Our lives too stream away, down the unlighted avenues, past the strip of time, unidentified.*

Во всех трех приведенных выше примерах мы находим метафоры, основанные на наложении концептуальной сферы «вода» и концептуальной сферы «время». Ключевыми словами являются слова *drop* 'капля', *to fall* 'падать', *stream away* 'уплыть прочь'.

Концептуальная метафора «время есть вода» распространена и в английской, и в китайской языковой культуре. В рамках данной концепции типична метафора «время есть река». Хотя данная концептуальная метафора встречается в обеих культурах, существуют определенные различия. В англоязычной культуре человек борется с надвигающимися событиями, и когда время описывается как река, внимание обычно отводится берегам реки, местности, по которой проходит река, что символизирует события жизни. Поскольку в китайской языковой культуре основная задача состоит в том, чтобы найти гармонию с рекой времени, основное внимание отводится исключительно неизменному направлению и непрерывному течению реки времени, к которому люди должны

приспосабливаться, а местность вдоль реки не подчеркивается. Ниже приводятся примеры, демонстрирующие данное различие.

12a. 我便一时死了, 得他们如此, 一生事业纵然尽付东流 (flow to the east), 亦无足叹惜 (34章, 160页)

Wo bian yi shi si le, de ta men ru ci, yi sheng shi ye zong ran jin fu dong liu, yi wu zu tan xi. (34 zhang, 160 ye/ Chapter 34, p.160)

12b. If I were to meet with some accident and die, they'd surely be quite overcome with grief. But it would be worth dying, even with nothing to show for my life." (Chapter 34, p. 318)

12.c Моя смерть была бы для них настоящим горем! Но ради них я готов без сожаления отдать жизнь и разом покончить со всеми мирскими заботами». (Глава тридцать четвертая, стр.284)

Жизнь человека сравнивается с рекой. Река, текущая на восток означает впадение в океан, т.к. в Китае большая часть крупных рек текут с запада на восток. Река, текущая на восток используется в качестве метафоры для описания прожигания жизни или отсутствия жизненного успеха. Концептуальная метафора в рамках данной конкретной метафоры также «время есть река», но акцент переносится на природную силу реки и бессилие человека перед природой, что ведет к сущностной философии традиционной китайской культуры, стремлению к гармонии. Приведенные ниже предложения представляют собой типичные примеры, отражающие философию гармонии и баланса китайской культуры.

13a. 你如何连两句俗语也不晓得? 常言`月满则亏, 水满则溢', (Chapter 13, p. 57)

13b. Is it possible you don't know the saying that 'the moon waxes only to wane, **water brims only to overflow,**' (Chapter 13, p. 117)

13a. ^{n i r ú h é lián liǎng jǔ s ú yǔ y ě b ù xiǎo d é} 你如何连两句俗语也不晓得？ ^{cháng yán} 常言 “^{yuè mǎn z é kuī}月满则亏， ^{shuǐ mǎn z é y ì}水满则溢”

(13 ^{zhāng}章, 57 ^{y è}页)

Ni ru he lian liang ju su yu ye bu xiao de? Chang yan “yue man ze kui, shui man ze yi” (13 zhang, 57 ye/ Chapter 13, p.57)

13b. Is it possible you don't know the saying that 'the moon waxes only to wane, **water brims only to overflow,**' (Chapter 13, p. 117)

13c. А вот простых пословиц не понимаешь: «Луна из полной становится ущербной», «Из переполненного сосуда вытекает вода», «Выше поднимешься — больше падать». (Глава тринадцатая, т.1, стр. 107)

14a. ^{yóu shì xiào dào} 尤氏笑道：“^{n i qiāo tā xìng de zhè yàng ér}你瞧他兴的这样儿！ ^{w ō quàn n i shōu zhe xiē ér hǎo}我劝你收着些儿好。 ^{tài mǎn le}太满了”

^{jiù p ō chū lái le}就泼出来了。” (43 ^{zhāng}章, 209 ^{y è}页)

You shi xiao dao: “ni qiao ta xing de zhe yangr! Wo quan ni shou zhe xie hao. Tai man le jiu po chu lai le.” (43 zhang, 209 ye/ Chapter 43, p.209)

14b. Madam You laughed. ‘Take my advice and be a bit more modest. If **you're so full of yourself you'll spill over!**’ (Chapter 43, p. 405)

14c. – Вы только посмотрите на нее! – воскликнула госпожа Ю. – Я просто уговариваю тебя не злоупотреблять своим счастьем, а ты сердисься! Если счастье до краев, оно может вылиться! (Глава сорок третья, т.2, стр.19)

Во всем следует придерживаться определенной меры, такова общая философия жизни китайского народа. «Вода наполняет сосуд до краев, чтобы перелиться через край», «ты настолько переполнен собой, что плещешь через край», оба метафорических выражения основаны на концептуальной метафоре «человек как сосуд с водой», вода в сосуде – это, если человек высокомерен, вода переливается через край; если уверенности в себе недостает, сосуд неустойчив. Так же философия проявляется в метафоре с сосудом, полным воды, если продолжать лить

воду, сосуд не принесет пользы; напротив, если налить недостаточно воды, сосуд будет неустойчив.

2.2.4. Метафоры с компонентом «Огонь»

ОГОНЬ – СВЕТ

1. *Its light slanted, falling obliquely. Here it caught on the edge of a cloud and burnt it into a slice of light, a **blazing island on which no foot could rest.***

2. *An **arc of fire** burnt on the rim of the horizon, and all round it the sea **blazed gold.***

3. *Then she raised her lamp higher and the air seemed to become fibrous and to tear away from the green surface **flickering and flaming in red***

4. *'And **burning lights** from the window-panes flash in and out on the grasses,' said Louis.*

5. *The sun is hot. I see the river. I see trees **specked and burnt in the autumn sunlight.***

6. *Then another cloud was caught in the light and another and another, so that the waves beneath were arrow-struck **with fiery feathered darts that shot erratically across the quivering blue.***

7. *But there is a **kindling in the sky** whether of lamplight or of dawn.*

8. *Flowers, **burning like sparks** upon the depths of green;*

Во всех приведенных выше примерах метафора связывает концептуальную сферу «огонь» и концептуальную сферу «свет». В принципе сферу «свет» можно поместить внутри сферы «огонь», так как бóльшая сфера может поглощать мёньшую.

Рассмотрение приведенных и подобных примеров вынуждает нас прийти к заключению, что сфера «свет» действительно является поглощенной сферой «огонь», см. концепты, связанные со словами *blaze*

‘пламя’, *to burn* ‘сжигать’, *fiery* ‘огненный’, *to kindle* ‘воспламенять’ и им подобными.

Метафоры, изображающие огонь и свет, на мой взгляд, универсальны как в английской, так и в китайской языковой культуре, существуют метафорические соотношения огня и света, учитывая тот факт, что огонь — более конкретен, чем свет, хотя существуют многочисленные сходства. На основании сходства огня и света, метафоры, изображающие свет, в определенной степени связаны с метафорами, изображающими огонь. Особенность метафор, изображающих огонь, в китайском языке связана с применением подгруппы метафор, изображающих свет. Основная концептуальная метафора – «свет есть честь». Ниже приводится несколько примеров:

15a. ^{zhǐ jiàn hǔ pò zǒu lái} 只见琥珀走来, ^{shuō le jiǎ mǔ de huà} 说了贾母的话, ^{píng ér zì jué miàn shàng yǒu le guāng huī} 平儿自觉面上有了光辉 (**light and glory**), ^{fāng cái jiàn jiàn de hǎo le} 方才渐渐的好了. (^{zhāng} 44章, ^{y è} 215页)

Zhi jian Hu po zou lai, shuo le jia mu de hua, Ping er zi jue mian shang you le guang hui, fang cai jian jian de hao le. (44 zhang, 215 ye/ Chapter 44, p.215)

15b. Just then Hupo arrived with the Lady Dowager’s message which vindicated Pinger and made her feel rather better. (Chapter 44, p. 417)

15c. В это время пришла Хупо и передала приказание матушки Цзя. Пиньэр просияла от радости. (Глава 44, т.2, стр. 28)

16a. ^{wài tóu dà tīng shàng yī tái xì} 外头大厅上一台戏, ^{bǎi jǐ xǐ jiǔ} 摆几席酒, ^{qǐng lǎo yé men} 请老爷们, ^{yé men qù zēng zēng guāng} 爷们去增增光 (**lighten our house up**) (^{zhāng} 45章, ^{y è} 219页)

Wai tou da ting shang yi tai xi, bai ji xi jiu, qing lao ye men, ye men qu zeng zeng guang. (45 zhang, 219 ye/ Chapter 45, p.219)

16b. At the same time we’ll ask the gentlemen to honour us with their presence at another feast with an opera in the hall outside. (Chapter 45, p. 42)

16с. еще несколько столов поставим в большом зале, где тоже соорудим сцену, и туда пригласим господ, тогда будет настоящий праздник. (Глава сорок пятая, т.2, стр.34)

Метафора опущена в переводе, в скобках приводится дословное значение текста на китайском языке. Фраза «свет и честь» используется для описания достоинства девушки, тогда как присутствие джентльмена в опере считается честью для владельца, что также метафорически выражается как «освещение»; оба предложения выявляют скрытую концепцию в китайской языковой культуре – «свет есть честь».

Огонь – человек

1. *We were extinguished for a moment went out like sparks in burnt paper and the blackness roared.*

2. *I leap like one of those flames that run between the cracks of the earth;*

3. *I would go with you through the fires of death.*

4. *My body goes before me, like a lantern down a dark lane, bringing one thing after another out of darkness into a ring of light.*

Коль скоро концептуальная сфера «огонь» включает в себя пространство концептуальной сферы «свет», Мы можем отнести метафоры с компонентом «свет» к группе метафор, входящих с концептуальную сферу «огонь». Все четыре приведенные выше метафоры основаны на пересечении концептуальной сферы «огонь» и концептуальной сферы «человек». Для первых двух примеров это очевидно – человеческие существа метафорически отождествляются с искрами, пробегающими по горячей бумаге, либо с языками пламени, вырывающимися из расколов земной коры. В третьем примере пламя связано со смертью. Огонь освещает людей, но он же может их погубить. В античности некоторые народы почитали огонь и в то же время боялись его.

17a. ^{bào èr fū fù jiàn le rú yī pén huǒ} 鲍二夫妇见了如**一盆火**(a **bonfire**), ^{gǎn zhe yóu lǎo yī kǒu yī shēng huàn lǎo niáng} 赶着尤老**一口一声**唤老娘

(65 ^{zhāng}章, 333 ^{yè}页)

Bao Er fu fu jian le ru yi pen huo, gan zhe you lao yi kou yi sheng huan lao niang. (65 zhang, 333 ye/ Chapter 65, p.333)

17b. Bao Er and his wife gave them an effusive welcome, assiduously addressing old Mrs. You as 'Old Madam' or 'Old Lady'. (Chapter 65, p. 675)

17c. Баоэр и его жена из кожи вон лезли, стараясь услужить новым хозяевам, величали старуху Ю не иначе как матушкой, почтенной госпожой, а Саньцзе – третьей тетушкой или госпожой тетушкой. (Глава шестьдесят пятая, т.2, стр.227)

В предложении на китайском языке «Дама Ю» метафорически описывается как костер, метафора не сохранена в переводе, но ее значение передано – «бурное приветствие». В приведенном выше тексте, «свет есть честь» приводится как концептуальная метафора в китайской лингвистической культуре, данное предложение раскрывает концептуальную метафору – «сила / власть есть огонь», пара Бао льстит Леди Ю, что представляет собой метафорическое соотношение «Дамы Ю» и костра, благоговение людей перед огнем как символом власти переносится на конкретного человека, «Дамы Ю», посредством метафоры.

Огонь – мышление

1. *What he was saying **wavered in the air like an uneasy flame**.*
2. *'Those are **yellow words**, those are **fiery words**,' said Jinny.*
3. *My witticisms "run like **wildfire** through the court".*
4. *What do we oppose, with this random **flicker of light** in us that we call brain and feeling, how can we do battle against this flood;*

В первых двух приведенных выше примерах энергия слов выражается через образы, связанные с огненной стихией, мы обнаруживаем *uneasy*

flame ‘беспокойное пламя’ и *fiery words* ‘огненные слова’. Метафора базируется на пересечении концептуальной сферы мышления (ведь язык, как мы знаем, связан с мышлением неразрывно) и концептуальной сферы огня. И мышление, и огонь запускают одни и те же ассоциативные процессы, что делает метафорический перенос возможным.

В третьем примере связь остроумия и пламени уже непосредственна, и глагол *to run* ‘бежать’ проявляет их общих атрибут – способность стремительно распространяться.

В последнем примере наш ум и наши эмоции метафорически уподобляются вспышкам света – одного из атрибутов огня. Свету и знаниям противопоставлены тьма и невежество. Мы ничего не видим в темноте, но свет может вести нас. И знания, и свет нужны для того, чтобы изучать окружающий нас мир.

Огонь – эмоции

1. *'After the capricious fires, the abysmal dullness of youth,' said Neville, 'the light falls upon real objects now.*

2. *I know what loves are trembling into fire; how jealousy shoots its green flashes hither and thither;*

3. *Angular as an icicle in silver, or voluptuous as a candle flame in gold.*

4. *She, too, was going that very night to kindle and illuminate;*

5. *And there the motor car stood, with drawn blinds, and upon them a curious pattern like a tree, Septimus thought, and this gradual drawing together of everything to one center before his eyes, as if some horror had come almost to the surface and was about to burst into flames, terrified him.*

6. *Dulled their feelings, for Miss Kilman would do anything for the Russians, starved herself for the Austrians.*

В первом примере нелегко определить доминирующую концептуальную сферу. Если мы решим, что основной является

концептуальная сфера огня, то свойство непостоянство человеческой природы станет подчинённой концептуальной сферой, пересекающейся со сферой доминирующей. Общим качеством тогда будет «способность изменяться». С другой стороны, мы можем рассматривать в качестве доминирующей именно сферу непостоянства человеческой природы, тогда сфера огня будет подчиненной.

Во втором примере доминирующая позиция сферы огня не вызывает сомнения. Метафора основывается на развитии узнаваемого шекспировского образа: Яго притворно предостерегает Отелло от ревности, называя её «чудовищем с зелеными глазами» (the green-eyed monster), а здесь мы видим, как это чудовище извергает зеленые вспышки пламени.

В третьем предложении метафора амбивалентна: один и тот же образ способен предстать перед нами и в качестве золотого пламени свечи, и серебряной сосульки. Одна и та же округлость формы способна метафорически обернуться и ледяной сосулькой, и пламенем свечи, и холодом, и жаром, и серебром, и золотом.

В последних трех предложениях устанавливается метафорическая связь между огнем и сильными эмоциями – страха, ужаса и страсти. Как и огонь, страсти способны уничтожить человека, но они же и подвигают его на свершения.

18a. háiyǒudōngfǔlǐnǐzhēngēerdeyeyé nàcáishìhuǒshàngjiāoyóu
还有东府里你珍哥儿的爷爷，那才是火上浇油 (pour oil in to fire)

dexìngzǐ shuōshēngnǎole shénmērzi jìngshìshēnzéi zhāng yè
的性子! 说声恼了, 什么儿子, 竟是审贼! (45章, 219页)

Hai you dong fu li ni Zhen ger de ye ye, na cai shi huo shang jiao you de xing zi! Shuo sheng nao le, shen me er zi, jing shi shen ze! (45 zhang, 219 ye/ Chapter 45, p. 219)

18b. As for your cousin Zhen's grandfather in the East Mansion, he had such a **fiery temper** he'd flare up at a word, grilling his son as if he were a brigand. (Chapter 45, p. 427)

18с. А отец Цзя Чжэня из восточного дворца? Он по пустякам вспыхивал, как масло, попавшее на огонь! А с сыном обходился словно со злодеем или разбойником. (Глава сорок пятая, т.2, стр.34)

Как и в английском языке, в китайском языке также существует концептуальная метафора – «гнев – это пламя», необузданный нрав отличает вспыльчивых людей. Относительно метафорических связей с прочими чувствами, деятельностью людьми и огнем, они не так многочисленны как в английском языке.

2.2.5. Метафоры с компонентом «Земля»

Земля – символ всего растящего и лелеющего. Земля порождает новую жизнь, она же предоставляет нам фундамент для всего нашего существования. В английском языке, как и в китайском, земля прочно ассоциируется с матерью, вспомним Motherland и 大地母亲. Однако в то же самое время как «земля» ассоциируется с чем-то святым и чистым, «грязь» (земля, перемешанная с водой) обладает прямо противоположными коннотациями. В английской культуре концепт «грязь» связан с чем-то неприятным и уродливым, в чем-то, что вы склонны скрывать от окружающих, ср. *I am sure we can find some dirt on him; he is a dirty dog; the attorney loves to play dirty.* В китайской же лингвокультуре слово 涂 tú ‘грязь, глина’ также может ассоциироваться с чем-то негативным, но это что-то принципиально иного характера – речь может идти о людях старомодных, со странной внешностью или поведением.

Земля – эмоции / разум

1. *'Those are **white words**,' said Susan, 'like stones one picks up by the seashore.*

2. *Its **golden grain falls**, fertilizing, upon the **rich soil of my imagination.***

3. *We cannot attach the width and spread of our feelings to so small a mark.*

В первом примере слова метафорически соотносятся с камнями, разбросанными по берегу моря, и обретают тем самым весомые характеристики.

Во втором примере воображение метафорически отождествляется в богато удобренной почвой, способной порождать новые идеи.

В третьем из приведенных примеров чувствам приписываются свойства ширины и протяженности, которыми обычно характеризуются земельные участки, и это имплицитно свидетельствует, что автор соотносит человеческую эмоцию с участком земли. Поскольку у нас нет единиц для измерения эмоций, мы обращаемся к измерениям землемеров.

В приведенных выше примерах видна общая концептуальная метафора – «ум или чувства – это клочок земли», на основании которой строятся конкретные метафоры, такие как «плодородная почва воображения» и «широкие просторы чувств»; в китайской языковой культуре наблюдается та же концепция, такие фразы как «创新的土壤» (почва / земля для чего-то нового), «无边无际的爱» (любовь без границ), представляют собой устойчивые выражения в китайском языке, ставшие клише, другими словами, «мертвыми метафорами». Тем не менее, они также отражают скрытую концептуальную метафору. Несмотря на сходство стран, следует отметить особенность метафор земли в китайской языковой культуре - «вес есть власть/ сила».

19a. kuàng qiě wǒ nián jì qīng tóu dēng bù yā zhòng 况且我年纪轻，头等不压众 (**can't weigh the subordinates down**), yuàn bù dé bù fàng wǒ zài yǎn li 怨不得不放我在眼里. (zhāng yè 16章, 70页)

Kuang qie wo nian ji qing, tou deng bu ya zhong, yue bu de bu fang wo zai yan li. (16 zhang, 70 ye/ Chapter 16, p.70)

19b. Besides, lack of experience makes me nervous. (Chapter 16, p. 144)

19с. Со мной они не считаются, но обижаться не приходится — я слишком молода и невзыскательна. (Глава шестнадцатая, т.1, стр.128)

В приведенном выше предложении недостаток силы связан с недостатком веса; в переводе опущены метафоры, значение передано прямо, что помогает читателям понять смысл прочитанного, но лишает язык красоты.

Земля – жизнь

Let us again pretend that life is a solid substance, shaped like a globe, which we turn about in our fingers.

Метафорический перенос приписывает жизни свойства шарообразной твердой субстанции. Описание чего-то напоминающего землю в миниатюре способно вызвать ассоциацию с валуном или булыжником. Наша жизнь, проходя оборачивается разными сторонами, подобно катящемуся по склону булыжнику.

В принципе, вся наша дорога жизни и любви неотделима от земли, так как без земли нет и дороги. Тем самым большая концептуальная сфера земли пересекается с меньшими концептуальными сферами дороги и путешествия.

Концептуальная метафора «жизнь есть земля» допускает выражение субконцептуальной метафорой «победа — завоевание новых земель» в рамках общей концепции «жизнь есть война/ соревнование».

20a. shuízhī zì qǐ le tā lǐng fū rén zhī hòu 谁知自娶了他令夫人之后, dǎo shàng xià wú yī rén bù chēng sòng tā fū rén de 倒上下无一人不称颂他夫人的, liǎn 琏

yé dǎo tuì le yī shè zhī dì 爷倒退了一射之地 (stepped back for an arrow's distance). (2章, 10页)

Shei zhi zi qu le ta ling fu ren zhi hou, dao shang xia wu yi ren bu cheng song ta fu ren de, lian ye dao tui le yi she zhi di. (2 zhang, 10 ye/ Chapter 2, p.10)

20b. Since his marriage he's been thrown into the shade by his wife, who is praised by everybody high and low. (Chapter 2, p. 17)

20с. Все в доме от мала до велика восхищаются его женой, и Цзя Ляню пришлось уступить ей первенство. (Глава вторая, т.1, стр.23)

Соревнование повсеместно, люди во всех культурах стремятся быть более успешными, чем другие, стремление к превосходству над другими сильно выражено в китайской культуре. «出人头地» (превосходить и быть выдающимся) — обычно единственный признанный способ добиться успеха. Данная философия также проявляется в языке, даже в рамках семьи, жена и муж помещаются в условия соревнования. И соревнование метафорически выражается как завоевание земли — «земля есть власть» в рамках более общей концепции «жизнь есть соревнование».

Земля – жизнь

1. *Time, which is a sunny pasture covered with a dancing light, time, which is widespread as a field at midday, becomes pendant.*

2. *The hard stone of the day was cracked.*

В первом примере время соотносится с «полем в полдень», с «пастбищем, на котором пляшет свет». Описываемый полдень как бы напоминает нам, что день достиг зенита, что он идет на убыль. Земля меняется, она одна днем и другая ночью. Время, как и природа в своем зените, юно и полно энергии в полдень, но угасает к ночи. Свет невидим в тенях, которые от бросает на землю. Земля невидима во мраке, когда отсутствует свет, а без смен дня и ночи было бы незаметно и время.

Метафора, представленная во втором примере, более однозначна. День отождествляется с «твердым камнем». Подобно тому, как камень — часть мостовой, которая ведет нас куда-то, день — часть нашей жизни. Треснувший под нашей ногой камень мостовой — день, который был прожит не так, как другие дни.

2.2.6. Метафоры с компонентом «Дом» (подгруппа метафор с компонентом «Земля»)

Дом – сознание

1. *Rich and heavy sensations form on the **roof of my mind**;*
2. *'The still mood, the disembodied mood is on us,' said Rhoda, 'and we enjoy this momentary alleviation (it is not often that one has no anxiety) when the **walls of the mind become transparent**.*
3. *Yet there are moments when the **walls of the mind grow thin**;*
4. *'Drop upon drop,' said Bernard, 'silence falls. It forms on the **roof of the mind** and falls into pools beneath.*

Все приведенные выше примеры иллюстрируют одну и ту же базовую метафору: наше сознание (mind) – это дом, у которого есть стены (*walls*) и крыша (*roof*). Подобно тому, как дом вмещает мебель и визитеров, наше сознание способно вмещать в себя знания и идеи. В обоих случаях речь идет о некоем «вместилище» (*container*), известном из работ по концептуальной метафоре. Отметим, впрочем, что сознание не обладает свойствами конкретных форм и детализированных измерительных единиц, возможных в случае со зданием. Тем самым предварительным обязательным условием подобных метафор являются:

- 1) Очевидное сходство между сопоставляемыми концептуальными сферами;
- 2) Неприменимость детализированных измерительных единиц по отношению к одной из данных двух концептуальных сфер.

К метафорам, основанным на восприятии человеческого сознания как вместилища можно отнести также следующие примеры:

1. *It is not vanity; for I am **emptied of ambition**;*

2. *From discord, from hatred my shattered mind is pieced together by some sudden perception.*

Как уже отмечалось в рассуждении о соотносительности концептуальной сферы дома и концептуальной сферы человеческого сознания, одна и та же структура может использоваться при описании различных концептуальных сфер в случае хотя бы частичного совпадения некоторых их участков. Так, в первом примере атрибут «пустой» (empty) призван объединить концептуальную сферу вместилища и человеческого сознания. Следует при этом отметить, что нередко в качестве вместилища для сознания рассматривается «сердце», ср. многократно использующееся в массовой культуре сочетание ambitious heart, например,

<http://www.raystedman.org/new-testament/mark/the-ambitious-heart>

<http://www.desicomments.com/poems/nature-poems/ambitious-heart/>

<http://www.imdb.com/title/tt2851002/>

<https://www.facebook.com/forambitioushearts>

<http://ambitious-hearts.deviantart.com/>

<http://server.firefighters.org/stedman/stedmandvd/mark/3320.html>

Сердце воспринимается в качестве источника человеческих эмоций и человеческого сознания, а потому разделяет общие атрибуты вместилища.

Обращаясь ко второму примеру, мы можем отметить еще одно концептуальное сходство. Самым примитивным и исторически, вероятно, одним из первых вместилищ был глиняный горшок. Будучи обожженным в костре, он мог какое-то время вмещать в себя воду, однако был непрочным. Его легко можно было разбить на куски. Вот и «разум» во втором примере оказывается разбитым вдребезги.

2.2.7. Метафоры с компонентом «Конкретный объект»

Конкретный объект – абстрактное явление

В соответствии с традиционной для Китая философией даосизма, всё в мире может быть классифицировано на основе теории пяти первоэлементов. Попытка классифицировать часть формирующих английскую лингвокультуру концептуальных метафор на основе данных пяти элементов была предпринята на предыдущих страницах. На последующих страницах будут рассмотрены концептуальные метафоры, связь которых с упомянутыми пяти первоэлементами не столь очевидна. Находящиеся в нашем распоряжении примеры могут быть сгруппированы по признаку «предмет естественного происхождения»/«артефакт».

1. *I was blown like a feather, I was wafted down tunnels.*

2. *The sky is dark as **polished whalebone**.*

3. *I sing my song by the fire like an **old shell murmuring on the beach**.*

В приведенных выше примерах в основу базовую для каждого примера концептуальную сферу образуют предметы естественного происхождения – перо (*feather*), китовый ус (*whalebone*), раковина (*shell*). Основным атрибутом первой концептуальной сферы является лёгкость, второй – цвет, третьей – шум моря и особая атмосфера морского пляжа.

Метафоры, рассматриваемые ниже, основаны на артефактах.

The following few sentences are metaphors based artificial objects:

1. *For Bernard is **a dangling wire**, loose, but seductive.*

2. *"Oh save me, from being blown for ever outside **the loop of time!**"*

3. *She sucks in her lips, assumes an **air of intensity**, inflates herself and hurls herself precisely at the right moment as if she saw an apple and her **voice was the arrow into the note**, "Ah!"*

4. *How you snatched from me the white spaces that lie between hour and hour and rolled them into dirty pellets and tossed them into the waste-paper basket with your greasy paws.*

Провисший провод из первого примера представляет потенциальную опасность: он провоцирует проверить, под напряжением он или нет. Петля времени во втором примере может символизировать некую застывшую и бесконечно повторяющуюся последовательность событий, но также и бесконечный бег времени. Отождествление голоса и стрелы в третьем примере подчеркивают силу и энергию речи. В четвертом примере метафорическая объективизация времени достигается за счет соотнесения пройденных часов с белыми (то есть никак не помеченными) участками циферблата часов, а также с выбрасываемыми в корзину для бумаг смятыми (и тоже белыми!) листами. Не заполняя наше время плодотворной деятельностью, мы теряем его так же, как теряем забракованные и выброшенные в корзину для бумаг страницы.

Таким образом, метафорическая связь может быть осуществлена не только между статическими объектами, но также и между статическим объектом и некой деятельностью или процессом. При этом не вызывает никакого сомнения обстоятельство, что анализ динамического элемента метафорической пары более сложен.

*I keep my phrases hung **like clothes in a cupboard**, waiting for someone to wear them.*

Образ висящей в шкафу одежды может интерпретироваться самыми разными способами. Пока одежда висит в шкафу, её никто не видит, однако в любой момент она может «появиться», быть увиденной. Мы часто покупаем праздничную одежду, чтобы надеть её в определенный момент по определенному случаю. Точно так же и удачные формулировки могут «приобретаться» нами и храниться в нашем сознании до подходящего случая.

2.2.8. Метафоры с компонентом «Объект живой природы»

Объект живой природы – человек

Хотя человек с биологической точки зрения является частью живой природы (тип: *хордовые*, класс: *млекопитающие*, отряд: *приматы*, семейство: *гоминиды*; род: *люди*, вид: *человек разумный*, подвид: *человек разумный разумный*), мы привыкли рассматривать себя как скорее «царей природы», чем как её представителей. Поэтому в случае с отождествлением человека с тем или иным представителем живой природы речь идет, как правило, о метафорическом переносе.

1. *I am like a hound on the scent. I hunt from dawn to dusk.*

2. *Therefore we cluster like maggots on the back of something that will carry us on.*

3. *I feel myself carried round like an insect on top of the earth and could swear that, sitting here; I feel its hardness, its turning movement.*

4. *I dine out and gape like a codfish.*

5. *We battle together like beasts fighting in a field, like stags making their horns clash.*

6. *I have gone buzzing like a swarm of bees, endlessly vagrant, with none of your power of fixing remorselessly upon a single object.*

7. *Many troops of men flocking hither and thither in quest of civilization like flocks of birds migrating seeking the summer;*

Во всех приведенных выше примерах человек метафорически соотносится с тем или иным объектом живой природы, и это соотношение каждый раз фиксирует внимание читателя на том или другом аспекте поведения или характера героя или героев. Так, в первом примере упор делается на способности выслеживать добычу, во втором – на склонности паразитировать на чьей-то доброте, в третьем – на ничтожности

человеческого существования, в четвертом – на внешнем подобии зевнувшего человека и раскрывшей рот трески, в пятом – на способности к единоборству и т.д. Шестой и седьмой примеры подчеркивают человеческий коллективизм, люди уподобляются стае птиц или рою пчёл.

На основании рассмотренных выше примеров мы можем выявить следующие закономерности образования и функционирования метафоры:

(1) Употребление связующих маркеров делает метафору более эффективной.

(2) Чем в большее число метафорических соответствий вступает концептуальная сфера, тем выше её выразительность.

(3) Из двух концептуальных сфер ближе к центру оказывается та, выразительность которой выше.

Объект живой природы – эмоция

*'Now the agony begins; now the **horror has seized me with its fangs,**' said Neville.*

Данный пример является живой иллюстрацией закономерности (3) из предыдущего параграфа. Хищник с оскаленными клыками формирует гораздо более «материальную» и более выразительную концептуальную сферу, чем абстрактная концептуальная сфера «агонии». В результате концептуальная сфера «страха» метафорически сдвигается в концептуальную сферу «хищника».

Подобно тому, как более сильный магнит притягивает сильнее, чем магнит более слабый, так и более выразительные концептуальные сферы вступают в метафорические отношения с иными концептуальными сферами чаще, чем концептуальные сферы менее выразительные.

Объект живой природы – объект неживой природы

1. *'The **breath of the wind** was like a tiger panting,' said Rhoda.*

2. *The waves fell; withdrew and fell again, like the thud of a great beast stamping.*

3. *Cheep, cheep, creaks the fire, like the cheep of insects in the middle of a forest.*

Во всех трех приведенных примерах мы наблюдаем метафорическую связь между объектами живой и неживой природы. Ветер дышит, как уставший тигр, удары волн уподобляются звукам шагов огромного зверя, в потрескивании огня слышится трескотня насекомых в лесу. Концептуальные сферы ветра, волн, огня в нашем сознании «дотраиваются» с опорой на уже существующие и более выразительные концептуальные сферы тигра, огромного зверя, роя насекомых.

Объект живой природы – время

'Time's fangs have ceased their devouring.

Как и в одном из рассмотренных выше случаев, содержащаяся в данном примере метафора основана на явно доминирующем положении концептуальной сферы «хищника», клыки которого угрожают будущей жертве.

2.2.9. Метафоры с компонентом «Человек»

В соответствии с концепцией У-син, человек представляет собой гармоничную комбинацию пяти первоэлементов (Дерева, Огня, Земли, Металла и Воды), баланс которых в организме является основой физического и психического здоровья. Поскольку те же пять первоэлементов формируют и окружающую нас природу, мы можем метафорически связать с человеком практически любой природный объект.

Человек – объект неживой природы

1. *The wave paused, and then drew out again, sighing like a sleeper whose breath comes and goes unconsciously.*

2. *'The leaves are gathered round the window like pointed ears,' said Susan.*

Несомолкаемое движение волн метафорически соотносится с дыханием спящего человека. Форма (и, возможно, цвет, если дело происходит осенью) набившихся вокруг окна листьев напоминает человеческое ухо. Как мы видим, одна и та же структурная схема образования метафорического переноса срабатывает и с абстрактным, и с конкретным объектом неживой природы.

Человек – артефакт

1. *The train now stamps heavily breaths torturously, as it climbs up and up.*

2. *The throb of the motor engines sounded like a pulse irregularly drumming through an entire body.*

Как уже отмечалось, концепция У-син не предполагает анализа артефактов. Тем не менее мы попытались применить её положения и к метафорам, связывающим концептуальную сферу человека с концептуальной сферой артефакта. В первом примере поезд «тяжело топает» (*stamps heavily*) и «с натугой дышит» (*breathes torturously*), подобно уставшему человеку или животному. Во втором же примере связь между тактами мотора и человеческим пульсом еще более очевидна.

ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Проведенный нами анализ позволил сделать некоторые наблюдения относительно сходств и различий в британской и китайской лингвокультурах. В обеих сопоставляемых лингвокультурах цветок может символизировать изящество красивой женщины, а рост дерева – изменения в человеческой жизни. Тем не менее налицо и целый ряд особенностей.

Британская женщина часто сравнивается с розой, при этом речь идет о красоте. В традиционной же китайской культуре при сравнении женщины с цветком на первый план выходит деликатность и мягкость.

В то время как в британской лингвокультуре метафоры с компонентом «дерево» представляют соотнесение с деревом в целом, при этом весьма важна согласованность различных его элементов, китайские метафоры включают в себя прежде всего отдельные элементы дерева – ветви, листья, ствол, корни и т.д. Интерес представляет и тот факт, что в традиционной китайской лингвокультуре метафорическое значение оказывается закрепленным за некоторыми объектами. Так, *цветок персика* устойчиво ассоциируется с романтической любовью, *ива* – с кокетливой женщиной, *цветок сливы, орхидея, бамбук и хризантема* – с гордостью, скромностью, стойкостью и спокойствием, соответственно.

В случае с метафорами с компонентом «золото» прослеживается та же закономерность, что и в случаях, рассмотренных выше. В то время как для британской лингвокультуры характерно соотнесение с металлом (или с драгоценным камнем) в целом, для традиционной китайской лингвокультуры более свойственна детализация. Так, мы можем встретить «стальной мочевой пузырь и медное сердце», «золотую фольгу лица», «стеклянную печень» и т.д.

Для традиционной китайской лингвокультуры, как и для лингвокультуры британской, достаточно обычно метафорическое восприятие времени как потока – в обеих случаях говорится о неостановимой «реке времени». Тем не менее следует отметить как минимум одно очень важно различие в традициях восприятия данной метафоры. Когда представитель британской лингвокультуры представляет себе поток времени и себя в этом потоке, он видит себя стоящим лицом против течения, вода (= время) набегает на него, а он грудью встречает наступающие [букв. наплывающие на него] события, он борется с

нападающим на него временем. Представитель же традиционной китайской лингвокультуры видит себя стоящим лицом по течению времени, он не борется с потоком времени, а старается максимально гармонизировать себя в нем. Важнейшей особенностью традиционного китайского менталитета – стремление к гармонии, сбалансированности противоположных качеств, что иносказательно выражается в метафорическом соотнесении человека с наполненным водой сосуде: если мы попробуем налить воды больше, чем надо, она перельется через край и пропадет, если же мы нальем воды меньше, чем надо, сосуд будет неустойчив.

Метафор с компонентом «огонь» в традиционной китайской лингвокультуре существенно меньше, чем метафор с компонентом «вода», и это заметно контрастирует с обилием подобных метафор в лингвокультуре британской.

Что же касается метафор с компонентом «земля», то их в традиционной китайской лингвокультуре мы можем найти, пожалуй, не меньше, чем в лингвокультуре британской. То же будет справедливо и для их разнообразия, что связано, по нашему мнению, с важностью крестьянской культуры в истории китайского общества.

ГЛАВА 3. АНГЛИЙСКИЕ МЕТАФОРЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ»

Анализ метафор с компонентом «Любовь» производился на основе массива более чем из 200 стихотворений британских авторов.

В британской лингвокультуре любовь может быть похищением и спасением, опасностью и лекарством, бурей и родником, водой и воздухом, тем, что объединяет, и тем, что разъединяет, волшебством и повседневностью, распустившимся цветком и завязавшимся бутонem и еще многим другим.

На последующих страницах мы рассмотрим английские концептуальные метафоры с компонентом «любовь». Нам представляется оправданным распределить их по следующим группам: *любовь как соединение, любовь как время, любовь как опасность, любовь как защита, любовь как свет, любовь как природный катаклизм, любовь как избавление, любовь как растение, любовь как вода, любовь как сила, любовь как путешествие, любовь как воздух, любовь как крылья для птицы, как вода для реки.*

3.1. ЛЮБОВЬ – СОЕДИНЕНИЕ

Объединенные в данном разделе поэмы рассматривают в основном романтическую любовь между мужчиной и женщиной.

Романтическая любовь между мужчиной и женщиной может выступать как смешивание, связывание, единства и цельность. Следующие стихотворения представляют эти варианты соединения в метафорической форме.

3.1.1. Любовь – смешивание

Яркая метафора, представляющая любовь как некое смешивание, содержится в стихотворении «Блоха» (The Flea) Джона Донна. Обратимся к первой строфе стихотворения:

*Mark but this flea, and mark in this,
How little that which thou deny'st me is;
It sucked me first, and now sucks thee,
And in this flea our two bloods mingled be;
Thou know'st that this cannot be said
A sin, nor shame, nor loss of maidenhead;
Yet this enjoys before it woo,
And pampered swells with one blood made of two,
And this, alas, is more than we would do.*

Родители способны любить своих детей не за их какие-то особые заслуги или какое-то особое поведение, а просто за то, что те разделяют их объединённую кровь. Блоха, укусив лирического героя, а потом его героиню, парадоксальным образом связывает героев, смешивая в своём желудке их кровь. Поэт развивает метафору:

*This flea is you and I, and this
Our marriage bed, and marriage temple is;*

Концептуальная метафора «любовь – смешивание» может также быть найдена в поэме, написанной современником поэта Меган «Любовь – это ...» (*Love is ...*) ср.:

*So remember when your eyes meet mine,
I love you with all my heart,
And I have poured my entire soul into you,
Right from the very start.*

В цитируемом фрагменте любовь метафоризируется как слияние душ, когда один поток (душа) вливается в другой поток (душу).

3.1.2. Любовь – связывание/привязка

Иной аспект романтической любви представляет стихотворение Джона Донна «Женская преданность» (*Woman's Constancy*), ср.:

*We are not just those persons which we were ?
Or that oaths made in reverential fear
Of Love, and his wrath, any may forswear ?
Or, as true deaths true marriages untie,
So lovers' contracts, images of those,
Bind but till sleep, death's image, them unloose ?*

Можно назвать также и стихотворение «Ком и галька» Уильяма Блейка (*The Clod and the Pebble*), ср.:

*Love seeketh only Self to please,
To bind another to Its delight:
Joys in anothers loss of ease,
And builds a Hell in Heavens despite.
“The Clod and the Pebble”
by William Blake (1757-1827)*

В приведенных выше примерах любовь и замужество метафорически отождествляются с переплетением, которое может привязать другого к его восторг (*to bind another to its delight*). Сказанное находит подтверждение в традиционной китайской культуре, в которой красный узел – не только украшение, но и символ единения в браке мужчины и женщины.

То же мы наблюдаем и в стихотворении Уильяма Блейка «Земной Ответ» (*Earth's Answer*), ср.:

*Break this heavy chain
That does freeze my bones around.
Selfish! Vain!
Eternal bane!
That free love with bondage bound.*

В данном стихотворении метафорическая связь между любовью и узами выражена «от противного». Поэт отстаивает свободу от всех мирских желаний, включая любовь. Путь к свободе – разрыв всяческих уз, что имплицитно метафорическое отождествление любви с узами.

3.2. ЛЮБОВЬ – ВРЕМЯ

Концептуальная сфера времени, как и концептуальная сфера любви, не может быть описана без обращения к метафорам. В рассмотренных далее примерах любовь может соотноситься с вечностью (*love is eternal*), а может быть мгновенной, мимолётной (*love happens at one moment*).

3.2.1. Любовь – вечность

Связь концептуальной сферы любви и концептуальной сферы вечности наиболее ярко вскрывается в стихотворении «Восход солнца» (*The Sun Rising*) Джона Донна, ср.:

*Love, all alike, no season knows, nor clime,
Nor hours, days, months, which are the rags of time.
And what is love, but forever,
Eternal and sincere,
A flame that through wax and wane
Will outlive life's brief years?*

В приведенном отрывке любовь – священна и вечна, она неподвластна часам, дням, месяцам, «тряпье времени» (*rags of time*) не для неё.

3.2.2. Любовь – остановленное мгновение

В стихах Джессики Уитон «Когда я увидела твои глаза» (*When I Saw Your Eyes*) любовь предстает как остановленное мгновение, ср.:

*When you came to your door tonight,
And your beautiful eyes gazed at me
From the darkness within,
The world around me came to a stop.*

3.3. ЛЮБОВЬ – ОПАСНОСТЬ

Как уже отмечалось, метафорическое осмысление концептуальной сферы любви приводит нередко к парадоксальным утверждениям: любовь способна создавать ощущение безопасности, однако она же может стать опасностью сама по себе, подобно тому, как оружие смертоносно для врага, однако защищает его владельца.

Как мы знаем из многочисленных случаев из истории человеческой цивилизации, обладание дорогим сокровищем нередко было сопряжено со смертельной опасностью. И эта опасность могла грозить как отдельному человеку, так и группе людей, а то и стране в целом.

3.3.1 Любовь как зло

Любовь часто представляется красивым и добрым ангелом, однако в следующих двух стихотворениях Уильяма Блейка («Больные розы» и «Ком и галька»), цитировавшихся выше, любовь оказывается больной розой и эгоистичным демоном, который может разрушить свою жизнь и превратить рай в ад. Связь между любовью и злом следует из концептуальной метафоры «любовь как опасность».

*O Rose, thou art sick!
The invisible worm
That flies in the night,
In the howling storm,
Has found out thy bed
Of crimson joy:
And his dark secret love
Does thy life destroy.*

-Sick Rose

*“Love seeketh only Self to please,
To bind another to Its delight,*

*Joys in another's loss of ease,
And builds a Hell in Heaven's despite."*

-The Clod and the Pebble

3.3.2 Любовь как ловушка

Для лирического героя стихотворения «Сонет 057» (*Sonnet 057*) Уильям Шекспир, любовь – это западня, из которой он не хочет быть спасенным, ср.:

*Being Your Slave, What Should I Do But Tend
Being your slave, what should I do but tend
Upon the hours and times of your desire?
So true a fool is love that in your will,
Though you do any thing, he thinks no ill.*

Как уже отмечалось на предыдущих страницах, концептуальная сфера любви пересекается с концептуальной сферой сплетения, сейчас же речь идет уже и о концептуальной сфере западни, из которой невозможно выбраться.

Мотив пленения как неизбежно сопутствующий любви, представлен и в стихотворении «Расцвет» (*The Blossom*) Уильям Шекспир:

What follows more she murders with a kiss.

"Thus he that overruled I overswayed,

Leading him prisoner in a red-rose chain;

Strong-tempered steel his stronger strength obeyed,

Yet was he servile to my coy disdain.

а также в стихотворении «Моя любовь» (*My Love*) Сандры Огике

And every minute you stare

I am caught in a snare.

Helpless, I sigh.

Основанием для пересечения концептуальной сферы любви и концептуальной сферы западни может быть внезапность, непредсказуемость, а также трудность высвобождения.

3.3.3 Любовь как паутина/ткань

В стихотворении «Паутина» (*The Web*) Шерри Дескинс уподобляет любовь паутине, ср.:

*You're all
That I was dreaming of
For the web you spun
Was made of love*

Паутине, простирающейся во тьме и связывающей возлюбленных, близок и образ, содержащийся в стихотворении «Если бы ты только знала» (*If Only You Knew*) Рахика Тамира, ср.:

*In the darkness of the night, there is only you, and me
We are woven together in our very own cocoon.*

Для лирической героини стихотворения «Мой текст, твоя музыка» (*I Wrote The Lyrics, You Write The Music*) Орании Гамильтон любовь – это гобелен, который ткут годами, ср.:

*My eyes glance back yesterdays memories
A tapestry of love woven with years
From the haunting joy of all life's journeys
And the golden threads from a poets tears*

Паутина любви ограничивает движения попавшего в неё, но это пленение отнюдь не тягостно.

3.3.4 Любовь как кинжал

Для лирического героя стихотворения «Любовь всей моей жизни» (*The Love of My life*) Кристофера Дж. Хилла любовь способно разить так же глубоко, как и кинжал, ср:

A passion that penetrates

As deep as a knife.

Сходный образ мы обнаруживаем и в стихотворении Орании Гамильтон «Рядом с тобой» (Near You), ср.:

You, with all your savoring sweetness,

tenderly pierced the walls of my soul

as you wove a new tapestry with

the golden threads of your hope and love.

Любовь, как и острый кинжал, способна проникать в самую глубину нашего сердца. Любовные раны могут быть так же мучительны, как и раны, наносимые холодным оружием. Наконец, и то, и другое способно оставлять после себя неизгладимые следы.

3.3.5 Любовь как яд

Для лирического героя стихотворения Росса Томсона «моя любовь к тебе» (*My Love for You*) любовь – парализующий волю аромат, лишаящий жертву способности сопротивляться, ср.:

The morning dew gleaming radiantly

Your intoxicating smell captivating me

Calling to me drawing me near

Pulling me into you losing myself.

Как мы видим, в данном примере происходит пересечение концептуальной сферы любви не только с концептуальной сферой яда, но и с концептуальной сферой пленения.

3.4. ЛЮБОВЬ КАК ЗАЩИТА

3.4.1. Любовь – крыша дома

Для лирического героя стихотворения Дэвида Г. Келли «Искра света» (*A Spark of Light*) любовь его возлюбленной – самый надежный в мире кров (*the ultimate roof*), ср.:

*And yes you always speak to me,
In sweet honesty and truth
Your caring heart keeps out the rain,
YOUR LOVE, the ultimate roof*

Крыша родного дома не только надежно спасает от непогоды, она становится символом защиты от окружающего мира и внешних тревог.

3.4.2. Любовь – щит

Лирический герой стихотворения Кэрол Стэшер и Джима Формана «Наш сонет» (Our Sonnet) видит в любви то, что может защитить, то есть закрыть щитом его от сердечной тоски и горя, ср.:

*Sweet Lady, song of my heart,
Hold my hand, as this journey we start.
Lift me up in spirit of joy and gladness;
And shield my soul from heartbreak and sadness.
Steadfast, honest and true;
Your partner is here and will forever love you.*

3.4.3. Любовь – укрытие

Развивая приведенную в предыдущем параграфе метафору, Кэрол Стэшер и Джим Форман соотносят любовь с укрытием, способным не просто защитить, но создать небывалый комфорт, ср.:

*It is my prayer that I will always be;
The one who brings you joy and sets your spirit free.
With my love I'll cover you and warm your soul with mine;
Give you pleasures – like none you will find.
That there is no better future than with you to grow old.*

3.4.4. Любовь – целитель

В стихотворении Марка Ливренса «Биться каждую секунду» (Every Second Beat) и стихотворении Росса Томсона «Моя любовь к тебе» (My Love for You) мы встречаем образ любви-целителя, ср:

*I love you for your gentle hands,
That melt away my pain.
I love you for your loving heart,
That made mine beat again.*

(Mark Liverance. Every Second Beat)

*I caress your face, my hands through your hair
Your tears slowly away, never to return
My arms around your delicate body
Relieving all fears, all worries*

(Ross Thomson. My Love for You)

Любовь умиряет боль и заставляет сердце снова биться, любовь избавляет от страхов.

3.4.5. Любовь – освобождение

В стихотворении «Моя вечная любовь» (My Everlasting Love) Дженни Филлипс мы находим образ любви, освобождающей лирического героя от окружающей действительности, ср.:

*When you have someone...
the one that you've dreamed of..
then your life becomes the escape you both take
to get away from the reality that surrounds.*

3.5. ЛЮБОВЬ КАК СВЕТ

Любовь – это и яркий солнечный свет, и сверкание звезд в ночном небе. Эти и подобные метафоры основаны на перекрывании

концептуальной сферы любви и концептуальной сферы света. Человек боится темноты, развитие цивилизации непосредственно связано, в частности, со способностью от темноты избавляться. Любовь как одно из важнейших свойств человека ассоциируется поэтому со светом, соответствующие поэтические образы в стихотворении «Брачное Утро» (Marriage Morning) Альфред Теннисон и в стихотворении «Она Не Придет» (She Comes not) Герберт Траншеи:

For this is the golden morning of love,

And you are his morning start.

Flash, I am coming, I come,

By meadow and stile and wood,

Oh, lighten into my eyes and heart,

Into my heart and my blood!

«Marriage Morning»

(by Alfred Tennyson)

But when Night is on the hills, and the great Voices

Roll in from Sea,

By starlight and candle-light and dreamlight

She comes to me.

«She Comes Not»

(Herbert Trench)

3.5.1. Любовь – маяк

Для лирического героя стихотворения М. Дюбуа «Что такое любовь» (Love Defined) любовь, в частности, – это маяк для сбившегося с пути сердца.

What is love, but a beacon,

To guide the wayward heart,

A blazing light upon the shoals

That dash cherished dreams apart?

3.5.2 Любовь – звезда

Любовь может быть самой яркой звездой на ночном небосклоне, ср.:

*I don't think you could ever know
just how truly special you are
that even on the darkest nights
you are my brightest star.*

(Erica. Will you ever?)

Путеводной звездой становится любовь и для лирического героя стихотворения в прозе «Моя единственная любовь» (*My One And Only Love*) Джона Рейни, ср:

*But fortunately you are there,
my guiding star in the night sky.
Shining bright, clear and strong,
showing me the way with a love
that stretches from heaven to the ends of creation.*

3.5.3. Любовь – пламя

Метафорическое осмысление любви как пламени мы находим в стихотворениях «Моему дорогому и любящему мужу» (*To My Dear and Loving Husband*) Энн Брэдстрит, «Стол накрыт для двоих» (*A Table Set for Two*) Л. Карлинга, «Холода больше нет» (*Cold No More*) К. Харди, «Моя любовь как лед» (*My Love Is Like to Ice*) Эдмунд Спенсер, ср.:

*My love is such that Rivers cannot quench,
Nor ought but love from thee, give recompence.
Thy love is such I can no way repay,
The heavens reward thee manifold I pray.*

(*To My Dear and Loving*

Husband

by Anne Bradstreet)

*We touch and as the fire starts,
That we have kindled in our hearts,*

(L. Carling. A Table Set for Two)

*But then my heart begun to burn
For love and passion to return
Gone are the darkness and the cold
My heart so open and so bold
To burn so hot, so bright, so true
To burn with love, my love for you*

(Craig Hardy. Cold No More)

*But that I burn much more in boiling sweat,
And feel my flames augmented manifold?
What more miraculous thing may be told,
That fire, which is congealed with senseless cold,
Should kindle fire by wonderful device?
Such is the power of love in gentle mind,
That it can alter all the course of kind.*

*(My Love Is Like to Ice
by Edmund Spenser)*

Пламя – горячее, яркое и яростное. Все эти три качества могут быть свойственны любви, так что пересечение рассматриваемых концептуальных сфер вполне естественно. Как и пламя, сильная любовь может погубить. Когда сердце горит любовью, оно способно испытывать величайшее счастье, однако тогда же оно крайне ранимо.

3.5.4. Любовь – солнечный свет

Для лирического героя стихотворения «Одинокая роза» (*A Rose That Once Stood Alone*) Ахмеда Захры его любовь становится самым солнечным светом, ср:

*You are my sunshine, my life, my very soul
And I your rose blooming in the light of your love.*

3.6. ЛЮБОВЬ КАК ПРИРОДНЫЙ КАТАКЛИЗМ

Это может показаться парадоксальным, но любовь очень часто соотносится с такими природными катаклизмами, как буря, гроза, наводнение и тому подобное. Основой такого метафорического отождествления является способность мощнейшим образом воздействовать на человека, способность привести мир или же человеческое сердце на грань гибели.

3.6.1. Любовь – гроза

Для лирического героя стихотворения М. Пирса «Гроза без конца» (*Constant Thunder*) гроза с громом и молниями выступает как единственно адекватное описание силы его чувств. ср.

*And even when the trails of today
Seem to distract me,
My love is always devoted to you,
It is eternal within my heart,
Like a constant thunder in my soul.*

3.6.2. Любовь – водоворот

Для Сандры Огике любовь – это водоворот, вихрь сильнейших эмоций и страстей, переполняющих лирического героя её стихотворения «Моя любовь» (*My Love*), ср.:

*I love you, no doubt
But those words are partial*

*For they do not in the least
Spell out the very least,
Bits nor pieces
Of this whirlpool,
This maelstrom,
This mount of emotions,
The deepest of affections
That I feel for you.*

3.6.3. ЛЮБОВЬ – ВУЛКАН

Лирический герой стихотворения Хамзы Гани «Вечная красота» (*Beauty Beyond Memory*) воспринимает свои эмоции – как потоки лавы, которыми его затопил вулкан любви, ср.:

*But my heart will always flow with a molten, love lava
In your name this lava flows through my veins
My heart beats for you
My heart will never cease to beat your name*

3.7. ЛЮБОВЬ КАК ИЗБАВЛЕНИЕ

Если на предыдущих страницах любовь метафорически соотносилась с природным катаклизмом, то она же может быть и спасением от такого катаклизма, ср. образы, представленные в стихотворении «Я Люблю Тебя» (*I Love Thee*) Элизы Актон, Дэвида Г. Келли «Искра света» (*A Spark of Light*) и Сандры Огике «Моя любовь» (*My Love*):

*I love thee as I love the swell,
And hush, of some low strain,
Which bringeth, by its gentle spell,
The past to life again.*

*(I Love Thee
by Eliza Acton)*

*And if the world starts causing waves,
It's your devotion that makes them still*

(David G. Kelly. A Spark of Light)

My love

When it rains, it pours

But you, you quell the storms.

(Sandra Oguike. My Love)

3.8. ЛЮБОВЬ КАК РАСТЕНИЕ

Когда мы приравниваем любовь к яркой звезде на небе, мы имеем в виду её яркость, а также то, что она может вести нас в определенном направлении. Однако любовь меняется, меняется каждую секунду. Она способна расти от едва заметной симпатии до любви-страсти. И в этом она сходна с растением.

3.8.1 Любовь – росток

Для лирического героя стихотворения Криса Энгл «Когда я с тобой» (*When I'm with you*) его любовь – это то, что растет постоянно, день ото дня, и этому не может помешать даже осень, ср:

When I'm with you,

eternity is a step away,

my love continues to grow,

with each passing day.

Thoughts of love like falling leaves,

Swirling in the autumn breeze,

3.8.2. Любовь – роза

Метафорическое соотнесение любви с розой достаточно обычно для поэзии, ср. лирические образы, представленные в стихотворениях

«Красная, Красная Роза» (*A Red Red Rose*) Роберт Бернс, «Роза в бездну его сердца» (*The Rose in the Deeps of His Heart*) Уильям Батлер Йетс, ср.:

O my love's like a red, red rose.

That's newly sprung in June;

O my love's like a melodie

That's sweetly play'd in tune.

(A Red, Red Rose

-Robert Burns)

Are wronging your image that blossoms

a rose in the deeps of my heart.

For my dreams of your image that blossoms

a rose in the deeps of my heart.

(The Rose in the Deeps of His Heart

-William Butler Yeats)

3.8.3. Любовь – посеянное зерно

Для лирического героя стихотворения П. Ботти-Андерсон «Когда я впервые тебя увидел» (*The first time I laid eyes on you*) любовь – это посеянное в душе зерно, ср.:

The first time I laid eyes on you

A seed was sown within me.

Since then it has grown,

Its creeping tendrils ensnaring my heart,

Filling my head with thoughts of you.

Now a fiery blossom is blooming,

Radiating passion, stirring up longing.

Данный образ получает дальнейшее развитие в стихотворении «К единственной любимой» (*To The One I Love*) Роберта Асома, ср.:

To vows we take we shall keep

With our affection ever deep.

*For eternity our love shall sprout
Though the world be in drought
A union most blissful, this I know
For we ever shall sparkle and glow.*

Лирический герой уверен, что росток любви «взойдет» (*shall sprout*), даже если в целом мире будет зорить засуха (*drought*).

3.9. ЛЮБОВЬ КАК ВОДА

Собственно говоря, вода – наиболее распространенный образ, используемый для метафорического осмысления человеческих эмоций. На последующих страницах мы попробуем рассмотреть, какие конкретные формы может этот образ принимать.

3.9.1. Любовь – океан

Говоря о необъятности своей любви, лирический герой стихотворения Альфред Остин «Любовь Троицкая» (*Love's Trinity*), сравнивает её с безбрежным океаном, ср.:

*Love doth give the whole;
Its range being high as heaven, as ocean deep,
Wide as the realms of air or planet's curving sweep
Love's Trinity
by Alfred Austin*

3.9.2. Любовь – река

Если качество необъятности способна сблизать концептуальную сферу любви с концептуальной сферой океана, но качество неостановимости – с концептуальной сферой реки, потока, ср. следующие образы из стихотворения Эндрю Янг «Красота и любовь» (*Beauty and Love*)

и стихотворения Ф. Матткэ «Когда я впервые посмотрел в твои глаза» (*When I First Looked Into Your Eyes*):

Love stays forever like a stream
That flows but never flows away;
And beauty is the bright sun-bow
That blossoms on the spray that showers
Where the loud water falls below,
Making a wind among the flowers.
(Beauty and Love Andrew Young)

My heart would no longer have a meaning
To its existence,
For the love that flows through it now,
Is what keeps me alive,
Keeps me whole.
Love, like a river, will cut a new path
whenever it meets an obstacle.
(Faith Mattke. When I First Looked Into Your Eyes)

3.9.3. Любовь – водопад

Для лирического героя стихотворения Ахмеда Захры «Одинокая роза» (*A Rose That Once Stood Alone*) любовь – водопад бескорыстного чувства, ср.:

Shining with a special light...
And watered by a gentle cascade...
A cascade of love
A cascade of selfless affection
(Zahra Ahmed. A Rose That Once Stood Alone)

3.9.4. Любовь – морской прилив

Основой метафорического сближения любви и морского прилива может стать их общее качество изменчивости: и то, и другое достигает

высшей точки, а потом опускается, ср. лирический образ в стихотворении Ф. Матткэ «Когда я впервые посмотрел в твои глаза» (*When I First Looked Into Your Eyes*):

*The tide of love began to rise,
the world was filled with summer skies.
A brilliant rainbow arched across,
as waves of love began to toss.*

3.9.5. ЛЮБОВЬ – ДОЖДЬ

Метафорическое сближение любви и дождя мы находим в стихотворении «К единственной любимой» (*To The One I Love*) Роберта Асома:

*Beautiful lady, lily of the field
You, my umbrella and my shield
Your adoration showers like the rains
And drowns all odds and pains.
You would sweep through it, like fresh rain.
Swirling across my landscape.
Drenching on my soul.
Blossoming hope, in my wounded places.*

3.10. ЛЮБОВЬ КАК СИЛА

Метафорическое сближение концептуальной сферы любви и концептуальной сферы силы достаточно обычно. При этом, однако, на передний план могут выходить различные аспекты этого сближения. Так, сила может выступать как поддерживающая здание колонна, как сила духа, как магнетизм, наконец, как магия.

3.10.1. Любовь – колонна

Для лирического героя стихотворения Эми С. Бэдфорд «Из-за тебя» (*Because Of You*) любовь – «камень силы», колонна, поддерживающая самостояние личности, ср.:

*You are my pillar
my stone of strength,
With me through all seasons
and great times of length.
My love for you is pure
boundless through space and time,
it grows stronger everyday
with the knowledge that you'll always be mine.*

3.10.2. Любовь – сила духа

Для лирической героини стихотворения «Рядом с тобой» (*Near You*) Орании Гамильтон любовь равнозначна силе духа, смелости, ср:

*Yesterday you offered me courage,
today you endowed me with your strength.
Every moment together, a gift.
Every day a celebration of life.*

3.10.3. Любовь – магнетизм

В стихотворении Калеба К. Лу «Магнетизм любви» (*Magnetic Love*) любовь уподобляется таинственному магнетизму, где мужское и женское начала – как северный и южный полюса магнита, ср.:

*Our love is magnetic...
We are like magnets, in motion we stay
Eternal attraction, forever at play
Like north and south poles, never apart
No stronger bond, than our magnetized hearts*

We are like magnets and love is our force

3.10.4. Любовь – магия

В стихотворении Хелен Штайнер Райс «Магия любви» (*The Magic of Love*) рассматривается удивительная возможность любви изменять всё в нашей жизни, и ничто не в состоянии этому сопротивляться. Эта удивительная способность объединяет любовь с магией.

*Love works in ways
That are wondrous and strange
And there's nothing in life
That love cannot change!!
Love can transform
The most commonplace
Into beauty and splendor
And sweetness and grace.*

3.11. ЛЮБОВЬ КАК ПУТЕШЕСТВИЕ

Метафорическое осмысление жизни как путешествия достаточно обычно, и любовь может оказаться гидом в этом путешествии, ср. стихотворение Денизы Мангано «Хранитель моей мечты» (*Keeper Of My Dreams*):

*Stand beside through thick and thin
Through all that life will throw our way
Knowing that this special love we share
Will guide us, each and every day*

Развитие лирического сюжета в данном стихотворении приводит, однако, к тому, что любовь метафорически сближается уже с самим путешествием, ср:

*This journey was started long ago
Before this time and place*

The journey of completeness

As two hearts and souls embrace

Сходный образ мы обнаруживаем и в стихотворении Келли Сен «Неподвижно» (*Motionless*), а также в стихотворении Дженни Филлипс «Моя вечная любовь» (*My Everlasting Love*), ср.:

*Our lives entwined to be as one,
Upon this journey we've just begun.
Where you and I will find no less,
Than eternal love and happiness.*

(Kelley Saint. *Motionless*)

*Every new road we had to take
because of the choices we had to make,
only paved the road
that brought us closer to one another.*

(Jenny C. Phillips. *My Everlasting Love*)

3.12. ЛЮБОВЬ КАК ВОЗДУХ, КАК КРЫЛЬЯ ДЛЯ ПТИЦЫ, КАК ВОДА ДЛЯ РЕКИ...

В многочисленных приведенных выше примерах любовь метафорически осмыслялась как нечто жизненно необходимое, как то, что чего невозможно само физическое существование. Поэтому вполне логично и метафорическое сближение любви с воздухом, без которого наше физическое существование действительно невозможно, ср. образ, разворачиваемый в стихотворении Сандры Огике «Моя любовь» (*My love*):

*All I Need
Your love surrounds me like the air that I breathe.
Your kiss touches me as gentle as a breeze.
Written and owned by Natalie E Dolan –
My love,*

Every moment I inhale,

I breathe you.

You are like the air

That fills up my lung

Для лирического героя стихотворения Сандры Огике «Моя любовь» (*My Love*) любовь – это то, без чего невозможно само существование, это «крылья для птицы», «волшебный жезл для мага», «вода для реки». Развитие лирического образа находит кульминацию в словах «моё дыхание, мой мир, моё сердце, моя любовь».

Oh my love,

Give me more and more of you

For I can hardly get enough of you.

You are to me,

The wings to the birds,

The wand to the wizard,

The oasis to the desert,

The waters to the river...

My breath, my world

My heart, my love.

Любовь — неисчерпаемая тема в различных культурах, в традиционной китайской культуре любовь обычно выражается косвенно, в особенности в классической романтической поэзии; метафора — необходимое условие выражения любви в китайской литературе. Существуют различные метафоры в китайской романтической поэзии, некоторые из которых соответствуют англоязычным, некоторые характерны исключительно для китайского языка.

21a. ^{tóu wǒ yǐ mù táo} 投我以木桃(**peach**), ^{bào zhī yǐ qióng yáo} 报之以琼瑶(**Yao-gem**)^{fēi gēn yě} 匪根也, ^{yǒng yǐ wéi hǎo} 永以为好

^{yě} 也。 ^{shī jīng} 《诗经》 ^{yè} (49页)

Tou wo yi mu tao, bao zhi yi qiong yao fei gen ye, yong yi wei hao ye.
《Shi Jing》 (49 ye)

21b. There was presented to me a peach , and I returned for it a beautiful Yao-gem ; Not as a return for it , but that our friendship might be lasting . (The Chinese Classics: The She King Lessons from the States) (p. 49)

21с. Был подарен мне персик, и я вернул красивую Яо-жемчужину; Не так, как ответ на него, но, что наша дружба может быть прочной. (ШИЦЗИН-Книга песен и гимнов, перевод с китайского А. Штукина, 1987, стр. 49)

«Любовь как дар» – это характерная метафора, демонстрирующая сдержанность в выражении любви в китайской культуре. Метафора, изображающая любовь как дар, редко встречается в английском языке, будучи крайне деликатным и сдержанным средством выражения чувств.

«Любовь как растение» «любовь как живое существо» – такие метафоры используются как в китайском, так и в английском языке. В современной китайской романтической поэзии, под влиянием западной культуры, чувства приобрели силу – «любовь имеет силу».

22. ^{wǒ xīn rú sōng bǎi} 我心如松柏 (**pine tree**), ^{jūn xīn fù hé sì} 君心复何似? (^{nán cháo lè fǔ mǐn gē} 南朝乐府民歌 ^{zǐ yè sì shí gē} 《子夜四时歌》)

Wo xin ru song bai, jun qin fu he yi? (Nan chao Yue fu min ge 《Zi Ye Si Shi Ge》)

My heart is as determined as the **pine tree**, what is your heart like? (Folksong from the Nan dynasty) (poetry of Yuefu, p. 66)

Мое сердце непоколебимо как сосны, а ваше сердце, как? (Народная песня из династии Нан) (поэзия юэфу, стр. 66)

23. ^{xī lì} 吸力 (**magnetic power**) ^{zhōng zuì qiáng de qǐ fēi ài qíng} 中最强的岂非爱情? (^{r è qíng} 《热情》 ^{zhū xiāng} 朱湘) (朱 ^{xiāng ài qíng shī xuǎn} 湘爱情诗选, ^{y è} 47页)

Xi li zhong zui qiang de qi fei ai qing? (《Re Qing》Zhu Xiang (Zhu Xiang Ai Qing Shi Xuan, 47 ye)

Love has the strongest magnetic power, doesn't it? (Enthusiasm-Zhu Xiang) (A Collection of Zhu Xing's Romantic Poetries, p. 47)

Любовь имеет самую мощную волшебную силу, не так ли? (Энтузиазм-Чжу Сян) (Сборник романтических стихотворений Чжу Сян, стр. 47)

24. ^{qínggǎn de lì dù} 情感的力度 (**power**), ^{ài shàng yí gè rén jiù huì dǒng dé qíng gǎn de lì dù} 爱上一个人就会懂得情感的力度。(《恋人絮语》^{xiàoxiá} 赵霞) (中国当代女诗人爱情诗选, 104页)

Qing gan de li du, ai shang yi ge ren jiu hui dong de qing gan de lidu. (《Lian Ren Xu yu》Zhao Xia)(Zhong Guo dang dai nv shi ren ai qing shi xuan, 104 ye)

The **power** of love can only be felt when you fell in love. (Talks between Lovers, Zhao Xia) (A Collection of Modern Romantic Poetries of Female poets, p. 104)

Силу любви можно почувствовать только тогда, когда вы влюбились. (Переговоры между любовниками, Чжао Ся) (Сборник романтических стихотворений современных женских поэтов, стр. 104)

В традиционной китайской культуре значение любви во многом связано с философией инь-ян. То, что обращено наружу, открытое, твердое и яркое – Ян, то, что обращено внутрь, смутное, бледное, безмятежное – Инь. Например, женщины явно относятся к инь, а мужчины — типичные представители ян. В древнем Китае любовь относили к инь, и метафоры обычно были связаны с предметами инь, такими как вода.

25. ^{jūnwènguīqīwèiyǒuqī} 君问归期未有期, ^{bāshānyèyǔ} 巴山夜雨 (**overnight rain**) ^{zhāngqiūchí} 涨秋池。(《夜雨寄北》^{lǐshāngyīn} 李商隐) (李商隐选集, 83页)

Jun wen gui qi wei you qi, ba shan ye yu zhang qiu chi. (《Ye Yu Ji Bei》 Li Shangyin) (Li Shangyin Xuan Ji, 83 ye)

The return date is still unknown, the water of the lake reaches the rim after the overnight rain. (Night Rain to The North, Shangyin Li) (Poetry of Li Shangyin, p. 83)

Дата возвращения до сих пор неизвестна, вода из озера достигает ободов после ночного дождя. (Ночь Дождь на север, Шан Инь Ли) (Поэзия Ли Шан Инь, стр. 83)

Тем не менее, под влиянием глобализации западная культура оказала значительное влияние на китайскую культуру, значение любви в Китае также существенно изменилось. В современной китайской романтической поэзии число метафор, изображающих любовь и связанных с понятием огонь, не меньше чем связанных с понятием вода.

26. ^{bǎ xīnzhōng rán shāo de ài qíng} 把心中燃烧的爱情 (burning love), ^{qīng tǔ gěi qīn ài de gūniáng} 倾吐给亲爱的姑娘。 (《^{zhōngguā}种瓜姑娘》^{gūniáng} 闻捷) (《^{wénjié}闻捷诗选》, 59^{yè}页)

Ba xin zhong ran shao de ai qing, qing tu gei qing ai de gu niang. (《Zhong Gua Gu Niang》 Wen Jie) (Wen Jie Shi Xuan, 59 ye)

To send the burning love in my heart to the beloved girl. (Melon Girl, Wen Jie) (Poetry of Wen Jie, p. 59)

Чтобы отправить горящую любовь моего сердца любимой девушке. (Дыня Девушка, Вэнь Цзе) (Поэзия Вэнь Цзе, стр. 59)

27. ^{nà tǐnèi de dà hǎi} 那体内的大海 (the ocean in my body), ^{yě dòng le} 也动了, ^{zhàn lán le} 湛蓝了, ^{xiōng yǒng le} 汹涌了。 (《^{gěi nǐ}给你》^{yè lì jùn}叶丽隽) (《^{zhōngguó dāng dài nǚ shī rén ài qíng shī xuǎn}中国当代女诗人爱情诗选》, 94^{yè}页)

Na ti nei de da hai, ye dong le, zhan lan le , xiong yong le. (《Gei Ni》 Ye Lijuan)(Zhong Guo Dang Dai Nv Shi Ren Ai Qing Shi Xuan, 94 ye)

The ocean in my body moves, turns crystal blue, waves. (For You, Li juanye) (A Collection of Modern Romantic Poetries of Female poets, p. 94)

Океан в моем теле движется, оказывается кристально голубым, волнует. (Для Тебя, Ли Хуан Е.) (Коллекция поэзии современных романтических Женских поэтов, стр. 94)

Помимо увеличения числа связанных с понятием огонь метафор, изображающих любовь, в китайской поэзии, другие изменения значения любви отражаются в снижении количества метафор, связанных с понятием инь-ян. Как уже говорилось, в древнем Китае все вещи описывались в рамках инь-ян, любовь мужчины и женщины считается равновесием инь (женщина) и ян (мужчина). Соответственно, в большом количестве метафор, изображающих любовь, можно встретить пары растений и животных.

28. ^{wútóng} 梧桐 (Chinese parasols) ^{xiāngdàilǎo} 相待老, ^{yuānyāng} 鸳鸯 (mandarin ducks) ^{huìshuāng} 会双
^{sǐ} 死。 (^{liè nǚ cāo} 《烈女操》 ^{mèngjiāo} 孟郊) (^{mèngjiāoshīyánjiū} 《孟郊诗研究》, ^{yè} 29页)

Wu tong xiang dai lao, yuan yang hui shuang si. (《Lie Nv Cao》 Meng Jiao)(Meng Jiao Shi Yan Jiu, 29 ye)

The Chinese parasols turn old in pairs, the mandarin ducks dies together. (Virtuous Woman, Meng Jiao) (A Study of Meng Jiao's Poetry, p. 29)

Китайские платаны состарятся в парах, утки мандаринки умирает вместе. (Поряdochная женщина, Мэн Цзяо) (Исследование поэзии Фэн Цзяо, стр. 29)

Китайский балдахин и утки-мандаринки имеют различия между полами, соответственно присутствуют инь и ян, поэтому метафора отражает сочетание инь и ян. Тем не менее, значение любви в рамках концепции инь-ян также постепенно утрачивает значение, в современной китайской романтической поэзии любовь сравнивается с двумя параллельными рельсами, палочками для еды, концепция пары

сохраняется в метафоре, изображающей любовь, но равновесие инь-ян более не подчеркивается. Кроме того, в более ранней китайской поэзии мужчина обычно сравнивался с сильным стволом, а женщина — с лозой, зависящей от ствола и вьющейся вокруг него, женщина зависит от мужчины, статус обоих не равен. В современной китайской поэзии «любовь как зависимость» крайне редка.

В классической китайской литературе любовь не носит характер крайности или жестокости, как стихийное бедствие, ловушка, опасность в приведенных выше стихах на английском, любовь умерена, гармонична, деликатна и развивается со временем. Любовь появляется как чистый лотос, постепенно раскрывающий свою красоту, любовь изображают чирикающие птицы своими счастливыми песнями. Такие легкие деликатные образы обычно используются для выражения любви в классической китайской поэзии.

29. jiānjiǎcāngcāng báilùwéishuāng suǒwèiyīrén zàishuǐyīfāng sùhuícóngzhī dào zǔqiě
蒹葭苍苍，白露为霜。所谓伊人，在水一方，溯洄从之，道阻且

zhǎng 长。（《诗经国风》，90页）

Jian xia cang cang, bai lu wei shuang; suo wei yi ren, zai shui yi fang,
su hui cong zhi, dao zu qie chang. (《Shi Jing Guo Feng》, 90 ye)

*The reeds and rushes are deeply green ,
And the white dew is turned into hoarfrost .*

*The man of whom I think ,
Is somewhere about the water .*

*I go up the stream in quest of him ,
But the way is difficult and long .*

(The Chinese Classics: The She King Lessons from the States, p. 90)

Тростник и камыш глубоко зеленый,
И белая роса превращается в иней.

Человек, о котором я думаю,

Находится где-то около воды.

Я иду вверх по течению в поисках его,

Но путь труден и долог.

ШИЦЗИН-Книга песен и гимнов, перевод с китайского А. Штукина, 1987, стр. 90)

30. t ā jiāzhebáirè de shǎndiàn xùnměng de fēngléi jīdàngzhèsuǒyǒushàngǎn de xiōnghuái
它挟着白热的闪电，迅猛的风雷，激荡这所有善感的胸怀。

shào yànxiáng wú tí shào yànxiángshī xuǎn y è
(邵燕祥 《无题》) (邵燕祥诗选 1998-2010, 72页)

Ta xie zhe bai re de shan dian, xun meng de feng lei, ji dang zhe suo you shan gan de xiong huai. (Shao Yanxiang 《Wu Ti》 (Shao Yanxiang Shi Xuan 1998-2010, 72 ye)

Along with dazzling lightning, and deafening thunder,

The love and strong emotion waves in her chest.

(Untitled by Shao Yanxiang)

(A Collection of Shao Yanxiang's Poetry, p72)

Наряду с ослепительной молнией, и оглушительным громом,

Любовь и сильная эмоция волнуют грудь.

(Без названия Шао Ян Сян)

(Сборник поэзии Шао Ян Сян, стр. 72)

31. zǎo yǐ xiāoshì de jīngléi gǔnlùozàiliǔ xū zhōng fēi huí tóngwèi y è q ū shì
早已消逝的惊雷，滚落在柳絮中飞回。(童蔚 《夜曲》) (嗜

mèngzhě de zhìcái tóngwèishī xuǎn y è
梦者的制裁—童蔚诗选，38页)

Zao yi xiao shi de jing lei, gun luo zai liu xu zhong fei hui. (Tong Wei 《Ye Qu》)(Shi Meng Zhe de Zhi Cai-Tong Wei Shi Xuan, 38 ye)

The thunder is long gone, only lonely drizzling flys among the willows. (Night melody by Tong Wei) (The Sanction of A Dreamer-Poetry of Tongwei, p. 38).

Грома давно нет, только одинокий морозящий дождь летит среди ив.
(Ночная мелодия - Тонг Вэй) (Одобрение Мечтатели-Поэзия Тонг Вэй, стр.
38)

ВЫВОДЫ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Проведенный анализ английских метафор с компонентом «любовь» позволил сгруппировать их следующим образом: (1) любовь как единение, (2) любовь как вечность и как мгновение этой вечности, (3) любовь как опасность, (4) любовь как защита, (5) любовь как свет, (6) любовь как цельность, (7) любовь как природный катаклизм, (8) любовь как избавление, (9) любовь как растение, (10) любовь как вода, (11) любовь как сила, (12) любовь как путешествие, (13) любовь как воздух, (14) любовь как то, без чего невозможно само существование. Выделенные таким образом подгруппы частично пересекаются, а большинство из них имеет внутреннюю структуру, так что данная классификация является рабочей и не претендует на окончательность.

Любовь – вечная тема в самых различных культурах, включая и британскую, и традиционную китайскую. Говоря о различиях в метафоризации любви в традиционной китайской и британской лингвокультурах, следует отметить характерность для традиционной китайской лингвокультуры метафоры «любовь – подарок» и характерность для британской лингвокультуры метафоры «любовь – сила».

Традиционные китайские ценности несут следы влияния философии Инь-Ян. Предметы и явления экстравертного характера, прочные, быстрые включаются в группу Ян, тогда как предметы и явления интровертные, неяркие, спокойные – в группу Инь. В древнем и средневековом Китае любовь включалась однозначно в группу Инь, поэтому и метафоры с компонентом «любовь» включали, как правило также объекты из той же группы Инь, например, воду, при этом идеальная любовь мужчины и женщины рассматривалась как гармония Инь и Ян – гармония мужского и женского начала.

Сейчас же под влиянием глобализации эта тенденция всё чаще нарушается, и метафоры с компонентом «любовь» могут включать в себя такие компоненты, которые ранее были просто немыслимы. Теперь уже и в китайской лингвокультуре могут появляться невозможные в ней ранее, однако достаточно традиционные для британской лингвокультуры метафорические сближения любви и опасности или любви и природного катаклизма. И если раньше в китайской лингвокультуре любовь метафоризовалась, например, в виде изящных падающих снежинок, то теперь им на смену вполне может прийти бушующих ураган с ударами молний и раскатами грома.

Необходимыми предпосылками для данного сближения китайской лингвокультуры с лингвокультурами иными и с британской в частности способствовали реформы китайского государства последней четверти минувшего столетия, а также развитие компьютерных технологий и интернета в последние годы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает продуктивность обращения к когнитивной концепции метафоры Дж.Лакоффа и М. Томсона при изучении особенностей национального менталитета и при кросс-культурных исследованиях. Предпринятый анализ концептуальных метафор с компонентами «природа» и «любовь» позволил выявить ряд существенных свойств и различий в особенностях британского и традиционного китайского национального менталитета.

В обеих сопоставляемых лингвокультурах цветок может символизировать изящество красивой женщины, а рост дерева – изменения в человеческой жизни. Тем не менее налицо и целый ряд особенностей.

Британская женщина часто сравнивается с розой, при этом речь идет именно о красоте. В традиционной же китайской культуре при сравнении женщины с цветком на первый план выходит деликатность и мягкость.

В то время как в британской лингвокультуре метафоры с компонентом «дерево» представляют соотнесение с деревом в целом, при этом весьма важна согласованность различных его элементов, китайские метафоры включают в себя прежде всего отдельные элементы дерева – ветви, листья, ствол, корни и т.д. Интерес представляет и тот факт, что в традиционной китайской лингвокультуре метафорическое значение оказывается закрепленным за некоторыми объектами. Так, *цветок персика* устойчиво ассоциируется с романтической любовью, *ива* – с кокетливой женщиной, *цветок сливы, орхидея, бамбук и хризантема* – с гордостью, скромностью, стойкостью и спокойствием, соответственно.

В случае с метафорами с компонентом «золото» прослеживается та же закономерность, что и в случаях, рассмотренных выше. В то время как для британской лингвокультуры характерно соотнесение с металлом (или с драгоценным камнем) в целом, для традиционной китайской

лингвокультуры более свойственна детализация. Так, мы можем встретить «стальной мочевой пузырь и медное сердце», «золотую фольгу лица», «стеклянную печень» и т.д.

Для традиционной китайской лингвокультуры, как и для лингвокультуры британской, достаточно обычно метафорическое восприятие времени как потока – в обеих случаях говорится о неостановимой «реке времени». Тем не менее следует отметить как минимум одно очень важно различие в традициях восприятия данной метафоры. Когда представитель британской лингвокультуры представляет себе поток времени и себя в этом потоке, он видит себя стоящим лицом против течения, вода (= время) набегает на него, а он грудью встречает наступающие [букв. наплывающие на него] события, он борется с нападающим на него временем. Представитель же традиционной китайской лингвокультуры видит себя стоящим лицом по течению времени, он не борется с потоком времени, а старается максимально гармонизировать себя в нем. Важнейшей особенностью традиционного китайского менталитета – стремление к гармонии, сбалансированности противоположных качеств, что иносказательно выражается в метафорическом соотнесении человека с наполненным водой сосуде: если мы попробуем налить воды больше, чем надо, она перельется через край и пропадет, если же мы нальем воды меньше, чем надо, сосуд будет неустойчив. Метафор с компонентом «огонь» в традиционной китайской лингвокультуре существенно меньше, чем метафор с компонентом «вода», и это заметно контрастирует с обилием подобных метафор в лингвокультуре британской. Что же касается метафор с компонентом «земля», то их в традиционной китайской лингвокультуре мы можем найти, пожалуй, не меньше, чем в лингвокультуре британской. То же будет справедливо и для их разнообразия, что связано, по нашему мнению, с важностью крестьянской культуры в истории китайского общества.

Анализ концептуальных метафор с компонентом «любовь» показывает постепенное сближение концептосферы «любовь» в британской и современной китайской лингвокультурах (в противоположность традиционной китайской лингвокультуре), что, безусловно, является одним из проявлений глобализации и вестернизации. Любовь – вечная тема в самых различных культурах, включая и британскую, и традиционную китайскую. Говоря о различиях в метафоризации любви в традиционной китайской и британской лингвокультурах, следует отметить характерность для традиционной китайской лингвокультуры метафоры «любовь – подарок» и характерность для британской лингвокультуры метафоры «любовь – сила».

Традиционные китайские ценности несут следы влияния философии Инь-Ян. Предметы и явления экстравертного характера, прочные, быстрые включаются в группу Ян, тогда как предметы и явления интровертные, неяркие, спокойные – в группу Инь. В древнем и средневековом Китае любовь включалась однозначно в группу Инь, поэтому и метафоры с компонентом «любовь» включали, как правило также объекты из той же группы Инь, например, воду, при этом идеальная любовь мужчины и женщины рассматривалась как гармония Инь и Ян – гармония мужского и женского начала. Сейчас же под влиянием глобализации эта тенденция всё чаще нарушается, и метафоры с компонентом «любовь» могут включать в себя такие компоненты, которые ранее были просто немыслимы. Теперь уже и в китайской лингвокультуре могут появляться невозможные в ней ранее, однако достаточно традиционные для британской лингвокультуры метафорические сближения любви и опасности или любви и природного катаклизма. И если раньше в китайской лингвокультуре любовь метафоризовалась, например, в виде изящных падающих снежинок, то теперь им на смену вполне может прийти бушующих ураган с ударами молний и раскатами грома. Необходимыми предпосылками для данного

сближения китайской лингвокультуры с лингвокультурами иными и с британской в частности способствовали реформы китайского государства последней четверти минувшего столетия, а также развитие компьютерных технологий и интернета в последние годы.

ИСТОЧНИК ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1а. 曹雪芹, 崇文馆·小说馆:红楼梦(评注本)(套装共2册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 33, p. 158).

1b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes) , Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 33, p. 314).*

1с. Цао Сюэцинъ, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава тридцать третья, т.1, стр. 280)

2а. 曹雪芹, 崇文馆·小说馆:红楼梦(评注本)(套装共2册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 45, p. 217).

2b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes) , Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 45, p. 423).*

2с. Цао Сюэцинъ, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава сорок пятая, т.2, стр.31)

3а. 曹雪芹, 崇文馆·小说馆:红楼梦(评注本)(套装共2册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 71, p. 366).

3b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4*

Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001 (Chapter 71, p. 750).

3с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава семьдесят первая, т.2, стр.277)

4а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆:红楼梦(评注本)(套装共2册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 92, p. 4).

4b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001 (Chapter 92, p. 1006).*

4с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава девяносто вторая, т.3, стр.96)

5а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆:红楼梦(评注本)(套装共2册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 57, p. 289).

5b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes) , Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 57, p. 579).*

5с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава пятьдесят седьмая, т.2, стр.157)

6а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆:红楼梦(评注本)(套装共2册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团. 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 24, p. 116).

6b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes)* , Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 24, p. 246).

6с. *Цао Сюэцинь*, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава двадцать пятая, т.1, стр.211)

7a. *曹雪芹, 崇文馆 小说馆:红楼梦(评注本)(套装共 2 册)*, 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 58, p. 294).

7b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes)* , Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001 (Chapter 58, p. 589).

7с. *Цао Сюэцинь*, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава пятьдесят восьмая, т.2, стр.164)

8a. *曹雪芹, 崇文馆 小说馆:红楼梦(评注本)(套装共 2 册)*, 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 29, p. 142).

8b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes)*, Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001 (Chapter 29, p. 289).

8с. *Цао Сюэцинь*, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава двадцать девятая, т.1, стр.257)

9a. *曹雪芹, 崇文馆 小说馆:红楼梦(评注本)(套装共 2 册)*, 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the*

Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014) (Chapter 91, p. 434).

9b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001 (Chapter 91, p. 995).*

9с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава девяносто первая, т.3, стр.88)

10a. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014.*) (Chapter 81, p. 420).

10b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 81, p. 875).*

10с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава восемьдесят первая, т.3, стр.1)

11a. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 2, p. 9).

11b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001 (Chapter 2, p. 15).*

11с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава вторая, т.1, стр.21)

12a. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014 (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions* — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014) (Chapter 34, p. 160).

12b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 34, p. 318).*

12c. *Цао Сюэцинъ, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава трицать четвертая, стр.284)*

13a. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions* —Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014) (Chapter 13, p. 57).

13b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 13, p. 117).*

13c. *Цао Сюэцинъ, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава тринадцатая, т.1, стр. 107)*

14a. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions* —Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014) (Chapter 43, p. 209)

14b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (chapter 43, p. 405).*

14с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава сорок третья, т.2, стр.19)

15а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 44, p. 215).

15b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 44, p. 417).*

15с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава 44, т.2, стр. 28)

16а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 45, p. 219).

16b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes) , Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 45, p427).*

16с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава сорок пятая, т.2, стр.34).

17а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 65, p. 333).

17b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4*

Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 65, p. 675).

17с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава шестьдесят пятая, т.2, стр.227)

18а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 45, p. 219).

18b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 45, p. 427).*

18с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава сорок пятая, т.2, стр.34)

19а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 16, p. 70).

19b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001. (Chapter 16, p. 144).*

19с. Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава шестнадцатая, т.1, стр.128)

20а. 曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦(评注本)(套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团, 2014. (*Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions — Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014*) (Chapter 2, p. 10).

20b. *Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes), Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001 . (Chapter 2, p. 17).*

20с. *Цао Сюэцинь, “Сон в красном тереме”. Художественная литература, Ладомир, 1995. (Глава вторая, т.1, стр.23)*

21. *理雅各, 中国汉籍经典英译名著: 《诗经 国风》 译释, 上海三联书店, 第一版 - 2014. 年 1 月 1 日. (Legge J. The Chinese Classics: The She King Lessons from the States. Shanghai Sanlian Publisher, 2014, p. 49).*

22. *人民文学出版社 (合著者), 乐府诗选 1997, 年 10 月 1 日, p. 66. (People's literature press-a group of editors, Poetry of Yuefu, October, 01, 1997. p. 66.)*

23. *朱湘, 那些不舍的爱与孤独:朱湘情书选, 长江文艺出版社, 第 1 版 - 2012 年 8 月 10 日. (Xiang Zhu, A Collection of Zhu Xing's Romantic Poetries, Changjiang Literature press, first edition, August, 2012, p. 37).*

24. *蓝蓝, 中国当代女诗人爱情诗选, 中国华侨, 第 1 版 - 2007 年 6 月 1 日. (Lan Lan, A Collection of Modern Romantic Poetries of Female poets, Overseas Chinese Publisher, first edition, June 2007, p. 104).*

25. *周振甫, 李商隐选集 (繁体中文), 上海古籍出版社, 第 1 版 - 2012 年 12 月 1 日. (Zhenfu Zhou, Poetry of Li Shangyin, Shanghai Classics Publisher, first edition, December, 2012, p. 83).*

26. *闻捷, 闻捷诗选, 人民文学出版社, 第 1 版, 2009 年 7 月 1 日. (Jie Wen, Poetry of Wen Jie, People's Literature Publisher, first edition, July 2009, p. 59).*

27. *蓝蓝, 中国当代女诗人爱情诗选, 中国华侨, 第 1 版 - 2007 年 6 月 1 日. (Lan Lan, A Collection of Modern Romantic Poetries of Female poets, Overseas Chinese Publisher, first edition, June 2007, p. 94).*

28. 范新阳, 孟郊诗研究, 中国社会科学出版社, 第 1 版 - 2014 年 12 月 1 日. (Fan Xinyang, A Study of Meng Jiao's Poetry, China Social Science Publishing House, first edition, December, 2014, p. 29).

29. 理雅各, 中国汉籍经典英译名著:《诗经·国风》译释, 上海三联书店, 第一版 - 2014 年 1 月 1 日. (Legge J. The Chinese Classics: The She King Lessons from the States, Shanghai Sanlian Publisher, first edition, January 2014, p. 90).

30. 邵燕祥, 邵燕祥诗选(1998-2010), 广东省出版集团, 花城出版社, 第 1 版平装, 2011 年 1 月 1 日. (Shao Yanxiang, A Collection of Shao Yanxiang's Poetry 1998-2010, Guangdong Province Publishing Group, Huacheng Press, first edition, January, 2011, p. 72).

31. 童蔚, 嗜梦者的制裁(童蔚诗选), 中国铁道出版社; 第 1 版 - 2011 年 1 月 1 日. (Tong wei, The Sanction of A Dreamer-Poetry of Tongwei, China Railway Publishing House, first edition, January, 2011, p. 38).

曹雪芹, 崇文馆 小说馆: 红楼梦 (评注本) (套装共 2 册), 崇文书局有限公司, 湖北长江出版传媒集团 (December 1, 2014) (Xueqin Cao, A Dream of the Red Mansions - Chinese edition, Chongwen press, Hubei province, 2014)

Cao Xueqin (Author), Yang Xianyi (Translator), Gladys Yang (Translator), A Dream of Red Mansions (Chinese Classics, Classic Novel in 4 Volumes) , Foreign Languages Press: Box set, January 1, 2001

John Donne (Author), Donald R. Dickson (Editor), John Donne's Poetry (Norton Critical Editions) - W. W. Norton & Company, 2007, p. 16, p. 58, p. 104.

William Blake, David V. Erdman, Harold Bloom, The Complete Poetry & Prose of William Blake - Anchor, March 5, 1997, p. 65.

Джессика Уитон, «Когда я увидела твои глаза» (When I Saw Your Eyes)-<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem128.html>

Крис Мессик, «Ибо ты один» (For You Are The One)-
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem21.html>

William Shakespeare (Author), Vera Bock (Illustrator), Love Poems & Sonnets of William Shakespeare, Doubleday, September 3, 1957, p. 87, p. 135.

Сандра Огике, «Моя любовь» (My Love)-
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem213.html>

Шерри Дескинс, «Паутина» (The Web),

-<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem101.html>

Рахик Тамир, «Если бы ты только знала» (If Only You Knew)
-<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem195.html>

Орания Гамильтон, «Мой текст, твоя музыка» (*I Wrote The Lyrics, You Write The Music*) -
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem206.html>

Кристофер Дж. Хилл, «Любовь всей моей жизни» (*The Love of My life*)- <http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem204.html>

Орания Гамильтон , «Рядом с тобой» (Near You) -
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem145.html>

Росс Томсон, «Моя любовь к тебе» (*My Love for You*) -
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem209.html>

Дэвид Г. Келли, «Искра света» (A Spark of Light) -
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem05.html>

Кэрол Стэшер и Джим Форман, «Наш сонет» (Our Sonnet)
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem102.html>

Марк Ливренс, «Биться каждую секунду» (Every Second Beat)
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem114.html>

Дженни Филлипс, «Моя вечная любовь» (*My Everlasting Love*)

<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem169.html>

Alfred Tennyson, Robert W. Hill Jr. (Editor), Tennyson's Poetry (Norton Critical Editions), W. W. Norton & Company – January 17, 1999. P47.

Герберт Граншеи, «Она Не Придет» (She Comes not) -
<http://www.bartleby.com/336/664.html>

М. Дюбуа, «Что такое любовь» (Love Defined)-
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem18.html>

Erica, (Will you ever)
-<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem28.html>

Джона Рейни, «Моя единственная любовь» (My One And Only Love)
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem205.html>

Anne Bradstreet (Author), Adrienne Rich (Author), Jeannine Hensley (Author), The Works of Anne Bradstreet (John Harvard Library), Belknap Press – September 15, 1981. P.145.

Л. Карлинг, «Стол накрыт для двоих» (A Table Set for Two)
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem39.html>

К. Харди, «Холода больше нет» (Cold No More)
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem207.html>

Edmund Spenser (Author), Hugh Maclean (Editor), Anne Lake Prescott (Editor), Edmund Spenser's Poetry (Norton Critical Editions), W. W. Norton & Company– December 17, 1992, p. 378.

Ахмед Захра, «Одинокая роза» (A Rose That Once Stood Alone)
<http://www.lovepoemsandquotes.com/LovePoem70.html>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаева М.Б.* Узуальное и окказиональное в использовании фразеологических единиц (на примере произведений Э. Штриттматтера): Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990. – 163 с.
- Авдеенко И.А.* Символ и метафора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3-2 (21). – С. 16-18.
- Авербух В.Л.* К теории компьютерной визуализации // Вычислительные технологии. – 2005. – Т. 10. – № 4. – С. 21-51.
- Аветова Т.Ю.* Роль интертекстуальности в создании художественного образа. На материале романа Ч. Диккенса «Наш общий друг» // Интертекстуальные связи в художественном тексте: Межвузовский сборник научных трудов. – СПб.: Образование, 1993. – С. 67-76
- Ажнюк Б.Н.* Лингвострановедческие аспекты английских фразеологизмов: Автореф. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984. – 24 с.
- Александрова О.В.* Введение в функциональную англистику. – М., 1998.
- Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М., 1984.
- Александрова О.В., Васильев В.В.* Современный английский язык для филологов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 232 с.
- Александрова О.В., Задорнова В.Я., Комова Т.А. и др.* Методы лингвистических исследований. – М., 1988.
- Алефиренко Н.Ф.* Теоретические основы учения о «внутренней форме» фразем // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. – М., 1996. Т. 1. – С. 128-130.
- Алефиренко Н.Ф.* Фразеология и культура // Язык и культура: Вторая международная конференция: Тезисы. Ч. 1. – Киев, 1993.
- Альжанова З.М.* Просодия «вторичного текста»: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
- Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. – Л., 1963.

- Арабаджан М.А.* О некоторых способах функционирования идиоматической фразеологии английского языка // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – М., 1984.
- Арапиева Л.У.* Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
- Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 1391 с.
- Арнольд И.В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4.
- Артемова А.Ф.* Фразеологические единицы английского языка как объект вторичной номинации // Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 1987.
- Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры / Вступ. статья и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-33.
- Ахманова О. С. Гюббенет И.В.* «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3.
- Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Бабина Л.В.* Особенности функционирования лексических единиц в контексте прозаической литературной пародии // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. Т. 2. – М., 1996.
- Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л., 1970.
- Баевский В.С.* Стихотворная цитата в тексте // Русская филология: учен. зап. Смоленского гуманитарного университета. Т. 1. – 1997.
- Банникова М.С.* Метафорическое представление номинаций движущейся воды в поэзии Ф.И. Тютчева // Ученые записки. Электронный

- научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 2 (30). – С. 104-109.
- Баранов А.Н. Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М., 1991.
- Баркова Л.А.* Влияние фактора адресата на окказиональное использование фразеологических единиц // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. № 244. – М., 1985.
- Баркова Л.А.* Окказиональные изменения фразеологических единиц в свете прагматической заданности текста (на материале англоязычной экуриальной рекламы). – М., 1981.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
- Бахтин М.М.* К эстетике слова // Контекст. Литературно-теоретические исследования. – М., 1974.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
- Белецкая А.Ю.* Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе. // Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Самара, 2002.
- Бельчиков Ю.А.* К понятию «концепт» в контексте лингвокультурологии // Язык. Культура. Общение: Сб. научн. трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой / Отв. ред. Г.Г. Молчанова. – М.: Гнозис, 2008.
- Беовульф.* Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – 677 с.
- Бершадская Ф.М.* Формы употребления фразеологических единиц в речи: Автореф. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1971.
- Боас Ф.* Ум первобытного человека. – М.; Л., 1926.
- Богданова А.Г., Вековщина К.А.* Образные признаки в структуре концепта нефть (на примере метафор живой и неживой природы) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. материалов XIV

- Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск, 2014. – С. 134-138.
- Бознев А.Т., Эльгаров А.А.* Коммуникативный аспект окказиональных фразеологических конфигураций. – Нальчик, 1987.
- Бокий О.В., Емельянова О.В.* Концептуальное обыгрывание фразеологических единиц и национально-культурная специфика фразеологии // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Вып. 3. – СПб., 1999.
- Болдырева Л.В.* Социально-исторический вертикальный контекст (на материале английской художественной литературы). – М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Болдырева Л.В.* Социально-исторический вертикальный контекст и проблема понимания литературно-художественного текста // Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1990.
- Болдырева Л.В.* Социально-исторический вертикальный контекст. – М., 1997.
- Болдырева Л.В., Гюббенет И.В.* Учебный словарь цитат из англоязычных авторов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
- Болдырева Л.М.,* Стилистические особенности функционирования фразеологизмов: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1967.
- Большая советская энциклопедия. 3-е изд. В 30 тт. – М.: 1969-1978.
- Борисова Е.Б.* Перевод как словесно-художественное творчество и как результат научного филологического анализа текста: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1992.
- Бродянский И.А., Степанова И.С.* О символическом значении компонентов фразеологических единиц // Вестник Киевского университета. Романо-германская филология. Вып. 19. – Киев, 1985.

- Брысина Е.В.* Семантические корреляты фразеологических единиц в художественных текстах // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. Т. 2. – М., 1996.
- Буйнова О.Ю.* Производно-метафорическое значение в развитии семантической структуры слова: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 1998.
- Бурмистрова М.А.* Когнитивная метафора в научном тексте: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2005. – 26 с.
- Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. – М., 1993.
- Ватутина Е.Н.* Сказочные аллюзии и их употребление в англоязычной литературе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – № 1. – С. 62-64.
- Ващенко А.В.* Сравнительная мифология: культурологические аспекты // Межкультурная коммуникация. Сборник учебных программ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской литературы, 2001.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Прогресс, 1996.
- Вейсманъ А. Д.* Греческо-русский словарь. – СПб.: Издание автора, 1899. – 1370 с.
- Вербицкая М.В.* К обоснованию теории «вторичных текстов» // Филологические науки. – 1989. – № 1.
- Верещагин Е. М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980.
- Верещагин Е.М.* Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. – М., 1972.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1973.

- Вернер А.В.* Семантическая и функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц с культурным компонентом значения. – М., 1998.
- Виноградов В.В.* История русских лингвистических учений. – М., 1978.
- Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. – М., 1969.
- Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
- Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
- Власенко С.В.* Социолингвистические аспекты перевода: англо-русские переводческие сопоставления *социологем* – фразовых номинативных комплексов, обозначающих социально-экономические институты и социально-статусные реалии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 37. – М., 2009.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980.
- Волков А.А.* Курс русской риторики. – М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
- Волосевич С.П.* Замена компонентов фразеологизмов в аспекте ретроспекции // Сб. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 287. – М., 1987.
- Ворожбитова А.А.* Теория текста: антропоцентрическое направление. – М., 2005.
- Ворожцова О.А., Зайцева А.Б.* Прецедентные имена в российской и американской печати // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – Вып. 2.

- Воронина А.З.* Коннотация фразеологизмов в коммуникативном аспекте // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 171. – М., 1981.
- Вяльцева С.И.* Замена компонентов как один из способов стилистического использования английских пословиц // Сб. научных трудов МГПИ им. Ленина. – М., 1976.
- Вяльцева С.И.* Речевое использование английских пословиц: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1977.
- Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. – Москва, 1958.
- Гарагуля С.И.* Английское личное имя как объект изучения языка, истории и культуры. – Белгород, 2002.
- Гаспаров М. Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2002. – № 4.
- Гаспарян С.К.* К вопросу о функционировании тембра П в художественном контексте // Вестник Ереванского университета, 1986, № 2.
- Гаспарян С.К.* Фигура сравнения в функциональном освещении. – Ереван: Лусакн, 2013.
- Гвишиани Н.Б.* Полифункциональные слова в языке и речи. – М., 1979.
- Гвишиани Н.Б.* Современный английский язык. Лексикология. 3-е изд. – М.: Юрайт, 2013. – 273 с.
- Го юй* [Речи царств] / Пер., вступление и прим. В.С. Таскина. Отв. ред. М. В. Крюков. – М., Наука. 1987. – 472 с
- Гоббс Т.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.
- Городецкая Л.А.* Восприятие и интерпретация проблемной международной ситуации в американской и русской лингвокультурах: экспериментальное исследование // Язык. Культура. Общение: Сб. научн. трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой / Отв. ред. Г.Г. Молчанова. – М.: Гнозис, 2008.

- Гречаный А.А.* Метафоризация как определитель индивидуального стиля У. Шекспира: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1962.
- Гюббенет И.В.* К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6.
- Гюббенет И.В.* К проблеме понимания литературно-художественного текста. – М., 1981.
- Гюббенет И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М., 1991.
- Гюббенет И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М.: Либроком, 2010.
- Дашевская В.Л.* Соотношение фразеологических единиц и семантики контекста, в котором они функционируют // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 226. – М., 1984.
- Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
- Денисов С.Ф., Денисова Л.В.* Философско-антропологические образы природы и человека в сциентистском мировоззрении // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2003. – № 2 (12). – С. 115-121.
- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ. (Современная английская медиаречь). – М.: Наука: Флинта, 2008.
- Доценко Н.П.* Социолингвистическая интерпретация речи литературных персонажей (русский язык): Автореф. ... канд. филол. наук. – Харьков, 1986.
- Дремова Т.Г.* К вопросу о функциональном аспекте фразеологических единиц // Роль контекста в реализации семантических особенностей языковых единиц. – Курск, 1987.

- Дубинский Е.М.* Лингвостилистические особенности двойной актуализации фразеологических единиц: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
- Дубинский Е.М.* О семантическом механизме двойной актуализации // Семантика и топология разносистемных языков. – Ташкент, 1984.
- Дун Чжуншу.* Смысл пяти элементов // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990. – С. 125-127.
- Елизарова Г.В.* Культурологическая лингвистика: Опыт исследования понятия в методических целях. – СПб., 2000.
- Елистратов В.С.* О «медиевизме» современной рекламы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1.
- Елистратов В.С.* Эволюция «русского мифа» на Западе // Язык. Культура. Общение: Сб. научн. трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова *С.Г. Тер-Минасовой* / Отв. ред. *Г.Г. Молчанова.* – М.: Гнозис, 2008.
- Ерофеева Е.Л.* Уровни анализа сочетаемости возможностей фразеологических единиц // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. Т. 1. – М., 1996.
- Ефимова Е.Б.,* К проблеме лингвостилистического описания фразеологизмов английского языка с позиций функционально-коммуникативного подхода. – Воронеж, 1978.
- Жельвис В.И.* Стрекоза и муравей как предмет культурологического анализа // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С. 78-94.
- Жердева А.П.* вариантность просодии устного текста как функция интерпретации: Автореф. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1986.
- Жуков А.В.* Фразеологическая переходность в русском языке. – Л., 1984.

- Заботкина В.И.* Культурный контекст и лексикон // Английский лексикон в лингвистическом и культурологическом пространстве. Вып. 400. – М., 1992.
- Загрязкина Т.Ю.* Франция в культурологическом аспекте. – М.: Стратегия, 2007.
- Задорнова В.Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. – М.: Высшая школа, 1984.
- Задорнова В.Я.* Стилистика английского языка. – М., 1986.
- Заяц А.А.* Дискурсивный аспект метафорического алогизма (на материале русского и английского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2006. – 135 с.
- Заяц А.А.* Логический механизм порождения метафоры // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 36-40.
- Зеленов А.Н.* Вовлечение фразеологизмов в каламбурную игру // Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка. – Л., 1978.
- Зубкова О.С.* Метафора с позиции психологии формы // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 7. – С. 54-63.
- Иванова Е.Б.* Интертекстуальные связи в художественных фильмах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
- Иванова Е.В.* Экологическая фантастика: метафоризация природных явлений // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 192-195.
- Изотов А.И.* Американская культура в зеркале национального корпуса чешского языка: литература, мифология, фольклор – М.: Азбуковник, 2010. – 200 с.
- Изотов А.И.* Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-1. – С. 68-71.

- Изотова А.А.* Обыгрывание «устойчивых метафор» в английской художественной литературе // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 10. – М., 1999.
- Изотова А.А.* Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16. – М., 2001.
- Изотова А.А.* Деформация «устойчивых метафор» в стиле массовой коммуникации // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 17. – М., 2001.
- Изотова А.А.* Обыгрывание «устойчивых метафор» в произведениях Агаты Кристи // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003.
- Изотова А.А.* О некоторых критериях понимания английской идиомы // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 28. – М., 2004.
- Изотова А.А.* Об одном средстве эмоционального воздействия на читателя // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 32. – М., 2006.
- Изотова А.А.* Обыгрывание английских фразеологических единиц в речи. – М.: Либроком, 2013. – 96 с.
- Изотова А.А.* Аллюзивность художественного текста Аниты Брукнер // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 1. – С. 239–242.
- Изотова А.А.* Идиоматическая фразеология и корпус // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 21. – С. 258–260.
- Ильин И.П.* Стилистика интертекстуальности; Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. – М., 1989.
- Каган Е.Б.* Метафоры из сферы-источника «мир неживой природы» в заголовках российских, американских и британских СМИ // политическая лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 172-175.
- Камбарова З.А.* Актуализация фразеологических единиц в языке английской газеты: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1977.

- Каплуненко А.М.* Фразообразовательные процессы в коммуникативном ракурсе // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 244. – М., 1985.
- Каплуненко В.В.* Роль контекста в выявлении потенциального содержания фразеологических единиц. – Иркутск, 1985.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
- Караулов Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1996.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотип. – М.: ЛКИ, 2007.
- Караулов Ю.Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности (под ред. Григорьева В.П.) Изд. 2-е, испр. – М.: КомКнига, 2006.
- Караулова Т.К.* Использование образных фразеологических единиц в научных текстах // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 174. – М., 1981.
- Кассирер Е.* Сила метафоры // Теория метафоры / Вступ. статья и сост. Н.Д.Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33-43.
- Квятковский А.П.* Поэтический словарь. – М., 1966.
- Киссел Ю.Я.* Оказиональное использование фразеологических единиц в произведениях Б. Шоу и О. Уайльда. – Воронеж, 1975.
- Клековкина Е.Е.* Об особенностях двойной актуализации фразеологизмов // Межвузовский сборник научных трудов. – Куйбышев, 1982.
- Клименова Ю.И.* Интегрированный подход к исследованию метафоры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 201-205.

- Клименова Ю.И.* Онтология метафоры в англоязычном экономическом медиа-дискурсе: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2010.
- Колесникова М.В.* Идиоматическая фразеология как часть речевой характеристики персонажей. – М., 1986.
- Комова Т.А.* Введение в сопоставительную лингвокультурологию: Великобритания – Россия. – М.: Красанд, 2010.
- Комова Т.А.* Концепты языка в контексте истории культуры: Курс лекций. – М., 2003.
- Комова Т.А., Куницын Е.Л.* Английский язык сквозь призму юмора. – М., 2003.
- Конурбаев М.Э.* Библия короля Иакова в лингвопоэтическом освещении: спецкурс. – М., 1998.
- Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии: проблемы, методы, опыт. – Воронеж, 1978.
- Кораллова А.Л.* Некоторые семантические особенности фразеологизмов в коммуникативном аспекте // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза, № 244. – М., 1985.
- Корнеева А.П.* Английские фразеологические единицы библейского происхождения в языке и речи: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 18 с.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: Дисс. ... д-ра культ. – Москва, 2000.
- Костомаров В. Г., Прохоров Ю.Е.* Язык и «язык культуры» в межкультурном общении // Россия – Восток – Запад. – М., 1998.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. № 1.
- Кравченко Е.В.* Идиоматическая фразеология в устной форме английской научной речи: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1992.

- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – М.: Диалог-МГУ, 1998.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Лекционный курс. – М.: Гнозис, 2001.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. – М.: Гнозис, 2002.
- Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1995. № 1.
- Крюкова И.В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. – Волгоград, 2004.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст и интертекстуальность: к определению понятий // Текст как объект многоаспектного исследования. Вып. 3. Ч. 1. – СПб., 1998.
- Кукурян И.Л.* Английские переводы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» как предмет лингвопоэтического анализа: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1990.
- Кульчицкая Л.В.* Когнитивная метафора – концептуальная метафора – метафорическая модель: Онтологический статус понятий // Личность. Культура. Общество. – 2013. – Т.15. – № 1 (77). – С. 117-124.
- Кунин А.В.* Английская фразеология. – М., 1970.
- Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1998.
- Кунин А.В.* Асимметрия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3.
- Кунин А.В.* Вклинивание как лингвостилистическое явление // Иностранные языки в школе. – 1973. – № 3.
- Кунин А.В.* Двойная актуализация как понятие фразеологической стилистики // Иностранные языки в школе. – 1974. – № 6.

- Кунин А.В.* Замена компонентов фразеологизмов как стилистический прием // Иностранные языки в школе. – 1977. – № 2.
- Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1986.
- Кунин А.В.* Лингвостилистические особенности фразеологического эллипса // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 131. – М., 1978.
- Кунин А.В.* Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. – М., 1964.
- Кунин А.В.* Основные понятия фразеологической стилистики // Проблемы стилистики. – М., 1969.
- Курасовская Ю.Б.* Understanding America // American Culture. – Москва, 1999.
- Курейко В.В.* Метафора в риторике и стилистике // Электронный научный журнал «Аргюри. Серия: Гуманитарные науки» [www.apriogi-journal.ru] – 2014. – № 2. – С. 1-10.
- Лавренова О.А.* Ландшафт как источник метафорической проекции // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 126-131.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с пред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Левашова В.А.* Современная Великобритания: Страна, государство, общество. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000.
- Леонович О.А.* Очерки английской ономастики. – М., 1994.
- Леонтович О.А.* Проблема внутренней формы: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1983.

- Леонтович О.А.* Узуальное и окказиональное использование фразеологических единиц // Фразеология и контекст. – Куйбышев, 1982.
- Лингарт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI-XX вв.): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1996.
- Лингарт А.А.* Основы лингвопоэтики. – М.: КомКнига, 2007.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М., 1992.
- Лотман Ю.М.* Текст в тексте // Труды по знаковым системам: Текст в тексте. – Тарту, 1981. Вып. XIV.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // *Успенский Б.А.* Избранные труды: в 3 т. – М., 1996. – Т.1. – С. 63 – 69.
- Луганская А.В.* Двойная актуализация фразеологических единиц в произведениях М. Твена: Автореф. ... канд. филол. наук. – Тула, 1978.
- Луконина Е.К.* Идиоматическая фразеология в языке и речи. – М., 1986.
- Лю Сяо.* Метафорика воды в «Беовульфе» // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 8. – С. 253-257.
- Лю Сяо.* Метафорика стихий в «Беовульфе» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1-2 (43). – С. 133-135.
- Лю Сяо.* Метафора и корпус // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2.
- Лю Сяо.* Английские метафоры с компонентом «природа» в свете концепции У-Син = *Liu Xiao (PRC)* English metaphors with the component “Nature” in the light of Wǔ Xíng // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 51. – М.: МАКС Пресс, 2015. – С. 15-40.
- Маккормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358-386.

- Малюга Е. Н.* Роль заголовков и подзаголовков в англо-американской прессе // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 21. – М., 2002.
- Мамаева А.Г.* Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1977.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М., 2001.
- Маторина Н.С.* К вопросу о классификации стилистических конвергенций // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 286. – М., 1987.
- Машкова Л.А.* Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1989.
- Мезенин С.М.* Образные средства в языке У. Шекспира: Автореф. ... доктора филол. наук. – М., 1986.
- Мелерович А.М.* О динамике внутренней формы фразеологических единиц и механизмы формирования и функционирования фразеологического значения // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. – М., 1996. Т. 1.
- Менджерщкая Е.О.* Когнитивные стереотипы и их обыгрывание в дискурсе качественной прессы. // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 15. – М. 2000.
- Менджерщкая Е.О.* Когнитивный синтаксис художественной литературы. Современный английский язык. – М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Менджерщкая Е.О.* Особенности национального публицистического дискурса // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 9. – М., 1999.
- Менджерщкая Е.О.* Публицистика как тип дискурса // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 7. – М., 1999.
- Мизинова М.А.* Текстовая значимость фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц с начальным компонентом предлогом) // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 244. – М., 1985.

- Микоян А.С.* Библейские сюжеты в живописи: Русско-английский словарь-справочник с параллельными цитатами из Библии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
- Минаева Л.В., Миндрул О.С.* О тембральной сверхсинтактике английского языка // Фонетика и психология речи. – Иваново, 1980.
- Миндрул О.С.* Метасемиотика тембра II // Диалектика единичного, особенного и всеобщего в науке о языке: Сб. статей под ред. Ахмановой О.С., Гвишиани Н.Б. – М., 1980.
- Миндрул О.С.* Тембр II в функциональном освещении: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1980.
- Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М. 1988. – С. 281-309.
- Моисеева Т.В.* Российско-американские отношения как сфера-магнит для метафор со сферой-источником «природа» // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С. 161-167.
- Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М., 1980.
- Молчанова Г.Г.* Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. – М.: Высшая школа, 2007.
- Москвин В.П.* Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. – 2002. № 1.
- Мосунова Н.И.* Парадигматические и синтагматические свойства компонентов фразеологических единиц современного английского языка: Автореф. ... канд. филол. наук. – Минск, 1987.
- Музиль Р.* Человек без свойств. Т. 1. – М.: Худ. лит-ра, 1984.
- Назаренко А.Л.* Вызовы XXI века и лингвистическое образование // Язык. Культура. Общение: Сб. научн. трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова *С.Г. Тер-Минасовой* / Отв. ред. *Г.Г. Молчанова*. – М.: Гнозис, 2008.

- Назарова Т.Б.* Об интегративном подходе к явлениям лексики // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. – 1981. – № 1.
- Назарова Т.Б.* Омонимия и паронимия в звучащей речи // Фонетика и психология речи. – Иваново, 1984.
- Назарова Т.Б.* Семиотика созвучий (на материале современного английского языка) // Филологические науки. – 1990. – № 1.
- Назарова Т.Б.* Филология и семиотика. – М., 2003.
- Назарян А.Г.* История развития французской фразеологии. – М., 1981.
Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru>.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2009.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе. – М.: Флинта, 2008.
- Никонова В.Г.* Взаимодействие фразеологических конфигураций и их смысловых коррелятов в диалогической речи (на материале трагедий У. Шекспира): Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1987.
- Ницше Ф.* Об истине и лжи во вненравственном смысле // <http://www.nietzsche.ru/works/other/about-istina/> [обращение 17.01.2015]
- Норманн Б.Ю.* Соотношение научного, наивного и языкового знания как проблема современной лингвистики // Русский язык в школе. – 2007. № 5.
- Нушикян Э.И.* К проблеме сегментации эмоционально окрашенного текста // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 230. – М., 1984.
- Ожегов С.И.* О структуре фразеологии // Лексикология, лексикография, культура речи. – М., 1974.
- Орлова Е.Л.* Фрактальная природа метафоры // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – Т. 4. – № 16. – С. 184-187.
- Отрега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры / Вступ. статья и сост. Н.Д.Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.

- Основные направления в развитии научной работы на кафедре английского языка филологического факультета МГУ. – М., 1981.
- Павлова З.А.* Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в речи: Автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1975.
- Павловская А.В.* Англия и англичане. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.
- Павловская А.В.* Как иметь дело с англичанами. Несентиментальное путешествие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.
- Павловская А.В.* Россия и Америка: проблемы общения культур. Россия глазами американцев 1850-1880-е годы. – Москва: Издательство Московского университета, 1998.
- Павловская А.В.* Русский мир. Характер, быт и нравы. В 2 томах. – М.: Слово/Slovo, 2009.
- Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М., 1970.
- Петров В.В.* Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. – 1988. - № 2. – С. 39-48.
- Пименова Е.Е.* Архаичные способы категоризации неба // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 41-46.
- Погарская Е.А.* Лингвостилистические особенности взаимодействия фразеологических единиц и контекста при создании эффекта гротеска: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
- Погарская Е.А.* Лингвостилистические особенности взаимодействия фразеологических единиц и контекста при создании эффекта гротеска: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1985.
- Подколзина Т.А.* Метафора и парадокс в английской терминологии: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1994.

- Полищук Е. В.* О некоторых трудностях и условиях успешности американо-иноязычной межличностной коммуникации // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 17. – М., 2001.
- Полубиченко Л.В.* Зачем факультетам иностранных языков художественная литература? // Язык. Культура. Общение: Сб. научн. трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова *С.Г. Тер-Минасовой* / Отв. ред. *Г.Г. Молчанова*. – М.: Гнозис, 2008.
- Полубиченко Л.В.* Филологическая топология: Теория и практика: Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1991.
- Полубиченко Л.В., Андросенко В.П.* Топология цитат в художественной и научной речи // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1989. – № 3.
- Потапова Н.М.* Краткий обзор некоторых исследований эвфемизмов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 34. – М., 2007.
- Празян Н.О.* Лингвокогнитивные и прагматические основы использования метафоры и иронии в английском политическом дискурсе: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2011.
- Привалова И. В.* Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 18. – М., 2001.
- Привалова И.В.* Интеркультура и вербальный знак: Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. – М., 2005.
- Привалова И.В.* Понимание иноязычного текста. – Саратов, 2001.
- Привалова И.В.* Построение типологии национально маркированных языковых единиц // Вопросы психолингвистики. – М., 2003. № 1.
- Прохоров Ю. Е.* Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 8. – М., 1999.

- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 2003.
- Прохорова М.Ю.* К вопросу о прагмалингвистике филологического вертикального контекста. // Язык, сознание, коммуникация. – М. 1999. Вып. 8.
- Прохорова М.Ю.* Филологический вертикальный контекст в прагмалингвистическом освещении. – М.: МАКС Пресс, 2002.
- Пиёнкина Т.П.* К вопросу об окказиональном преобразовании фразеологических единиц, детерминированном жанром // Вопросы фразеологии и фразеоматики. – М., 1983.
- Пьеге-Гро Н.* Введение к теории интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. статья *Г.К. Косикова*. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Пьянзина И.Н.* Национально-культурная специфика фразеологизмов американского варианта английского языка // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2006. – № 2. – С. 88-101.
- Пьянова М.В.* Идиоматика речевого портрета литературного персонажа: На материале англ. худож. лит.: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
- Ревзин И.И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. – М., 1997.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. – М., 1967.
- Романова С. П., Коралова А. Л.* Пособие по переводу с английского на русский. – М.: Книжный дом «Университет», 2008
- Ронгинский В.М.* Фразеологические обороты в заголовках художественной литературы и публицистики // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе: Тез. докл. 30 мая – 2 июня 1965 г. – Череповец, 1965.

- Руденко С.А.* О номинативной соотнесенности глагольных фразеологических единиц и их логических синонимов в английском языке // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 171. – М., 1981.
- Рум А. Р. У.* Великобритания: Лингвострановедческий словарь. – 3-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2002.
- Рыбина Н.А.* Деформация фразеологических единиц как стилеразличительное средство // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – М., 1984.
- Савицкий В.М.* Английская фразеология: проблемы моделирования. – М., 1982.
- Савицкий В.М.* Фразеологические новообразования в свете лингвострановедения и семиотики культуры // Лингвострановедческое описание лексики английского языка. – М., 1983.
- Самигуллина А.С., Бакиев А.Г.* Механизмы метафоризации: тождество или подобие? // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 573-576.
- Световидова И.В.* Перенос значения и его онтология в английском и русском языках: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
- Свиридова Л.Ф.* Обогащение английской фразеологии шекспиризмами: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1968.
- Семенова Н.В.* К вопросу о средствах оживления фразеологизмов // Ученые записки МГИМО, Вопросы языка и литературы. Вып. 8. – М., 1972.
- Сетир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
- Середина О.Е.* Лингвокультурологический анализ английских фразеологических единиц // Проблемы взаимодействия языка и культуры. – Псков, 2000.

- Сильман Т.И.* Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. – 1969. – № 1.
- Склярская Г.Н.* Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993 – 150 с.
- Смирницкая О.* Беовульф [Примечания] // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 631-659.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. – М., 1956.
- Смирнов И.П.* Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака) // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderbund, 17, 1985.
- Смит Л.П.* Фразеология английского языка. – М., 1959.
- Сорокин Ю. А., Михалева И. М.* Цитаты как знаки прецедентных текстов языка // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 2. – М., 1997.
- Сорокин Ю.А.* Евразийство и его постулаты: возможные коррективы // Вопросы психолингвистики. – М., 2003. – №1.
- Сорокин Ю.А.* Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста: тезисы выступления на совещании. – М., 1987.
- Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. – Самара, 1994.
- Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматические аспекты: сб. науч. тр. – Днепропетровск, 1988.
- Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В., Вольская Н. П.* Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. – М., 1998.
- Стебелькова Н.А.* Варьирование и структурно-семантические аспекты тождества фразеологических единиц. – М., 1979.
- Степаненко А.В.* Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе. – М., 2001.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004.

- Степанов Ю.С.* Концепты: Тонкая пленка цивилизации – М.: Языки славянских культур, 2007.
- Стыцина С.Х.* Стилистическое использование фразеологических единиц в произведениях Дж. Свифта: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1975.
- Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М., 1973.
- Суперанская А.В.* Теория и методика ономастических исследований. – М., 1980.
- Тарвердян А.Ш.* Лингвостилистические особенности вклинивания как приема обновления фразеологических единиц: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.
- Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
- Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. – М.: Слово/Slovo, 2008.
- Тер-Минасова С.Г.* Деформация фразеологических единиц как лингво-стилистическое средство (на материале английской детской художественной литературы) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. – 1968. – № 3.
- Тер-Минасова С.Г.* Имена собственные в двуязычном словаре: культурно-языковая картина мира // Вестник Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010. № 1.
- Тер-Минасова С.Г.* Методологические проблемы изучения фразеологии // Филологические науки. – 1985. – № 5.
- Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика речи: онтология и эвристика. – М., 1980.

- Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Тер-Минасова С.Г.* Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. – М., 1981.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000.
- Томахин Г.Д.* США: Лингвострановедческий словарь. – 3-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2001.
- Тора – электронный ресурс <http://torah.booknik.ru/> (обращение 05.04.2015)
- Тыналиева В.К.* Просодия потенциальных слов: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
- Уорф Б. Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960.
- Уфимцева А.А.* Лексическое значение. – М., 1986.
- Уфимцева А.А.* Опыт изучения лексики как системы. – М., 1962.
- Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 1996.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности. // Вопросы психолингвистики. М., 2003. № 1.
- Федуленкова Т.Н.* Английская фразеология: курс лекций. – Архангельск, 2000.
- Филиппова М.М.* Английский национальный характер. – М.: АСТ: Астрель, 2007.
- Филиппова М.М.* Английский язык в обучении специалистов по связям с общественностью // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 37. – М., 2009.

- Филиппова М.М.* Взаимосвязь языка, мышления и культуры и преподавание иностранного языка // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 36. – М., 2008.
- Филлюшкина С.Н.* Литературные аллюзии и реминисценции в художественной системе Грэма Грина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманит. науки. 1996. – Вып. 1.
- Фролова О. Е.* Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. – М.: URSS: ЛКИ, 2007.
- Халатникова Э.И.* Сложные преобразования фразеологических единиц (на материале английской и американской драматургии XX века): Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1982.
- Халатникова Э.И.* Эффект двойной актуализации во фразеологии и контекст // Фразеология и контекст. – Куйбышев, 1982.
- Хамитова Э.Р.* Концептуальная метафора «природа-человек» в антропологической парадигме исследования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – Т. 1. – № 3. – С. 155-158.
- Хардина М.В.* Окказиональное использование фразеологических единиц с целью создания комического эффекта (на материале произведений Ч. Диккенса): Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1978.
- Хостай И.С.* Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения // Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
- Чернощекова В.О.* Лингвокультурный аспект пословиц // Язык и культура. – 2009. – № 1. – С. 80-85.
- Чернышева И.И.* Фразеология современного немецкого языка. – М., 1970.

- Чикина Е.Е.* Идиоэтнические особенности фразеологических единиц с библейскими антропонимами (на материале нем., англ. и русского языков) // Проблемы идиоэтнической фразеологии. – СПб., 1999.
- Чинёнова Л.А.* Английская фразеология в языке и речи. – М., 1986.
- Чинёнова Л.А.* Динамика семантических процессов // Методика и методология изучения языка. – М., 1988.
- Чинёнова Л.А.* Идиоматическая фразеология современного английского языка в языковедческом и методологическом освещении // Теория и практика изучения современного английского языка. – М., 1986.
- Чинёнова Л.А.* Процессы развития английской идиоматики // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2.
- Чинёнова Л.А., Колесникова М.В.* Идиоматическая фразеология и функциональные стили языка // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – М., 1984.
- Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М., 1985.
- Шаронова М.А.* Особенности функционирования фразеологической инверсии // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 287. – М., 1987.
- Шахбаз С.А.С.* Концептуальные метафоры, связанные с понятием «любовь», в английской и русской поэзии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 39. – М.: МАКС Пресс, 2009.– С. 101-117.
- Шахбаз С.А.С.* Образ и его языковое воплощение (на материале английской и американской поэзии): Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2010.
- Шварцкопф Б.С.* О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией: На материале русского языка // Sign. Language. Culture. – The Hague; Paris, 1970.
- Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. – М., 1976.

- Швыдкая Л.И.* Парадигматические свойства идиоматических единиц // Фразеологическая система английского языка. – Челябинск, 1985.
- Шувалова Ю.В.* Коммуникативный аспект окказиональных преобразований фразеологических единиц // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 287. – М., 1987.
- Щетинин Л.М.* Переход собственных имен в нарицательные как способ расширения словарного состава языка. – М., 1961.
- Штукина А.,* Шицзин-Книга песен и гимнов, перевод с китайского, художественная литература, М., 1987.
- Эмиров А.Ш.* Сложные окказиональные преобразования в английском языке (на материале Morning Star). – Пятигорск, 1987.
- Юркова Л.Н.* Просодия слова и просодическая организация фразы: Автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1983.
- Akhmanova O.S.* Patterns and productivity. – Moscow, 1973.
- Aleksandrova O.V.* Semantics, pragmatics and semiotics. – М., 1998.
- Alexander R. J.* Fixed expressions in English: reference books and the teacher // English Language Teaching Journal. Vol. 38/2. April. 1984. – Pp.127-134.
- Alexander R. J.* Fixed expressions, idioms and phraseology in recent English learner's dictionaries // Euralex 92 Proceedings. – P. 35-42.
- Barthes R.* Texte // Encyclopaedia universalis. – Paris, 1973.
- Beaugrande R.-A. De, Dressler W.U.* Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen, 1981.
- Berry R.* The Shakespearean metaphor. Studies in languages and form. – London: Rowman and Littlefield, 1978.
- Black M.* Metaphor // Models and Metaphor / Ed. M. Black. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1962. – P. 25-47.
- Brook G.L.* Varieties of English. – London, 1977.
- Brugman C.* Story of Over: MA thesis. – Berkeley: University of California, 1981.

- Cassirer E.* Sprache und Mythos. – Leipzig, 1925.
- Chafe W.L.* Idiomaticity as an Anomaly in the Chomskyan Paradigm // Foundations of Language. Vol. 4. № 2, May. – 1968. – P. 109-127.
- Chambers Dictionary of Idioms, 1999.
- Chinenova L., Pianova M.* English Idiom Usage in the Context of Culture // New Developments in Modern Anglistics. – M., 1997.
- Chinenova L.A.* Idioms, metaphors, discourse situation: on contextual appropriateness and interpretation of an idiom // New Developments in Modern Anglistics. – M., 1996.
- Collins V.H.* A book of English Idioms. – London, 1975.
- Cowie A.P.* The Treatment of Collocations and Idioms in Learning Dictionary // Applied Linguistics, 1981. – 2(3). – P. 223–235.
- Cowie A.P., Mackin R.* Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2. Phrase, Clause and Sentence Idioms. – Oxford, 1975.
- Crystal D.* The English Language (Ch. 7. English at Play). – London, 1988.
- Davidson D.* What metaphors mean // On Metaphor / Ed. Sacks. – Chicago: University of Chicago Press. 1979.
- Dictionary of Cultural Literacy / *E.D. Hirsch, Jr. Josef F. Kett, James Frefil.* – Boston: Houghton Mifflin Company, 1988.
- Evans B. I.* The Language of Shakespeare's plays. – London, 1959.
- Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. – Edinburgh: University Press, 2006.
- Fauconnier G., Turner M.* Metaphor, Metonymy, and binding // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / Ed. By René Dirven; Ralf Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- Fernando C., Flavell R.,* On Idiom. Critical Views and Perspectives. – Exeter: University of Exeter, 1981. Vol. 5.
- Firth J.R.* The Tongue of Men and Speech. (Ch. 8, Flesh and Blood). – Oxford, 1964.

- Fraser B.* Idioms within a Transformational Grammar // Foundations of Language 6. – 1970. – № 1. – P. 22-42.
- Freeman W.* A Concise Dictionary of English Idioms. – London, 1975.
- Gibbs R. W.* The Poetics of Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Gläser R.* The Grading of Idiomaticity as a Presupposition for a taxonomy of idioms // W. Hüllen and R. Schulze (eds.) Understanding the Lexicon: Meaning, Sense and World Knowledge in Lexical Semantics. – Tübingen: Niemeyer, 1988. – S. 264-79.
- Grice H. P.* Logic and conversation // Syntax and Semantics 3: Speech Acts / Eds. P. Cole, J. L. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
- Hoffman R.* Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science // The ubiquity of metaphor. – Amsterdam, 1985.
- Interiextualität: Formen, Funktionen, anglist. Fallstudien / Hrsg. Von Broich U., Pfister M.; Unter Mitarb, von Schulte-Middelich B. – Tübingen, 1985.
- Izotov A. I.* American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. – Moscow: Azbukovnik, 2010.
- Izotova A.A.* English Idiomatic Phraseology in Fiction. – Moscow, 1998.
- Izotova A.A.* English Idioms. Usage and Tradition. – Moscow, 2001.
- Jones D.* English Pronouncing Dictionary. 16th edition / Edited by Peter Roach, James Hartman & Jane Setter. – Cambridge University Press, 2003.
- King James Bible (1611) // Ο ΛΟΓΟΣ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΣΥΑΧΕΝΕΣ ΤΕΧΝΕΣ ΝΑ ΙΒΡΙΤΕ, ΑΡΑΜΕΙΣΚΟΜ, ΓΡΕΧΕΣΚΟΜ, ΛΑΤΙΝΣΚΟΜ, ΚΟΠΤΣΚΟΜ, ΑΝΓΛΙΣΚΟΜ, ΝΕΜΕΤΣΚΟΜ, ΤΕΡΧΟΒΝΟ-ΣΛΑΒΙΑΝΣΚΟΜ Ι ΡΥΣΣΚΟΜ ΙΑΥΑΧΑ. <http://ihtys.narod.ru/>
- Kövecses Z.* Metaphor. A Practical Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Kövecses Z.* Metaphor in culture: Universality and variation. – Cambridge, MA; New York: Cambridge University Press, 2005.

- Kristeva J.* Semiotike: Recherches pour une semanalyse. – Paris, 1969.
- Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things. – Chicago: Chicago UP, 1990.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. – Chicago, 1990.
- Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. – New York: Basic Books, 1999.
- Langacker R.* Grammar and Conceptualization. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.
- Lee Alvin A.* Heorot and the Guest-Hall of Eden: Symbolic Metaphor and the Design of Beowulf // The Guest-Hall of Eden: Four Essays on the Design of Old English Poetry. – Yale: Yale University Press, 1972. – P. 171-223.
- MacCormac E. R.* A Cognitive Theory of Metaphor. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1985.
- Mackin R.* On collocations; words shall be known by the company they keep // *P. Strevens* (ed.), In Honour of A. S. Hornby. – Oxford: OUP, 1978. – P. 49-65.
- Magennis H.* The Cup as Symbol and Metaphor in Old English Literature // *Speculum*, 1985. Vol. 60. Issue 03. – P. 517-536.
- Makkai A.* A Dictionary of American Idioms. – New York, 1975.
- Makkai A.* Idiom structure in English – The Hague, Paris, 1972.
- Manser M. H.* A Dictionary of Contemporary Idioms. – London, 1983.
- Oxford Dictionary of Quotations: <http://rapidshare.com/files/68312176/>
- Partridge E.* A charm of words (Ch. Cliches). – London, 1960.
- Schmidt H. W.* English Idiomatik in Stillehre und Literatur – München, 1962.
- Seidl J., McMordie W.* English Idioms and How to Use Them. – Moscow, 1983.
- Smith L.P.* Words and Idioms. Studies in the English language. – London, 1926.
- Stern J.* Metaphor in Context. – Cambridge MA: MIT Press, 2000. – 405 p.
- Thun H.* Probleme der Phraseologie. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1978.
- Wood F.T., Hill R.* Dictionary of English Colloquial Idioms. – London and Basingstoke, 1979.